

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Ю.Н. Исаев

**ФИТОНИМИЧЕСКИЙ
КОНЦЕПТУАРИЙ
КАК СЛОВАРЬ НОВОГО ТИПА
(на материалах чувашского
и русского языков)**

Чебоксары 2013

УДК 80/81: 58
ББК 81 я 2
И 85

Рецензенты:

доктор филологических наук *Н.И. Егоров*,
доктор филологических наук, профессор *В.Г. Родионов*

Научный редактор:

доктор филологических наук, профессор *В.И. Сергеев*

На обложке:

зооморфная ручка трипода с рунической подписью. Биляр. XII в.

Исаев Ю.Н.

И 85 Фитонимический концептуарий как словарь нового типа (на материалах чувашского и русского языков): монография / Ю.Н. Исаев; науч. ред. В.И. Сергеев. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. — 191 с.
ISBN 978—5—7670—2149—9

Научное издание посвящено описанию совокупности концептов растительного цикла — деревьев, кустарников, наиболее распространенных на территории Чувашии и в средней полосе России. Рассматриваются универсальные и национальные концепты, связанные с флорой, присущие чувашской, русской культурам и культурам тюркоязычных народов.

УДК 80/81: 58
ББК 81 я 2

© Исаев Ю.Н., 2013
© Чувашское книжное издательство, 2013

ISBN 978—5—7670—2149—9

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы термин **концепт** стал одним из активно употребляемых в научной лексике. В языкознании особенно тесно связаны с ним два направления — когнитивная лингвистика и лингвокультурология. По существу, главным предметом исследования в обеих этих областях является семантика — семантика слов, словосочетаний, дискурсов, высказываний, предложений, текстов, — которая образует ядро концепта. Совокупность концептов — концептосфера — отражает специфику сознания и миропонимания этноса, носителя того или иного языка.

Из отдельных концептов формируется картина мира, т.е. мировидение, мировосприятие, где отражается понимание человеком реальности, ее особый «концептуальный» рисунок, на основе которого человек осмысливает мир. Понятие картины мира (в том числе и языковой картины мира) строится на изучении представлений человека о мире. Картина мира — реальное человеческое сознание. Мировидение каждого этноса воплощается в картине мира. Знание о мире — картина мира, которая лежит в основе индивидуального и общественного сознания. Язык при этом выполняет миссию познавательного процесса. Говорящие на разных языках могут иметь близкие концептуальные картины мира, в этом мы убеждаемся на примерах концептосфер «флора» и «фауна». Общечеловеческое, национальное и личностное присутствуют в концептуальной картине мира. Считается, что она шире и гораздо богаче, чем языковая картина мира. Тем не менее концептуальная картина мира «привязана» к языку и преломляется через языковые формы. На ее формирование влияют не только язык, но и традиции, религия, природа, воспитание, обучение и ряд других социальных факторов. Языковая картина мира — национальная картина мира и выявляется она в языковых уровнях разной степени. Языковая картина мира

является основным звеном концептуальной картины мира; это общекультурное достояние нации (этноса), она многоуровневая, от нее зависит коммуникативное поведение людей, понимание окружающего (внешнего) мира и внутреннего состояния человека.

Концептосфера «флора» содержит большой потенциал для изучения национальной культуры. В данной работе рассматриваются универсальные и национальные концепты, связанные с флорой, присущие чувашской и русской культурам, с привлечением примеров из других, родственных и неродственных, языков. В каждом национальном языке есть национальный образ живого существа, который отражает черты духовности нации. К живым существам мы относим: 1) человека (person); 2) животных (creature); 3) растения (plant).

Объединить эти три группы в один подкласс со значением «живые существа» позволяет наличие в содержательной структуре лексико-семантических вариантов — общих компонентов, являющихся доминантами: 1) человек — живое существо, обладающее даром речи и мышления и т.д.; 2) животное — живой организм, существо, обладающее способностью двигаться и т.д.; 3) растение — растущий живой организм и т.д. В семантической структуре этих слов присутствует признак (компонент) «живой», в силу этого они объединяются в подкласс со значением «живые существа». Слова *человек*, *животное*, *растение* следует считать **гиперонимами** (т.е. словами с более широким значением), а слова с более узким значением — **гипонимами**.

Наше исследование связано с гиперонимом «флора», который означает растительный мир, все виды растений — травы, цветы, деревья, кустарники и даже грибы. У гиперонима «растение», следовательно, появляется согипероним «дерево». Здесь мы сталкиваемся с усложненной **гипонимией**: флора (растение) → *дерево*: *дуб*, *клен*, *береза*, *калина* и др. Получается своеобразная иерархическая организация структурных элементов, основанных на родовидовых отношениях — подчинения вида роду, частного — общему, высшего — низшему. На примере концептов «дуб», «береза», «ель» и других мы попытаемся показать в сжатой форме, что каждый язык отражает определенный способ восприятия организации мира, выраженные в нем значения, которые складываются в некую единую систему взглядов, так называемую коллективную философию, которая навязывается языком всем его носителям; что концептуализация отчасти универсальна, отчасти национально специфична.

Прежде чем приступить к описанию совокупностей концептов под названиями «деревья» и «кустарники», считаем необходимым кратко рассмотреть содержание основных понятий, используемых в рамках исследуемой темы.

Увидевшее свет издание знаменует определенный этап моей исследовательской деятельности, поэтому ее появление очень важно и значимо для меня.

Искреннюю признательность и глубокое уважение хочу выразить тем, кто на всех этапах работы над книгой — формирование идеи, сбор фактического материала, оформление, редактирование — оказывал содействие и помощь.

Особые слова благодарности — профессору В.И. Сергееву. Он принял участие в определении направлений моих научных изысканий, стал научным руководителем кандидатской диссертации, несмотря на свою занятость, и сейчас находит время для интересных и познавательных консультаций.

Приношу благодарность Н.И.Егорову за ценные рекомендации и любезно предоставленные этнографические материалы, значительно обогатившие содержание монографии.

Весьма признателен М.Г. Кондратьеву, Г.Б. Матвееву, В.Г. Родионову за дельные советы и помощь в поиске дополнительной информации.

Молодые и перспективные ученые А.В. Кузнецов и Э.Е. Лебедев — настоящие труженики науки. Они охотно делились своими мнениями и наблюдениями по тем или иным вопросам данной области знания. Спасибо им.

Полезные комментарии и замечания коллег Л.П. Петрова, Г.А. Дегтярёва, А.Р. Губанова, Н.В. Добровой, несомненно, нашли отражение в работе и существенно улучшили ее.

За подготовку книги к изданию выражаю благодарность Т.Н. Таймасовой, Г.И. Алимасовой, Н.И. Никифоровой.

За оригинальное оформление обложки очень признателен А.А. Трофимову.

Сердечно благодарю директора издательства В.П. Комиссарова за понимание, поддержку и возможность реализовать научные проекты в жизнь.

КОНЦЕПТ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Термин **концепт**, ставший в последние два десятилетия одним из ключевых в языкознании, был заимствован из математической логики, где он служит обозначением содержания понятия, его смысла. В когнитивной лингвистике и лингвокультурологии часто используется данный термин, несущий большой эвристический потенциал, и дискуссии о природе его, несмотря на огромное количество научной продукции, все еще продолжаются.

Концепт (лат. *conceptus* «мысль, понятие») — мысленный образ материального и идеального мира, объекта, непосредственно связанных в сознании с соответствующими языковыми знаками.

В лингвистической литературе нет единого подхода к определению термина *концепт*, так же как и в лингвокультурологии, лингвоконцептологии, когнитологии. Концепт нами понимается как многочисленное, интегративное образование, имеющее логически вычисляемое ядро и различные пласты, обусловленные лингвокультурным и социокультурным фоном. Это пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово. Концепты возникают «в результате взаимодействия таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей» [Арутюнова, 1993, с. 3].

Хотя наука о концепте стремительно развивается, некоторые вопросы концептуальной лингвистики по-прежнему остаются дискуссионными. Среди ученых нет единого мнения даже в отношении терминологической номинации ключевого понятия данного направления науки. Так, некоторые лингвокультурологи предлагают использовать понятие *логоэпистема*, а другие — *лингвокультурема*. В данном исследовании используется термин *концепт*, употребляемый большинством специалистов. По словам С.Г. Воркачева, этот тер-

мин оказался наиболее жизнеспособным, так как по частоте употребления он значительно опередил все прочие терминологические новообразования [Воркачев, 2003, с. 5].

Другие вопросы теории концепта: природа концепта, его структура, отличие концепта от понятия, типология и т.д. — также не имеют однозначного решения. Здесь необходимо определить содержание таких основных понятий теории концептуальной лингвистики, как *концептосфера* и *ментальное пространство*.

Проблема определения *природы концепта*, т.е. источников информации, участвующих в формировании концептуальных структур, в конце XX века была предметом дискуссии многих ученых. Одни исследователи высказывали мнение, что единицами и средством познания являются только логические формы, то есть отражательный процесс ограничивается логическим мышлением, иные формы, участвующие в познании, исключаются; язык способен лишь отражать систему знаний и представлений человека. Другие ученые подчеркивали активное участие языка в формировании концептуальных структур.

От понятий логики, строгих и достаточно неподвижных, отличаются слова, которые человек использует в повседневной жизни. Здесь понятия классифицируются, скорее, по типу, а не по формально выраженным общим признакам. В мышлении народа или даже отдельного человека понятия образуются преимущественно не путем восприятия и объединения присущих группе предметов одинаковых признаков, а благодаря тому, что прежде всего воспринимаются и перерабатываются в понятия такие свойства, которые являются наиболее существенными с точки зрения языкового сообщества, уровня развития производства, культурных стереотипов. Уже это обстоятельство указывает, что понятия в логике и понятия в естественном языке образуются и функционируют по-разному, что требует их терминологического разграничения.

Логические процедуры в своей изначальной однозначности вполне адекватны лишь по отношению к однозначным объектам. В повседневной картине мира, в отличие от строго упорядоченной и иерархизированно-научной, явления категоризируются часто «неправильно», и язык народа отражает эти «неправильности» весьма последовательно, обуславливая тем самым своеобразие языковой картины мира того или иного народа. Причем одни и те же образы помогают структурировать представления о внешнем, физическом, мире и мире человеческой души (*широта поля и широта души, теплый день и теплый прием*). Отсутствие четкой фокусировки, опреде-

ленная расплывчатость и аморфность отражаются в концепте иногда очень ярко и своеобразно.

С.А. Аскольдов выделяет «концепты познавательного характера» и «художественные концепты». По его определению, концепт есть мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов действий одного и того же рода [Аскольдов, 1997, с. 269]. Для исследователя важна когнитивная роль концептов. Разводя концепты познания и художественные концепты, С.А. Аскольдов выделяет общий характер, отношение к множественной предметности первых и индивидуальность последних, для которых свойственны сочетание черт понятий, представлений, чувств, эмоций, даже волевых проявлений, а также их ассоциативный характер. Важнейшей характеристикой концепта он называет его *потенциальность*.

С.А. Аскольдов разрабатывает определение концепта как мысленного образования, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода, являясь как бы «алгебраическим» выражением значения. Д.С. Лихачев, отталкиваясь от определения С.А. Аскольдова, углубляет это понятие. Так, в отличие от него, он считает, что концепт существует не для слова, а для каждого основного значения слова. Концепт не возникает непосредственно из значения слова, а «является результатом столкновения словарного значения слова с личным народным опытом человека» [Лихачев, 1997, с. 281]. Д.С. Лихачев вводит понятие концептосферы: «В совокупности потенции, скрывающиеся в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом, мы можем назвать концептосферами» [Лихачев, 1997, с. 282]. Национальный язык в потенции является своеобразным «заместителем» русской культуры. Теория концептосферы, предложенная Д.С. Лихачевым, выводит проблему соотношения концепта и языкового значения за рамки лингвистической проблематики в широкий культурный и национальный контекст. Таким образом, концептуальное пространство языка — это семантическое пространство языка, организованное пересечениями разнообразных ментальных структур, т.е. концептов, но при этом оно соотносимо с историческим опытом нации, ее культурой и религиозными верованиями.

Н.Д. Арутюнова интерпретирует концепты как понятия обыденной, практической философии, возникающие «в результате взаимодействия таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей» [Арутюнова, 1991, с. 3].

Обстоятельную интерпретацию концепта дает Ю.С. Степанов в объемном труде «Константы: Словарь русской культуры» (1997, 2001, 2004), где он утверждает, что именно концепт является базовым термином. Концепт — это пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово. В отличие от понятий, концепты не только мыслятся, но и *переживаются*, они связаны с эмоциями, симпатиями и антипатиями отдельной личности и языкового сообщества в целом. Ю.С. Степанов отмечает сложность структуры концепта, его многоуровневость: с одной стороны, ему принадлежит «все, что принадлежит строению понятия», с другой стороны, в структуре концепта представлено все то, что «делает его фактом культуры» [Степанов, 2001, с. 43]. На разных уровнях структуры концепта находят свое отражение его происхождение, этимология, различные современные ассоциации, оценки и т.д.

В.И. Карасик выделяет три компонента концепта: понятийный, смысловой и ценностный [Карасик, 1996, с. 3—15].

По образному определению С.Х. Ляпина, «в глубине концепта мелькает понятие» [Ляпин, 1997, с. 27]. С.Х. Ляпин рассматривает концепт как многомерное культурно значимое социопсихическое образование в коллективном сознании, опредмеченное в той или иной языковой форме. Исследователь на первый план выдвигает идею о многомерности концепта, выделении в нем рационального и эмоционального, абстрактного и конкретного компонентов. Концепты являются первичными культурными образованиями, транслируемыми в различные сферы бытия человека, в частности в сферы преимущественно понятийного (наука), образного (искусство) и деятельного (обыденная жизнь) освоений мира. Тогда в лексических единицах языка можно противопоставить: 1) объективное потенциальное содержание, или концепт; 2) содержательный минимум, который обычно представлен в словарной дефиниции и который является актуализацией концепта, всегда частичной и субъективной по отношению к смысловому потенциалу (известно, что каждый словарь есть отражение субъективной авторской трактовки объективного содержания слов); 3) конкретизацию содержательного минимума, которая проявляется в нескольких направлениях: а) тематизация (*фуганок* — это инструмент; *дифференциал* — математическое понятие; *юстировать* — выполнять определенные действия); б) прагматизация (слово *эвакуация* для человека, пережившего войну, содержит важные эмоционально-оценочные характеристики, которые вряд ли возникают у людей, не имеющих такого опыта; сюда же

относятся статусно-ролевые, ситуативные, этноспецифические обертоны языковых реалий).

При описании природы концепта или концептосферы отдельного языка необходимо ответить на принципиально важный (как с точки зрения методологии, так и прикладных аспектов исследования) вопрос: всякий ли концепт имеет свою словесно выраженную форму, все ли концепты в обязательном порядке вербализованы? Большинство исследователей на этот вопрос дают отрицательный ответ. Утверждается, что они, как правило, вербализованы, но их вербализация не облигаторна [Вежбицкая, 1997; Ляпин, 1997; Стернин, 1999; Красавский, 2001 и др.]. В языке они могут быть выражены по-разному: как одно слово или словосочетание. Именно вербальная форма (одно слово или же описательная конструкция) понятия дает возможность передавать его при акте коммуникации.

Концепты, с точки зрения С.Х. Ляпина, это «идеализированные формообразования, опирающиеся на понятийный (или псевдо-, или предпонятийный) базис, закрепленный в значении какого-либо знака: научного термина или слова (словосочетания) обыденного языка, или более сложной лексико-грамматико-семантической структуры, или невербального предметного (квазипредметного) образа, или предметного (квазипредметного) действия и т.д.» [Ляпин, 1997, с. 18].

О.Н. Селивестрова отмечает, что концептуальная семантика в языкознании не образует самостоятельное направление, составляя при этом важнейшую теоретическую часть в целом ряде лингвистических направлений. Она указывает, что термин *концепт* (или понятие, ему соответствующее) используется для определения значения и в теории Ф. де Соссюра, и в психологическом направлении в лингвистике конца XIX века [Селивестрова, 2001, с. 294]. Вполне естественно, что при этом представления о содержании языковых концептов могут в той или иной степени различаться. Так, структуралисты акцентируют внимание на роли дифференцирующих элементов. Для представителей психологического направления чрезвычайно важно положение о том, что в значении отражается не непосредственное восприятие внешнего мира, а представления, рождающиеся при «вторичной» когнитивной обработке первичных данных. Понимание значения как концепта позволяет относить к концептуальной семантике и когнитивизм.

В научной литературе проблема тождественности или нетождественности концептов в разных языках остается дискуссионной.

Для тех исследователей, которые не разводят терминологически «понятие» и «концепт», важно то, что рациональное ядро понятия, его содержательная сторона могут быть переформулированы, адекватно переданы средствами разных языков. Согласно иной, более распространенной в настоящее время, точке зрения, концепты в разных языках и культурах не совпадают, поскольку при формировании концепта или понятия выделяют разные стороны наблюдаемых процессов и явлений, хотя определенная общность при этом, безусловно, прослеживается. В основе этого лежит глобальное противоречие между общностью законов человеческого мышления и дифференциацией способов, с помощью которых реально осуществляется мыслительная деятельность.

В рамках концептосферы В.И. Убийко предлагает разграничить суперконцепты, макроконцепты, базовые концепты и микроконцепты. Например, интегрирующим суперконцептом является концепт «человек». Макроконцептами, лежащими в основе концептосферы «внутренний мир человека», являются концепты «душа» и «дух». Они объединяют чувствительную сферу внутреннего мира (концепт «чувство»), ментальную (концепт «ум»), императивную (концепт «воля»), нравственную (концепты «добро» и «зло») сферы в единое целое. Взаимодействие концептов осуществляется по линии деривационных отношений, парадигматических и синтагматических связей, вербализующих их лексем [Убийко, 1999, с. 52]. С точки зрения В.И. Убийко, концепт представляет собой объемное ментальное образование, вбирающее в себя не только инвариант значений репрезентирующего гнезда и одноименного семантического поля [Убийко, 1998, с. 3]. Так, в комплексном функционально-ситуативном словаре «Концептосфера внутреннего мира человека» (1998) представлены исходные лексемы, их дериваты, антонимические, синонимические ряды и лексическая сочетаемость.

Иную интерпретацию концепта дают те исследователи, которые занимаются логическим анализом языка. Своеобразно толкование концептуальной системы Р.И. Павилениса, для которого концептуальная система являет собой основной контекст интерпретации неязыковых и языковых текстов. По его мнению, концепты — это смыслы, составляющие когнитивно базисные подсистемы мнения и знания. Ученый подчеркивает значение тех концептуальных структур, которые репрезентируют мнение индивида о мире. Опираясь на методологические установки логического анализа языка и теории речевых актов, Р.И. Павиленис отмечает, что только с учетом этого носители языка способны распознавать иллокутивные

намерения других носителей языка и определять иллокутивное содержание употребляемых ими языковых выражений [Павиленис, 1986].

Язык сам по себе не выражает никаких смыслов, существующих независимо от концептуальных систем, так как выразить — это символически репрезентировать содержание одной концептуальной системы с тем, чтобы данная символизация была интерпретирована в какой-либо другой или той же концептуальной системе для того, чтобы такая символизация стала объектом «радикальной интерпретации» (цит. по: Павиленис, 1986, с. 386).

Отдельный концепт реализуется только в рамках концептуальной системы языка в целом, и вне системного подхода немислимо представить ни содержательные пласты, ни специфику отдельных концептов. Один из французских постструктуралистов, характеризующая современную эпистему, говорит: «Для того, чтобы слово могло сказать то, что оно говорит, необходимо, чтобы оно принадлежало к первичной, основополагающей и определяющей, его грамматической целостности». Современные исследователи концептов выступают преемниками идей И.А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра, для которых системность языка является его фундаментальной характеристикой. Отдельный концепт в изолированном виде, вероятно, может быть описан или интерпретирован в известных пределах, однако сама по себе вербальная формулировка не может исчерпать соотносимого с ним содержания.

Свободное владение языком — это не только обладание навыками кодирования концептов. «Символическая фиксация концептов дает возможность манипулировать ими, манипулируя языковыми знаками, и тем самым строить новые смысловые структуры, которые без языка не могли быть построены, и соответствующие «картины мира» не могли быть образованы в концептуальной системе», — пишет Р.И. Павиленис [Павиленис, 1986, с. 386]. Следовательно, усвоение языка, как в значительной степени конвенциональный акт, предполагает коммуникативную ориентацию в такой системе. В зависимости от уровня образования, профессиональной ориентации, сословно-классовых или иных социальных характеристик языковой личности восприятие и индивидуальное использование концептов будут достаточно дифференцированными. В известной мере можно утверждать, что язык может использоваться и для социализации «картин мира», содержащихся в индивидуальных концептуальных системах для приближения их к «картине», разделяемой членами языкового сообщества. То есть язык в значитель-

ной мере посредством своеобразия концептуальной системы в целом адаптирует уникальный экзистенциальный опыт индивида, преобразуя и эксплицитно очерчивая социально значимые пласты этого опыта. Благодаря этому сугубо индивидуальные переживания преобразуются в нечто интерсубъектное, объективированное, даже в определенной степени объективное (артикуляция мира посредством единой системы кодирования).

Язык — не концептуальная система, а средство ее строения и символической репрезентации. Следовательно, в таком понимании он является средством конструирования и плацдармом разворачивания разнообразных концептуальных систем, каждая из которых, базируясь на исходной системе, будет обладать рядом качественных характеристик. «Концептуальная система в таком понимании — это не совокупность правил употребления языковых выражений и не свод «энциклопедических знаний о мире», а система взаимосвязанных информации, отражающая познавательный опыт индивида на самых разных уровнях (включая довербальный и вербальный) и в самых разных аспектах познания, осмысления мира: наиболее абстрактные концепты в такой системе концептуально связаны с концептами, отражающими наш обыденный опыт как часть одной концептуальной системы» [Павиленис, 1986, с. 387].

Мы не можем устранить концептуальные атрибуты языка и мышления и исследовать непосредственно объективную реальность, чтобы соотнести ее с планом выражения и содержания в языке. Однако исследователь может изучить мир и человека как часть этого мира и узнать, какой информацией может он обладать, о том, что происходит вокруг него. Крупнейший представитель аналитической философии XX века Куайн утверждает: «...то единообразие, которое объединяет нас при коммуникации и в наших убеждениях, есть единообразие полученных в результате обучения, накладываемых на хаотичное субъективное многообразие связей между словами и опытом. Единообразие появляется там, где оно имеет социальную значимость» [Куайн, 2000, с. 24].

Несмотря на то, что одним из первейших требований к терминологии является отсутствие многозначности, многие понятия не только естественного языка, но даже языка науки являются многозначными. Зачастую эти понятия во многом представляют собой неизбежный продукт процесса познания, выражение его динамики, многоступенчатости и противоречивости, многогранности человеческого опыта в целом. И уточнение понятий предполагает не столько устранение чьих-то субъективных заблуждений, сколько

углубление знаний о явлениях и процессах в природе и социуме, обозначенных этими понятиями.

Следует отметить, что в естественном языке всегда неточными оказываются эмпирические характеристики (*биек* — высокий, *ерак* — далекий, *иске* — старый и т.п.), совершенно по-разному реализуются в пределах даже одного языка такие обычные концепты, связанные с бытом, как *өй* — дом, *ишек* — дверь, *тэрээ* — окно и т.д.

При этом сомнение в приложимости понятия к конкретным вещам не удастся устранить ни путем привлечения каких-либо новых фактов, ни дополнительным анализом самого понятия. Неточность может иметь контекстуальный характер, и при анализе отдельных концептов языка это обстоятельство необходимо учитывать. Таким образом, язык, речь и внеязыковой контекст зачастую взаимообуславливают особенности оперирования с концептом.

Размытость значений слов нередко является результатом их изменения с течением времени, следствием того, что разные культуры и эпохи смотрят на одни и те же вещи совершенно по-разному. А.В. Ахутин в монографии «Понятие «природа» в античности и в Новое время» отмечает, что различия в понимании того, что мы называем природой, в разных социокультурных условиях были весьма существенны. Автор на основе скрупулезно выполненного анализа (в значительной степени анализа словоупотребления, лексической сочетаемости, словообразовательных связей и этимологии) доказывает, что греческая «*фюсис*» коренным образом отличается от того, что философы и ученые XVII века называли «*натурой*», «*природой*», причем это различие столь существенно, что перевод обоих слов словом «*природа*» может показаться смешением омонимов [Ахутин, 1988, с. 164]. А.В. Ахутин отмечает, что мы не можем сопоставлять «*фюсис*» и «*натуру*» на основании какой-либо внекультурно определенной практики, соответствующий им практический опыт формируется в самой средоточии культуры.

В «Словаре когнитивных терминов» указывается: «Концепт — это, скорее, посредник между словами и экстралингвистической действительностью, и значение слова не может быть сведено исключительно к образующим концептам. Правильнее было бы, наверное, говорить о концептах как о соотносительных со значением слова понятиях. Значением слова становится концепт, схваченный знаком» [Кубрякова, КСКТ, 1996, с. 92]. Таким образом, концепт — это многослойное, интегративное образование, имеющее логически вычленяемое ядро и различные пласты, обусловленные социокультурным и лингвокультурным фоном.

В конце XX века одним из важнейших и спорных вопросов концептуальной лингвистики становится разграничение терминов *значение*, *понятие* и *концепт*. Н.Д. Арутюнова наделяет термин *концепт* собственным статусом, но ассоциирует с ним понятийное содержание языковых выражений. Термины *концепт* и *понятие* Н.Д. Арутюнова употребляет как синонимы. В своей статье «Истина: фон и коннотации» исследователь замечает: «Сам концепт *Истины*, как и другие понятия религиозного сознания, определяется как совокупность взаимозависимых признаков — атрибутов некоторой сущности, обозначаемой символом» [Арутюнова, 1991, с. 24]. В другой работе Н.Д. Арутюнова отмечает: «Концепт — это понятие практической или обыденной философии, возникающей в результате таких факторов, как социальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства» [Арутюнова, 1999, с. 3].

Идея Н.Д. Арутюновой о некоей взаимозаменяемости этих терминов — *концепт* и *понятие* — обуславливается не только спецификой направления, но также тем, что концепт и понятие имеют много общего (и то, и другое принадлежат к ментальному миру человека). К тому же употребление одного лишь слова *концепт* в работах вызывает стилистические трудности, поэтому нередко в качестве синонима используют *понятие*.

С учетом тех или иных особенностей и свойств концептов неоднозначны подходы к *типологизации* концептов. В настоящее время известно множество классификаций концептов. Еще в первой трети XX века русский исследователь С.А. Аскольдов (Алексеев) впервые разграничил **познавательные** и **художественные** концепты и определил специфику каждого из них. Автор пионерной в этой области статьи «Концепт и слово» отметил, что в искусстве познание идет иным путем, чем в логике, т.е. науке. По мнению С.А. Аскольдова, познавательные концепты характеризуются «общностью», так как это всего лишь «схематический чертеж многих сходных предметов», то есть «схематические представления, лишённые тех или иных конкретных деталей», приписываемых предметам индивидуальным сознанием [Аскольдов, 1997, с. 271]. Если «концепты познания — общности, то концепты искусства — индивидуальны» [Аскольдов, 1997, с. 274], так как любое художественное видение мира, представление о нем субъективно, что и отражается в тексте того или иного автора. Другое существенное отличие художественного концепта познания исследователь видит в том, что «к концептам познания не примешиваются чувства, желания, вообще иррациональное. Художественный концепт чаще всего есть комплекс того и

другого, то есть сочетание понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда волевых проявлений» (Там же).

Таким образом, художественный концепт способен создавать определенное «эмоциональное и эстетическое напряжение», чего чаще всего лишены концепты познания. Вероятно, поэтому в структуре художественного концепта, кроме собственно общих и индивидуальных познавательных смыслов, можно выделить также эмоционально-оценочные: негативные и позитивные, или аксиологические, перцептивные и т.д.

В современной науке также выделяют, по крайней мере, два типа концептов в соответствии с аспектом рассмотрения данного феномена: концепт как единица лингвокультурологии и концепт как объект когнитивно-семантического анализа.

Однако эта общая классификация требует более мелкого рубрицирования. Ю.С. Степанов предлагает рассматривать два важных типа концептов: концепты, представляющие собой **«рамочные понятия»**, и концепты — **«понятия с плотным ядром»**.

Рамочные концепты, по мнению исследователя, имеют «некоторый основной, актуальный признак (или некоторую небольшую совокупность таких признаков), который, собственно, и составляет главное содержание концепта. Возникновение концепта... «коллективного бессознательного» или «коллективного представления» — результат стихийного, органического развития общества и человечества в целом. ...Далее эти концепты, собственно — их «рамка», могут «примериваться», «накладываться» на то или иное общественное явление, в данных случаях — на то или иное общество (причем другие исключаются), на ту или иную социальную группу (причем другие также исключаются). Здесь мы имеем дело с другим процессом, который вряд ли можно назвать «органическим» или стихийным. Это есть процесс социальной оценки, подведения под норму, под норматив, процесс, связанный с сознательной деятельностью общественных сил и даже с их борьбой» [Степанов, 1997].

Такие «накладываемые» концепты Ю.С. Степанов называет «понятиями с плотным ядром». Исследователь продолжает свои рассуждения: «Конечно, могут сказать, что не только концепты, которые мы назвали «рамочными», отличаются этой особенностью, что многие, а может быть, и все духовные концепты имеют некоторое идеальное содержание (что, собственно, и составляет сам концепт), которое можно «примеривать» к разным конкретным социальным или личным явлениям. Так, мы говорим, что «это (какое-то конкретное нечто) есть *Любовь*», а «вот это (другое нечто) — не

Любовь». ...Однако между этими концептами и концептами первой группы, «рамочными», есть существенное различие. Вторые, то есть *любовь, вера* и тому подобные, культурно значимы в своей целостности, во всем своем составе признаков, и отвлечение одного из них в качестве «рамки» концепта, хотя и возможно, но есть лишь искусственная логическая процедура. В первом же случае, напротив, «рамка» и есть основное содержание концепта, в силу которого концепт и является социально и культурно значимым, — высшая точка его развития. ...Это различие может быть поставлено в параллель с некоторыми философскими соображениями о разделении понятий на две группы — понятий априорных и понятий апостериорных (опытных или эмпирических)» [Степанов, 1997].

Исследователь в области лингвокультурологии В.И. Карасик выделяет такие типы концептов: «1) специализированные этнокультурные и социокультурные концепты, в концентрированном виде выражающие особенности культуры; 2) неспециализированные концепты, культурная специфика которых выражена в меньшей мере и требует поиска скрытых культурно значимых ассоциаций; 3) универсальные концепты, не имеющие культурной специфики» [Карасик, 2004, с. 9].

Среди этноспецифических концептов В.И. Карасик предлагает содержательно «противопоставить **параметрические** и **непараметрические** ментальные образования. «К первым, — уточняет исследователь, — относятся те концепты, которые выступают в качестве классифицирующих категорий для сопоставления реальных характеристик объектов: пространство, время, количество, качество и др.» [Карасик, 2004, с. 30]. Одним из важнейших признаков категориального статуса таких концептов «является их автоматический характер, наличие **бинарной оппозиции** как конструктивного признака концепта» (Там же. С. 31).

К непараметрическим относятся концепты, имеющие предметное содержание. Их, по мысли В.И. Карасика, можно разбить на два класса. Первый класс представляют **регулятивные концепты**: те ментальные образования, в содержании которых главное место занимает ценностный компонент (например, *счастье, долг, щедрость* и т.д.) и которые детерминируют и регулируют поведение человека. При этом среди них выделяются телеономные концепты (отправляющие к универсалиям духовной культуры и создающие для человека смысл жизни, например: *счастье, любовь*) и более частные концепты (*гордость, милосердие* и т.д.). Именно эти регулятивные концепты в большей степени представляют интерес для лингвокуль-

туролога. Ко второму классу В.И. Карасик относит **нерегулятивные концепты**, которые представляют собой синкретичные ментальные образования разного характера (например: *путешествие, подарок, здоровье* и т.д.), они выражают как негативные, так и позитивные ценности (например: *надежда* и *зависть*) [Карасик, 2004, с. 30—33].

Среди концептов-регулятивов исследователь также выделяет **универсальные, этноспецифические, социоспецифические и индивидуальные концепты**.

Однако ученый подчеркивает возможность и других подходов к типологизированию концептов, например, лингвистичная (точнее — частеречная) в своей основе типология, в которой выделяются предметные, сценарные и качественные концепты (аналогия с семантикой прототипных существительных, глаголов и прилагательных); когнитивно-психологическая, предполагающая картинку, схемы, сценарии, гиперонимы и т.д.

Последняя из названных классификаций подробно рассмотрена исследователем А.П. Бабушкиным, который предлагает следующую типологию: мыслительные картинки, схемы, фреймы, сценарии, калейдоскопические и логически структурируемые концепты.

Мыслительные картинки сугубо индивидуальны, они основаны на конкретном жизненном опыте человека. Так, исследователь рассуждает: «...один носитель языка может ассоциировать лексему *дорога* с проселочной дорогой к дому, где знакомы каждый бугорок и выбоинка, другой «мысленным взором» видит широкую автостраду, ведущую к аэропорту, но общая схема «протяженье» ... будет включаться в состав семемы этого слова» [Бабушкин, 2001, 28].

Концепт-фрейм, по мнению исследователя, «имплицитно включает комплексную ситуацию; его можно сопоставить с «кадром», в рамки которого попадает все, что типично и существенно для данной совокупности обстоятельств» (Там же. С. 29). Исследователь приводит пример со словом *больница*. В этом случае фрейм будет включать такие компоненты, как приемный покой, палаты с кроватями для больных, врачи и медсестры и т.д. **Сценарий**, как считает А.П. Бабушкин, это развернутый в динамике концепт. Сценарий состоит из этапов, так как в нем есть завязка, кульминация сюжета и развязка.

Логически конструируемые концепты в типологии А.П. Бабушкина абсолютно лишены образного начала, они вообще далеки от чувственного человеческого опыта. Смысл таких концептов равен их словарному толкованию. **Калейдоскопические концепты**, напротив, сопряжены с когнитивными метафорами (гештальтами), через призму которых постигается сущность абстрактного имени [Бабушкин,

2001, с. 55—57]. Рассуждая о названных типах концептов, А.П. Бабушкин подчеркивает, что «эти типы носят универсальный характер, а национальная специфика концептов заключается в различии их содержания при тождестве их типов» (Там же. С. 57).

В.И. Карасик предлагает дополнить данную классификацию еще одной рубрикой: «Наряду с картинками, схемами, сценариями, гиперонимами и другими разновидностями концептов можно выделить лингвокультурный типаж [Карасик, 2004, с. 30—33]. При этом под лингвокультурным типажом исследователь понимает «узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых составляет культуру того или иного общества» [Карасик, 2007, с. 88]. Исследователь приводит в качестве примера наиболее яркие типажы: *чужак* в английской культуре — человек с забавными странностями в поведении, обычно увлеченный каким-либо занятием и никому не причиняющий неудобств; *юродивый* в русской средневековой культуре — нищий, придурковато-блаженный, истязающий себя и обладающий даром прорицания человек (Там же. С. 89).

По признакам яркости и оценочности В.И. Карасик выделяет яркий, неяркий, положительный, отрицательный лингвокультурные типажы.

Поскольку лингвокультурный типаж — это ментальное образование, он также является концептом, следовательно, в его структуре можно выделить образную, понятийную и ценностную составляющие.

О.А. Дмитриева, изучающая лингвокультурные типажы (ЛТ) России и Франции XIX века, дает самое общее определение этого термина («языковая личность в ракурсе лингвокультурологии выступает в качестве лингвокультурного типажя») [Дмитриева, 2007, с. 56]) и указывает, что «коммуникативное поведение ЛТ регулируется ценностными приоритетами, стереотипами, архетипами» (Там же. С. 57). Из этого следует, по мнению исследователя, что черпать материал для изучения лингвокультурных типажей необходимо на основании анализа паремий и афоризмов, сюжетов литературы, ассоциаций слова и речения, юридических норм общества, данных опросов, анкетирования и других источников.

Подробную классификацию типов и видов концептов лингвокультурологии разработала М.В. Пименова. Концепты были разделены исследователем на три категориальных класса: 1) **базовые концепты**, которые составляют фундамент языка и всей картины мира (космические, социальные и психические (духовные) концепты); 2) **концепты-дескрипторы**, квалифицирующие базовые концепты,

среди которых выделяются *дименсиональные концепты* (концепты измерений: *размер, объем, глубина, высота, вес* и др.); *квалитативные концепты*, выражающие качество (*тепло — холод, целостность — портированность, твердость — мягкость*); *квантитативные концепты*, выражающие количество (*один, много, мало, достаточно — недостаточно*); 3) **концепты-релятивы**, реализующие типы отношений, среди которых отмечаются *концепты-оценки* (*хорошо — плохо, правильно — неправильно, вредно — полезно*); *концепты-позиции* (*против, вместе, рядом, близко — далеко, современный — несовременный*); *концепты-привативы* (*свой — чужой, брать — отдавать, владеть — терять, включать — исключать*).

Далее М.В. Пименова конкретизирует каждый из классов базовых концептов. Например, среди психических (духовных) концептов исследователь выделяет *концепты внутреннего мира* (*душа, дух, сердце*); *концепты характера* (*азартность, терпение, благодушие, гордость, грубость, доверчивость, счастье, злость, грусть, страдание, верность, тоска, тревога, любовь*); *ментальные концепты* (*знание, ум, мысль, понимание, память, представление, разум, рассудок, воображение, вдохновение, сознание*) [Пименова, 2007, с. 81—82].

Исследователь предлагает также выделить основные типы концептов по разным основаниям и приводит следующую классификацию.

1. По признаку развития структуры концепты можно разделить на **развивающиеся** (активно используемые в национальной концептосфере, пополняющие свою структуру новыми признаками) и **застывшие** (концепты, структуры которых перестали пополняться новыми признаками; обычно такое явление объясняется исчезновением реалий, связанных с этим концептом, процессом перехода слова — репрезентанта концепта — из активного словарного запаса в пассивный (архаизмы и историзмы)).

2. По признаку появления концепты можно подразделить на **исконные** (те концепты, которые зародились в национальной концептосфере) и **заимствованные** (те концепты, которые были принесены из других национальных концептосфер).

3. По признаку постоянства базовой структуры концепты бывают **сохранившиеся** (такие концепты, у которых понятийная и ценностная часть структуры не изменилась, несмотря на исчезновение или трансформацию референтов) и **трансформировавшиеся** (те концепты, которые были перенесены в связи с исчезновением референтной базы на новые реалии).

4. По признаку первичности концепты делятся на **первичные** (те концепты, которые появились первыми и послужили базой для

развития производных) и **производные** (на последнее указывают производные слова — репрезентанты концепта; первоначально производные концепты входили в качестве составных признаков в структуру основного концепта, позже они развивались самостоятельно, однако их структуры до сих пор не достигли той степени развития, которая существует у первичного концепта).

5. По признаку актуальности концепты можно разделить на **ведущие**, или ключевые (концепты, широко представленные в паремиологическом фонде, фольклоре, художественной литературе: *душа, сердце, ум, человек, природа* и др.), и **второстепенные** (концепты, которые находятся на периферии концептосферы, они вторичны, менее актуальны, их репрезентанты менее частотны, например, концепты *чиновник, консультант*).

Также выделяются **постоянно актуальные, неактуальные и переменные («плавающие»)** концепты.

Постоянно актуальные — это ведущие (ключевые) концепты, неактуальные — второстепенные концепты, переменные («плавающие») — концепты, периодически становящиеся то актуальными, то неактуальными.

В зависимости от промежутка времени, когда концепт становится снова актуальным, он может стать трансформировавшимся. Переменные концепты могут иметь имя, репрезентирующее концепт, и даже часть своей структуры. Так, в период войны на Кавказе в XIX веке в русской концептосфере был актуален концепт *абрек*. В последнее десятилетие этот концепт трансформировался и стал не менее актуальным под именем *чеченец* [Пименова, 2007, с. 84—86].

И.А. Стернин, представитель когнитивно-семантического направления, выделяя в структуре концепта базовый слой, или ядро, к которому прирастают дополнительные когнитивные слои, «отражающие определенный результат познания внешнего мира, то есть результат когниции», разграничивает три типа концептов. К ним он относит: 1) **одноуровневые**, состоящие только из базового слоя (*желтый, зеленый, соленый, ложка, чашка, тарелка* и т.п.); 2) **многоуровневые**, имеющие, помимо базового слоя, когнитивные слои, отличающиеся уровнем абстракции (ср. *грамотный* — базовый слой: «образованный человек»; когнитивные слои разной степени абстракции: «умеющий читать и писать»; «умеющий хорошо читать и писать»; «умеющий эффективно общаться» и т.д.); 3) **сегментные**, состоящие из базового слоя, окруженного несколькими сегментами (ср. концепт *толерантность* — базовый слой: «терпимость, сдержан-

ность»; сегменты: «политическая толерантность», «научная толерантность», «бытовая толерантность», «административная толерантность» и т.п.) [Стернин, 2001, с. 59—61].

В современной науке, таким образом, сложилось множество подходов к типологизации концептов, что обусловлено многоаспектностью изучения данного феномена.

Когнитивная лингвистика ставит целью анализ концептуализации и категоризации накопленного человеком и человечеством опыта, описание способов концептуальной организации знаний и способов их вербализации в системе языка. В языке отражается реальная действительность, окружающая человека, условия жизни народа, особенности его мышления и восприятия реальности. Сложное переплетение и взаимообусловленность языка и культуры определяют универсальный и в то же время специфический характер восприятия действительности носителями разных языков.

В языковой картине мира этнический менталитет актуализируется в ключевых концептах, изучение которых позволяет заглянуть в сердцевину национальной культуры. Язык, как важнейший компонент культуры, непосредственно выражает этнические особенности восприятия действительности и склад мышления. «Можно считать лексическую единицу некоторого языка «ключевой», если она может служить своего рода ключом к пониманию каких-то важных особенностей культуры народа, пользующегося данным языком» [Шмелев, 2002, с. 11]. Разумеется, речь не может идти о постижении всей национальной культуры во всем ее многообразии, однако можно говорить о каких-то существенных моделях и паттернах, встроенных в национальную культуру и воспринимаемых носителями национального языка как нечто естественное, само собой разумеющееся. По этой причине такие представления практически не становятся предметом рефлексии в естественных условиях языковой коммуникации рядовыми носителями языка. А.Д. Шмелев указывает, что эти представления находят отражение в семантике языковых единиц, так что, овладевая значениями слов, носитель языка одновременно привыкает к ним, а будучи свойственными всем носителям языка, они оказываются определяющими для культуры, пользующейся этим языком [Шмелев, 2002, с. 12]. Существенные особенности языка и культуры раскрываются при сопоставлении с фактами другого языка и культуры. Для человека, находящегося в рамках одной культуры и языка, привычный способ восприятия и категоризации мира представляется единственно реальным, единственно возможным и адекватным действительности.

Выявление и описание лингвоспецифичных концептов, которые в одно и то же время отражают и формируют образ мышления народа, продолжают оставаться актуальной задачей лингвокультурологии. Исследователями отмечается, что значения большого количества лексических единиц, на первый взгляд имеющих эквиваленты в других языках, при детальном изучении лексической семантики оказываются как бы включающими лингвоспецифичные конфигурации идей.

К ключевым культурным концептам любой языковой картины мира относится концепт *человек*, без анализа которого не представляется возможным описать культуру этноса адекватно, так как место любой реалии в системе культурных ценностей — независимо от того, принадлежит эта реалия миру артефактов или природному миру — может быть определено в первую очередь через ту роль, которую играет по отношению к этой реалии человек. В татарской картине мира *человек* выражается словом *кеше*, в чувашской — *сын*, *этем*; в англ. — *a man*.

«В культуре нет ни «чисто материальных», ни «чисто духовных» явлений; предмет как предмет культуры создается и своей материальной предметностью, и своим отношением к другим предметам», — констатирует Ю.С. Степанов [Степанов, 2001, с. 697]. Именно по этой причине слово *сердце* в разных языках представляется какместилище человеческих чувств и противопоставляется *голове* какместилищу разума, интеллектуальных способностей. Анализ культурной наполненности концептов часто основывается на выявлении внутренней формы слов и идиом, то есть учитывается мотивированность значений слов, связанная с пониманием отношений между словесными элементами языковой системы.

Обозначение отдельных предметов внутреннего и внешнего мира глубже проникает в чувственное восприятие, фантазию, эмоции и благодаря взаимодействию их всех — в народный характер вообще, потому что здесь поистине природа единится с человеком, вещественность, отчасти действительно материальная, — с формирующим духом. В этой области, соответственно, ярче всего просвечивает национальная самобытность.

Аттестация языка как средства общения неотделима от рассмотрения его функций во внутриэтническом измерении. Взаимный детерминизм языка и культуры отчетливее всего выявляется в пересечении языка и бытового уклада, языка и социальной структуры, языка и искусства. Наличие языка — необходимое условие материального и духовного бытия во всех сферах социального простран-

ства. Язык в этнических границах его носителей — это не только и не столько средство общения, сколько память и история народа, его культура и опыт практической деятельности в традиционных и привычных для этноса формах. Язык «представляет собой форму культуры, воплощающую в себе исторически складывающийся тип жизни во всем его разнообразии и диалектической противоречивости» [Тарланов, 1993, с. 5]. С этих позиций концептуальное оформление в языке того пространства, внутри которого протекает будничное, повседневное существование членов этноса, чрезвычайно важно для лингвокультурологии, которая стремится выделить наиболее значимые культурные схемы, охарактеризовать культурное пространство этноса через описание ключевых культурных концептов.

Та картина мира, которая складывается в языке этноса, в известной мере детерминируется прагматическими моментами и возникает главным образом как ответ на практические потребности человека, и основные виды трудовой деятельности, традиционный уклад быта продолжают оказывать определенное влияние и при изменении ценностных ориентаций. Как отмечает В.А. Маслова, «по всей вероятности, совокупность предметно-образно-эталонных представлений о предметах, явлениях, с которыми человек встречается чаще, чем с другими, в целом формирует некоторую стабильную языковую картину отражения объективной действительности». «Претендуя на абсолютную истину, знания данного типа могут сколь угодно отходить от того, что посчитала бы объективной истиной традиционная наука. Их критерием выступает не формально-логическая непротиворечивость, а сама по себе целостность и универсальность модели, ее способность служить объясняющей (чаще — квазиобъясняющей) матрицей для структурирования опыта» [Маслова, 2001, с. 69].

В отличие от интенсивно меняющейся информации текстов, информация, заключенная в языковой семантике, характеризуется относительной стабильностью. Стабильность информации, заключенной в языке, связана с ее внутренним, опорным характером по отношению к знанию, содержащемуся в конкретных текстовых воплощениях. Мы выдвигаем рабочую гипотезу, согласно которой, несмотря на стремительно изменяющуюся действительность, основные формы концептуализации в языке явлений материального мира остаются сравнительно неизменными.

Языковые единицы, служащие обозначением объектов и явлений изучаемой сферы, могут быть объединены в лингвокультурологическом поле «дом — жильё». Оно, с одной стороны, выступает как

объединение языковых единиц, денотаты которых соотносимы с конкретным сегментом реальности, с другой стороны, эти номинативные единицы, взятые в своей совокупности и образующие систему, выступают не просто как номенклатура, а скорее, как определенная схематизация культурно-исторического опыта членов языкового коллектива. Поэтому проводимый нами анализ будет учитывать взаимосвязь языковых единиц с экстралингвистическим фоном, с исторически сложившейся предметной сферой и социокультурной средой.

Основываясь на том, что язык является основной формой фиксации и репрезентации знаний человека об окружающем мире и что за каждой лексической единицей стоит определенный объем информации об обозначаемом фрагменте действительности, мы различаем реальную действительность как источник наших знаний и ее отражение в конкретном языке.

Для обозначения всего созданного человеком, в противоположность природному существованию, как известно, было принято название артефакт, которым маркируется любой процесс или объект искусственного происхождения.

Семья, организация быта, уклад жизни представляют первостепенный интерес для исследования языковой картины мира.

Термин *концептосфера* был впервые применен Д.С. Лихачевым в статье «Концептосфера русского языка». Исследователи довольно быстро ввели термин в научный обиход, отмечая разные оттенки его значения. В.А. Маслова понимает под концептосферой «совокупность концептов, из которых, как из мозаичных кусочков, складывается полотно миропонимания носителя языка» [Маслова, 2007, с. 34]. В качестве иллюстрации исследователь приводит пример концептосферы православного русского сознания, отмечая, что «генетический код, вошедший в сознание нашего народа, в его менталитет и духовный опыт, может быть репрезентирован концептами *Слово, Творец, Истина, Добро, Благо, Мир, Свобода, Польза, Человек*, каждый из которых обладает сакральными смыслами в пределах концептосферы русского православного сознания» [Маслова, 2007, с. 34].

Представители семантико-когнитивного подхода к изучению концептов З.Д. Попова и И.А. Стернин употребляют термин *концептосфера* как «упорядоченную совокупность концептов народа, информационную базу мышления» [Попова, Стернин, 2006, с. 26]. Эти исследователи отмечают, что концептосферу составляют не случайно собранные концепты, это совокупность единиц, находящихся друг с другом в системных отношениях.

Ученые говорят о некоей изоморфности структуры самого концепта и целой концептосферы. В.А. Маслова отстаивает положение о полевой структуре концептосферы: «В структуре концептосферы есть *ядро* (когнитивно-пропозициональная структура важного концепта)», *приядерная зона* (иные лексические репрезентации важного концепта, его синонимы и т.д.) и *периферия* (ассоциативно-образные репрезентации). Ядро и приядерная зона преимущественно репрезентируют универсальные и общенациональные значения, а периферия — индивидуальные» [Маслова, 2007, с. 35].

Концепты, связанные с системными отношениями, образуют некие ментальные пространства в рамках одной концептосферы.

Термин *ментальные пространства* используется в работе профессора Тамбовского университета им. Г.Р. Державина В.Б. Гольдберг «Ментальные пространства, отражающие биологическое существование человека». Однако автор статьи отмечает, что данный термин был заимствован из работ Ж. Фоконье и М. Тернера, посвященных изучению ментальных пространств. Исследователи под ментальными пространствами понимают «небольшие концептуальные объединения «пакеты», создаваемые по мере того, как мы думаем и говорим» (перевод В.Б. Гольдберг). Однако авторы сосредоточиваются, по словам В.Б. Гольдберг, лишь на изучении причинно-следственных отношений между концептами, которые создают основу ментального пространства. Отечественный исследователь утверждает, что в основе формирования ментального пространства может находиться не только причинно-следственная связь, но и другие типы концептуальных связей. «В зависимости от этого будут различаться типы ментальных пространств» [Гольдберг, 2004, с. 7]. Далее автор выделяет разные типы концептуальных связей: меронимическую (отношения части и целого), фазовые, связь — «тяготение», реминисцентные, антонимические, градуарные, полярные, мотивирующе-целевые связи и т.д. (Там же).

Действительно, смысловые единицы одной концептосферы могут образовывать ментальные пространства на основе отношений включения (например, *ум — знание, мудрость — опыт — возраст* и т.п.), отношений антонимичности (*ум — глупость, свет — тьма* и др.), причинно-следственных отношений (*преступление — наказание, грех — вина*) и т.д.

В настоящее время активно изучаются единицы разных ментальных пространств.

Фитонимия является одной из малоисследованных отраслей лингвистики. В данной работе будет проводиться анализ концептов,

относящихся к смысловым полям «деревья» и «кустарники» с опорой на лексикографические источники. Поскольку словарные статьи дают лишь общее представление о значении слова, словосочетания, а энциклопедические словари — о понятии, к анализу будут привлечены разнообразные контексты: научные, поэтические, философские, культурные, публицистические, загадки, пословицы, поговорки, мифы, предания, сказки и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. Истина: фон и аннотации // Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 21—30.

Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка: ментальные действия. М.: Наука. 1993.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.

Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: Антология. М.: Academia, 1997. С. 267—280.

Ахутин А.В. Понятие «природа» в античности и в Новое время. М.: Наука, 1988.

Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 52—58.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997.

Воркачев С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Воронеж, 2002. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. С. 79—95.

Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. М., 2003. Вып. 24. С. 5—12.

Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.

Гольдберг В.Б. Ментальные пространства, отражающие биологическое существование человека // Концепт. Образ. Понятие. Символ: коллект. моногр. Кемерово: Графика, 2004. С. 6—21.

Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века. Волгоград: Перемена, 2007.

Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. / ВГПУ, ПМПУ. Волгоград; Архангельск, 1996. С. 3—16.

Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 78—81.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

Карасик В.И. Лингвокультурный типаж // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах. Ставрополь; Пятигорск, 2007. Вып. 5. С. 86—89.

- Красавский Н.А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001.
- Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац [и др.]; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.
- Куайн У.О.* Слово и объект. М.: Логос: Практис, 2000.
- Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология. М.: Academia, 1997. С. 280—288.
- Ляпин С.Х.* Концептология: к становлению подходов // Концепты. Архангельск: Изд-во Поморского университета, 1997.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001.
- Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2007.
- Павиленис Р.И.* Понимание речи и философия языка // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 380—389.
- Пименова М.В.* Коды культуры и проблема классификации концептов // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах. Ставрополь; Пятигорск, 2007. Вып. 5. С. 79—86.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка: монография. Воронеж: Истоки, 2006.
- Селиверстова О.Н.* «Когнитивная» и «концептуальная» лингвистика: их соотношение // Язык и культура: факты и ценности. М.: Языки русской культуры, 2001.
- Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры: опыт исследования. М., 1997.
- Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001, 2004.
- Стернин И.А.* Концепты и невербальность мышления // Филология и культура: материалы международной конференции. Тамбов: Изд-во ТГУ, 1999.
- Стернин И.А.* Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 58—65.
- Тарланов З.К.* Язык. Этнос. Время: Очерки по русскому и общему языкознанию. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1993.
- Убийко В.И.* Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке: Функционально-когнитивный словарь. Уфа, 1998.
- Шмелев А.Д.* Русская языковая модель мира: материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Шмелев А.Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002.

КОНЦЕПТОСФЕРА «ДЕРЕВЬЯ»

По данным толковых словарей, *дерево* — многолетнее растение с твердым стволом и ветвями, образующими крону [Ушаков, 2007, с. 176; Ожегов, 1994, с. 156]. Будучи природным символом, дерево во многих культурах обозначает непрерывный рост, природное обогащение и умирание, регенерацию — восстановление организмом утраченных или поврежденных органов или тканей, а также восстановление целого организма из его части. Дерево (растение) — регенератор (восстановитель) воздуха, удаляет избытки газа и пополняет убыль кислорода в воздухе с целью сделать его вновь пригодным для дыхания человека. Почтительное отношение к дереву у разных этносов основано на вере в его целительную силу. В сказках деревья защищают, исцеляют, исполняют желания.

Многие народы в древности были лесными жителями, а это послужило приданию деревьям сверхъестественной силы. Модель мира, по верованию древних, связана с мировым деревом. «Дождевые тучи, потемняющие небесный свод широко раскинутою и многоветвистою сению, в глубочайшей, незапамятной древности были уподоблены дереву-великану, обнимающему собой весь мир, — дереву, ветви которого обращены вниз — к земле, а корни простираются до самого высокого неба» [Афанасьев, 1994]. По описанию А.Н. Афанасьева, это баснословное дерево есть мифическое представление тучи, живая вода при его корнях и мед, капающий с его листьев, — метафорические названия дождя и росы, а море, где оно растет, — это воды небесного океана. Мировое дерево простирает свои широкие ветви, под которыми пребывают души блаженных и вместе с богами вкушают бессмертный напиток.

Есть и такое описание мирового древа: «А посреди рая древо животное, еже есть божество, и приближается верх того дерева до небес. Древо то златовидно в огненной красоте; оно покрывает

ветвями весь рай, имеет же листья от всех деревьев и плоды тоже; исходит от него сладкое благоухание, а от корня его текут млеком и медом 12 источников».

Предание о мировом древе славяне по преимуществу относят к дубу. В их памяти сохранилось сказание о дубах, которые существовали еще до сотворения мира. Есть предание о железном дубе, на котором держатся вода (воздушное море, небо), огонь (пекло, ад) и земля, а корень его стоит на силе Божьей. В народной сказке говорится о дубе, который вырос до самого неба; полез старик на то дерево, лез-лез и взобрался на небо, где сидел кочеток — золотой гребешок, который ни в огне не горел, ни в воде не тонул. Это напоминает скандинавский ясьень: на нем держатся три великих мира — небо, земля, ад; на ветвях гнездятся молниеносные птицы, а у корня лежит страшная змея, при дереве текут живые источники и обитают вещицы девы.

Образ мирового дерева — священного дерева — присутствовал и в сознании предков чувашей. Эти представления древних людей нашли отражение и сохранились в устном народном творчестве, в характере и образах изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Исследователь А.А. Трофимов в орнаменте чувашской народной вышивки, в узорах женской одежды (*масмак*, *сурпан*, *ама*, *сулӑ*) находит смысловую особенность изображения деревьев. В его работе имеются такие описания и суждения: «В узоре первого *масмака* по двум сторонам фигур «животных» помещены изображения, напоминающие деревья»; «Изображая колосья, деревья, животных вблизи постройки, гористую местность, течение воды, вышивальщицы стремились отразить некоторые стороны жизни земледельцев», «Фигура на верхушке «растения» (дерева. — Ю.И.) напоминает плод», «Вокруг ромбовидной фигуры помещены стилизованные деревья...»; «Однако остается неясным значение «шеста с кругом», изображаемого вблизи «дерева»; «Ствол священного дерева (т.е. дерева жизни) проникает сквозь святилище, чтобы развернуть над ним ветви»; «Центральной фигурой рельефов ступы является священное дерево. Ствол центрального дерева начинается со второго, горизонтального, яруса»; «Осью композиции, как и в рельефе, служит «дерево», оно, начинаясь со второго яруса, доходит до третьего. Верхний ярус включает в себя вершину дерева»; «...нагрудное украшение рубашки, состоящее из изображений «солнца», «дерева жизни» и других реальных предметов...» [Трофимов, 1977, с. 44].

Для проведения обряда жертвоприношений чуваша выбирали места, обсаженные деревьями, в отдалении от деревни, обычно подле ключа или речки.

Особое отношение к деревьям объясняется тем, что они почитались как вместилище богов. Например, известно, что в Индии в долине Инда существовал обычай сажать у городских ворот деревья. Эти деревья являлись, по верованиям, местопребыванием Солнца, которое выходит на стражу у двери Вселенной на вершине древа жизни. Есть специальные праздники, посвященные почитанию деревьев. Существует поверье, что характер человека соответствует одному из деревьев: деревья, как и люди, бывают одинокие и групповые, сильные и слабые. Связь растений и человека привлекает исследователей. В книге А.М. Семеновой-Тянь-Шанской «Мир растений и люди» (1986) рассказывается о значении растительного покрова (в особенности деревьев) в жизни всей планеты, в том числе и человека. Показано небрежное отношение людей к деревьям, негативное воздействие их на растительность. Между тем для того, чтобы жить, людям придется заботиться не только о сохранении и воспроизводстве лесов, но и о рациональном использовании лесных ресурсов. Зеленый покров, являющийся вместе с почвой «пленкой жизни» и основой всей биосферы, создает благоприятные условия для всего живого: кормит, одевает, очищает воздух, поставяет кислород в атмосферу, обеспечивает развитие промышленности и восполняет энергетические ресурсы Земли.

Деревья считаются плодами Матери-Земли, они рождены от брака Земли и Неба. Принадлежность к двум мирам дает дереву право занимать важное место в значениях слов, словосочетаний, паремиях и мифопоэтических представлениях всех этносов.

Для чувашей мир растений всегда был миром живых существ. В преданиях говорится о том, что в деревьях хранятся души многих поколений [Мифсем, 2004, с. 19]. Древние чуваша считали, что деревья и растения живут так же, как и люди: они рождаются, растут, стареют и умирают, чувствуют как любовь, так и обиды, у них есть свои родители, предки и свои цари. В особенности чувашами почитались такие деревья, как дуб и рябина (Там же. С. 111).

Концептосфера «дерево» дает нам возможность ознакомиться с коллективной мудростью народа, его обычаями и оберегами.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. М.: Современный писатель, 1995. Репринт. изд. 1865—1869. Т. 1.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1994. 907 с.

Семенова-Тян-Шанская А.М. Мир растений и люди. Л.: Наука, 1986. 173 с.

Трофимов А.А. Орнамент чувашской народной вышивки. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1977. 110 с.

Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2007. 1239 с.

Чăваш халăх пултаруăхĕ: мифсем, легендăсем, халапсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2004. 567 с.

ВЁРЕНЕ КЛЁН

Вёрене «клён» — дерево с широкими резными листьями.

Фонетический вариант: *врене*.

Дериват: *вёренелёх* «заросли клёна, место, изобилующее клёном».

Топоним: *Ѕёнь Вёренер* — название деревни.

Этимология: уйг. *ерен*, уйг. заруб. *ўренчи*, казах. *уйеки*, тат. *өрэнче* «клен», башк. *ойэнке* «ива, ветла» [Егоров, 1964, с. 52].

М.Р. Федотов приводит производные формы и почти те же тюркские соответствия [Федотов, I, с. 118].

У Ю. Дмитриевой представлен сравнительно-сопоставительный материал: тат. *öränge*, тат. диал. *örgä*, к.-балк. *ürge*, кумык. *ürge* (*терек*), уйг. *erän* «клён». По мнению автора, данное слово характерно только для узкого круга тюркских языков кыпчакской группы. Его нет даже в башкирском, где для обозначения клёна употребляется слово *sagan*. Этимологические словари В.Г. Егорова, М. Рясненa, а также М.Р. Федотова в отношении данного фитонима содержат только сопоставительный материал, но не указывают на его происхождение. Приведенные В.Г. Егоровым и М. Рясненом параллели имеют лишь структурные сходства и представляют собой совершенно другой фитоним. Ю. Дмитриева возводит *вёрене* к архетипу *ürün + ke < *ür* «дуть» (ср. др.-тюрк. *ür-* «дуть») и мотивацию названия объясняет звукоподражательным характером [Дмитриева Ю., с. 31].

Р.Г. Ахметьянов тат. *өрэнге*, чув. *вёрене* связывает с др.-тюрк. *үрэн*, *үрүн* «белый» (ак). В татарском диалекте название клёна представлено словом *чаган*; автор возводит *чаган* «клён» к монг. *чаган* «белый, белое дерево, клён», ср. осм. *аңча агач* «клён» (букв.: белое дерево) [Ахметьянов, с. 160].

В чувашском *чакан* бот. «палочник, рогоз», «куга», имеются тюркские соответствия: кирг. *чекен*, тат. *жикен*, к. калп. *жекен*, туркм. *екен*, алт. *джекен*, башк. *екен* «рогоз».

Чакан — «род камыша для приготовления циновок»; «циновка, сделанная из этого камыша» [Егоров, 1964, с. 316; Федотов, П, с. 387]. Чувашское *чакан* к татарскому *чаган* «клён» не имеет никакого отношения.

Л.В. Дмитриева в статье на слово *клён* приводит следующие параллели: тур. *akşaağaç* < [*akşa* «беловатый» + *ağaç* «дерево»]; казах. *ййеки* «клён»; ср. башк. *ййәнкә*: тат. бараб. *ййәнкә* «ветла», «тополь», тат. *ййәнке* «ива»; туркм. *керкав*; узб. *зараң* «клён», «барбарис»; кирг. *зараң*, уйг. *йерән*, чув. *вёрене* < [? ир. зерин «золотой»], башк. *саган*, тат. *чаган* «клён» < [п.-монг. *šaayan* «белый»];

п.-монг. *aγči modu(n)*, *моду(н)* [*aγči* «клён» + *modu(n)* «дерево»; монг. *агч мод*, калм. *aktši modn*];

тунг.-маньчж.: эвенк. *ачакта* «клён, рябина» [Дмитриева Л., с. 191—192].

Отметим, что Л.В. Дмитриева чувашское *вёрене* возводит (хотя и под знаком «?») к иранскому *зерин* «золотой». Видимо, цвет «белый» в названии *клён* все же присутствует и в п.-монг. *aγči modu(n)* «беловатое дерево», ср. данные Р.Г. Ахметьянова: осм. *акча агач* «клён», чув. *вёрене* ~ др.-тюрк. *үрәң* «белый» [Ахметьянов, 2001, с. 160].

Словосочетания: *вёрене сұлси* «кленовый лист», *вёрене пёвё* «ствол клёна». *Вярманта куккук авятать, вёрене пёвё янйрать* (фольк.); *вёрене шывё* «кленовый сок»; *Америка вёрени* «американский клён»; *вёрене пуртй аври* «кленовое тополище».

Устойчивое словосочетание: *вёрене тәрри* «чиж»; *вёрене купйс* «скрипка» [Ашмарин, V, с. 363—364].

Фольклорные данные: *Вёрене шульчи (сұлси) сәйнәм порч (порчә ~ пурчә), сурхи хёвелле саралчә те, кёрхи хёвел шоратминч(чә).* (*Касрәм-касрәм вёрене, турәм лартрәм шурй пурт, шурй пуртре шур сётел, сётел синче шур кулач* «Срубил клен, поставил белую избу, в белой избе белый стол, на столе белый калач»). «Хур каййак» юмахри хур каййак юрри: *Хур каййак, хур каййак, асу килне мантйн-и? Апу килне мантйн-и? Пичу килне мантйн-и, апу килне мантйн-и? — Ай, манасси манман та, вёрене вутти хутрәс те, вёр суната вётрәс те, хурйн вутти хутрәс те, хур сунатне (суната?) вётрәс те вятйр хур тйла тёрттерчәс* [Ашмарин, V, с. 364].

Вёрене курка — сар курка, алйран алла суретёр, алйк патнелле ан ярйр «Пусть желтый кленовый ковш переходит из рук в руки, но не передавайте его к дверям» [Ашмарин, I, с. 139].

Загадки: *Врене, врене, вёрене ылтйн, суйпи-саппи пин ылтйн* (пыл тйвакан хуртсем «медоносные пчелы») [Ашмарин, V, с. 364];

Сулла симёс хыс тăхăнать, кĕркунне сарă кĕрĕк тăхăнать «Летом в зеленом кафтане, осенью в желтой шубе» (вёрене «клён») [ЧРС, 1982, с. 573].

Вёрене шывёне ёлĕк кĕсел çиячĕç тит [Ашмарин, V, с. 364]. *Вёрене шывё, врене шу* — кленовый сок, его пьют как напиток.

В чувашском фольклоре популярно употребление кленового листа (*вёрене çулси*):

1. *Върман урă каçрăмър, каçрăмър*
Врене çулси çутине, çутине. «Прошли, прошли через лесочек
При свете, при свете кленового
листочка».
2. *Атте панă нурçан тутър*
Тытам сыхам тенё чухне
Вёрене çулси пулса вытрĕ. «Подаренный отцом шелковый платок,
Когда решила повязать его,
Обернулся кленовым листочком».
[ЧПА, 1962, с. 26].

В приведенном стихотворении «Каш-каш върман» (Шумит лес) говорится, что гнедая лошадь (*тур лаша*) превращается в дубовый чурбан (*юман каска*); белая корова (*шур ёне*) — в березовую колоду; красная овца (*хёрлĕ сурăх*) — в гниль, труху древесную; шелковый пояс (*нурçан пиçиххи*) — в лычину.

Каш-каш върман, каш върман!
Мён-ма тăтăшах кашлать въл?
Çуллен турат хушас тет.
Каш-каш хăмăш, каш хăмăш!
Мён-ха тăтăшах кашлать въл?
Çуллен сыпта ларас тет.
Кĕр-кĕр халăх, кĕр халăх!
Мён-ма кĕрлет çав халăх?
Çулленех чун хушас тет.

Шумит лес, лес шумит!
Отчего он шумит непрерывно?
Ветвями разрастаться желает.
Шумит камыш, камыш шумит
Отчего он шумит непрерывно?
Стеблями разрастаться желает.
Пирует народ, веселится!
Отчего народ веселится?
Свой род приумножать желает.

Атте панă тур лаша
Тытам кўлем тенё чухне
Юман каски пулса вытрĕ.
Атте панă шур ёне
Тытам сăвам тенё чухне
Хурăн каски пулса вытрĕ.
Атте панă хёрлĕ сурăх
Тытам илем сямне тенё чухне
Хёрлĕ янкар пулса вытрĕ.
Атте панă нурçан пиçиххи
Тытам сыхам тенё чухне
Пушăт чĕлĕ пулса вытрĕ.
Атте панă нурçан тутър
Тытам сыхам тенё чухне
Вёрене çулси пулса вытрĕ.

Гнедая моя — отцовский подарок,
Когда хотела запрячь её,
Обернулась в дубовый чурбан.
Корова белая — отцовский подарок,
Когда хотела подоить её,
Обернулась в березовую колоду.
Овца красная — отцовский подарок,
Когда хотела взять шерсть,
Обернулась в древесную труху.
Поясок шелковый — отцовский подарок,
Когда хотела надеть его,
Обернулся в лычину.
Платок шелковый — отцовский подарок,
Когда хотела повязать его,
Обернулся в кленовый листочек.

В фольклорных произведениях часто слово *вёрене* рифмуется со словом *пёрене*. *Каср'ам, каср'ам вёрене, тур'ам, тур'ам пёрене, ларт-р'ам, лартр'ам шур'а п'урт* «Нарубил я кленочков, натесал бревен и построил белую избу» [ЧРС, 1982, с. 74]. *Анкартинчи вёрене х'асан пулайё-ши пёрене?* Ради справедливости отметим, что употребление слова *вёрене* в текстах подобного содержания — только для созвучия, на самом деле никто никогда из клёна дом не срубил, древесина его применяется в строительстве лишь для декоративной отделки.

Кленовые ветки в народе используют во время праздника Троицы. Ими украшают наличники окон и ворот. Они символизируют пробуждение природы, наступление лета. Из древесины клёна готовят ручки для разных инструментов, а кленовый сок имеет целебное значение и применяется для укрепления организма [Матвеев, 2005, с. 50].

Клён — дерево, растущее в умеренном поясе, с характерными лопастными листьями [Ушаков, 2007, с. 350].

Клён — родовое название дерева *Acer*, обычно разумеют *Acer platancides*, русский клён, *Acer campistre*, пакленок, чернокленина; *Acer pseudoplatanus*, явор? сикомор, немецкий клён; *Acer tataricum*, нектен, пактен, черноклен, сережник?, лимок.

Дериваты: *кленина* — одно кленовое дерево; *кленник, кленовник* — кленовый лес, роща; *кленовый* — к клёну относящийся, из него сделанный, *кленовина* — загривок, завок, завойка меха; *кленовина, кленовик* — кленовый сок, как березовица, березовый сок [Даль, II, с. 116].

Вторичные (переносные) значения: *клён* — загривок или шейный хребет. *Клён натерло — надоело* (Там же).

Этимология: 1) *Клён* — общеславянское, имеющее соответствия в балтийских и германских языках (ср. лит. *klevas* «клён»; др.-англ. *hlyn* «тж» [Шанский, Иванов, Шанская, 1971, с. 197];

2) *клен, клена* ~ укр. *клен, клень*, польск. *klon*, родственно др.-исл. *hlynr*, кимр. *kelyn*, др.-корн. *kelin*, далее лит. *klevas* «клён» [Фасмер, II, с. 247].

Клён — восходит к индоевропейскому **kleno* — наряду с **kline*, откуда редкое в славянском сербохорв. *kün* (из **klynь*), выше, формально соответствующее реликтовому макед. «вид клёна»; нем. *behne*, англосак. *hlyn*, др.-исл. *hlynr*, далее лит. *klėvas* «клён». Индоевропейское **kleno-*, вероятно, связано с индоевропейским **kel* «колоть», причем более конкретная мотивация оказывается спорной. С одной стороны, дерево клён *Acer platancides* обращает на себя внимание характерной расчлененно-заостренной формой своих листьев. С дру-

гой стороны, стоит иметь в виду возможность несколько иной реально-семантической мотивировки: «Клён прокалывается ради своего сладкого сока». Эта вторая версия позволяет осмыслить не только корень, но и его оформление: **kleno* «проколотый», страд. прич. прош. вр. Неудачное сближение **klen* и *сынъ*, якобы первоначально «лодка из ствола одного клена» [ЭССЯ, IX, с. 194—195].

Кленовый лес — *klenъje*: сербохорв. *клијење*, *клење*, диал. *клиње* ср. р., собир. *Клијење* — название села в Мачве, чеш. *Klení* — местное название из первонач. «кленовый лес»: др.-рус. *кленье* ср. р., собир.: ...*Куплен воз кленья на клинья*; рус. диал. *кленё* — кленовые листья, кленовая роша. Производное с суф. *-ъje* (собир.) от *Кленъ* «клён» [ЭССЯ, IX, с. 197].

Особый интерес вызывает название рыбы *клен*, *клян* — речная рыба: «плотва, голавль, елец, рыба из породы карпов, рыба, похожая на язя». Оригинально толкование названия рыбы от названия дерева клён, собственно — от поры цветения дерева [ЭССЯ, IX, с. 196] (со ссылкой на: В.Т. Коломиец. Ихтиологическая номенклатура славянских языков как источник для исследования межславянских этнических взаимоотношений. Киев, 1978. С. 13—14). Возможно, название рыбы *елец* от корня слова *ель*. Ср. чувашские названия рыб с участием древесного компонента: *çирĕк пулли* «форель, пеструшка» (букв. «ольхи рыба» или «ольховая рыба»); *юман пулл* «жерех» (букв. «дуб + рыба»).

Фольклор и художественные тексты: *Клён да яшень — плюнь да сгасни (плюнь да наземь)*. Из свадебной песни: *Клён да береза чем не дрова, хлеб да вода чем не еда?* [Даль, II, с. 116—117].

Стихотворение С. Есенина «Клён ты мой опавший, клён заледенелый...» посвящено клёну:

Клён ты мой опавший, клён заледенелый,
 Что стоишь, нагнувшись, под метелью белой?
 Или что увидел? Или что услышал?
 Словно за деревню погулять ты вышел.
 [...]
 Там вон встретил вербу, там сосну приметил,
 Распевал им песни под метель о лете.
 Сам себе казался я таким же клёном,
 Только не опавшим, а вовсю зелёным.
 И, утратив скромность, одуревши в доску,
 Как жену чужую, обнимал берёзку.

Лирический герой Есенина сравнивает себя с клёном, обычно олицетворяющим в его стихах твердость, силу, стойкость. Это дерево зимой напомнило ему пьяного сторожа, который приморозил ногу

в сугробе. Поэт ощущает себя молодым клёном, который встретил вербу, «там сосну приметил» и обнимал («как жену чужую») берёзку.

У Сергея Есенина клён — образ мужской (сторож), берёза — женский (жена чужая).

В стихотворении «Смуглянка», ставшем текстом популярной военной песни, образ клёна неопределенный: то ли женский, то ли мужской.

Раскудрявый клён зеленый, лист резной,
Я влюбленный и смущенный пред тобой.

Клён зеленый, да клён кудрявый,
Да раскудрявый, резной!
<...>

Раскудрявый клён зеленый, лист резной,
Здравствуй, парень, мой хороший,
мой родной...

Возможно, из-за того, что листья клёна похожи на кисть человеческой руки, славяне считали, что после смерти или в результате колдовства человек может быть превращен в это дерево [Библиотека ... , 1988, с. 53].

Сравнения: *трястись, затрястись как кленовый лист* — о дрожащем от страха человеке; ср. *трястись (дрожать) как осиновый лист*.

ЛИТЕРАТУРА

Ахметьянов Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Тат. кн. изд-во, 2001. 272 с. На тат. яз.

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка = Чăваш сĕмахĕсен кĕнеки. Вып. 1—17. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928—1950.

Библиотека русского фольклора. Былины. М., 1988. 548 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М.: Русский язык, 1978—1980.

Дмитриева Л.В. Названия растений в тюркских и других алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 151—223.

Дмитриева Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений. Деврен, 2001. 211 с.

Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.

Матвеев Г.Б. Чувашское народное зодчество. Чебоксары, 2005.

Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2007. 1239 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964—1973.

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Чебоксары, 1996. Т. 1. 470 с. Т. 2. 509 с.

Чăвашла-вырăсла словарь = Чувашско-русский словарь / М.И. Скворцов редакциленĕ. М.: Русский язык, 1982. 712 с.

Чăваш поэзийĕн антологийĕ. Шупашкар: Чăваш АССР кĕнеке изд-ви, 1962. 580 с.

Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1—34. М.: Наука, 1974—2002.

ЙАМРА ВЕТЛА

Йамра «ветла» — вид ивы.

В словаре Н.И.Ашмарина записано: *Йамра* — *пысăк хăва* «Ветла — большая ива». Ветла — неотлучная подруга чувашской деревни. Ею обсажены улицы, овраги и берега речек и прудов. Чуваши заботливо ухаживают за молодыми ветлами, огораживают их, а в сухое время и поливают. В чувашской поэзии ветла упоминается нередко (Ашмарин, V, с. 73).

Вот строки из поэмы К.В. Иванова «Нарспи»:

*Силпи ялĕ пуян ял,
Ларать вĕрман айĕнче,
Кантур пекех сурчĕсем
Ват йăмрасем айĕнче.<...>
Тĕрĕ шывĕн айĕнче
Кăвак пĕлĕт явĕнать.
Ватĕ йăмра тайăлса
Тĕсне пăхса савĕнать.*

«А живут в Сильби богато:
Не один там встретишь дом —
Под прохладой старых вѣтел —
Наподобие хором.<...>
Синеву небес колышет
Зыбь, прозрачна и светла.
На себя, любуясь, смотрит
В заводь старая ветла».

Перевод П. Хузангая

Всем известны песенные строки:

*Эх, йăмра, йăмра,
Шурийăлти йăмра.*

«Эх, ветла, ветла,
Шоршелская ветла».

Или вспомним стихотворение Н. Шупуџсынни «Шелттĕм-шелттĕм ѓвас сулџи» (в переработке С. Азамат «Шелттĕм-шелттĕм йăмра сулџи»).

Йăмра ялта ўсет, сирĕк — сьрмара «Ветла растет в деревне, ольха — в овраге» [Ваттисен сĕмахĕсем ...].

К. Турхан написал роман «Йăмраллă ял» («Деревня в ветлах»).

Ветла всегда считалась основным деревом в чувашской деревне. Это связано с тем, что традиционно поселения основывались около ключей, ручьев и оврагов, где произрастает преимущественно ветла.

Возле ветлы всегда проводили игриша, хороводы, это было место встречи влюбленных пар. Также в хозяйстве ветлу использовали как ограждение в противопожарных целях [Матвеев, 2005, с. 50].

Дериват: *йӓмралӓх* «ветельник». *Йӓмралӓхра курак та ҫӓвар тулли кӓйшкӓрать* [Ашмарин, V, с. 73] «В ветельнике и грач каркает в полный голос».

Топонимы: *Йӓмра варё* — название оврага; *Йӓмра пусси* — название поля.

Фонетический вариант (диал.) *йумра* — название дерева: *Ҫӓллӓ ту ҫинче виҫ ӓвӓс, виҫ ӓвӓс айӓнче ик йумра, ик йумрана кас та купӓс ту* [Ашмарин, IV, с. 330] «На горе высокой три осины, а под тремя осинами две ветлы, срубил две ветлы и смастери скрипку (букв.: гармошку)».

Этимология. В.Г. Егоров и М.Р. Федотов лексему *йӓмра* не включили в реестр этимологических словарей.

Ю. Дмитриева пишет, что происхождение слова неизвестно, соответствий нет ни в тюркских, ни в финно-угорских языках. Судя по фонетическому облику, слово является заимствованием, возможно, тат. *йомра* → чув. *йумра* → *ймра*. Н.И. Золотницкий в своем словаре сравнивает его с татарским *йумура* «ива», но такая лексема не зафиксирована в известных нам словарях татарского языка [Проблемы исторической лексикологии ... , с. 31].

Заслуживают внимания данные Г.Е. Корнилова: *-ра*, видимо, восходит к слову со значением «дерево», поскольку присутствует в составе *туйра* «молодой дубняк», *йӓмра* «ветла, ива»; ср. сванское *йебра* «черешня» [Корнилов, ЕЛП, 1973, с. 23]. В таком случае выявляется корень *jum* ~ *jm* со значением «красный», как и в случае *jumiri* ~ *jimit* ~ *sēmirt* [Дмитриева Ю., 2001, с. 26].

От корня *йӓм* образовалось *йӓмӓх* «краснеть»: *йӓмӓх хӓрлӓ* «густо-красный». В действительности в природе встречаются ветлы с красной древесиной, как и верба, ива. По нашим предположениям, цветообозначение перешло на цельный объект миропонимания *йӓмра* «красное дерево» (по цвету древесины).

Р.Г. Ахметьянов для сравнения берет тат. *туйра* «дубок», «дуб (молодой)», чув. *туйра* «молодой дуб», морд. *тояра*, удм. *туйыро* «куст, кустарник», др.-тюрк., уйг. *тоғрак* «тополь». Корнем этого слова (этих слов) он считает др.-тюрк. *тоғ* «смола, клей»; см.: др.-тюрк. *тоғрауи* «смола», отсюда *тоғра* «смолить», таким образом образуется название дерева, дающего (содержащего) смолу, далее от этого корня — тат. *торангы*, к. калп. *турангы*, узб. *турангил* «тамариск (смолистое дерево)» [Ахметьянов, 2001, с. 210].

С точки зрения Р.Г. Ахметьянова, *туй* < *то* «смола, клей», «смолистый», а *-ра* (по Г.Е. Корнилову) «дерево», следовательно, *туй-ра* «смолистое дерево». От этого же корня может быть и название дерева *туя* (*туйа*) «хвойное вечнозеленое дерево с мелкими листьями».

В происхождении слова *туйра* много неясного: почему молодой дуб стал смолистым деревом? Возможно, произошло видовое изменение названия дерева. Элемент *-ра* может восходить к *ор* «дерево» в тохарском [Севортян, I, 1974, с. 473]. Возможно, *ор(ар)* изменилось в *ро(ра)*, как в слове *ракита* < **orkyta* или в слове *рак* < **orkъ*, где сочетание *ор* изменилось в *ра* [Шанский, Иванов, Шанская, 1971, с. 382].

Приведенное Н.И. Ашмариным изречение (*йайра*), записанная Н.Р. Романовым загадка о ветле сплошь состоят из неизвестных нам слов. *Ворот-ворот, вортан килен, нимчэ хули Микполи* [Ваттисен сѣмахѣсем ...]. У Н.И. Ашмарина *нимчэ хули* дано как название города [Ашмарин, IX, с. 28].

Словосочетания: *йайра хулли* «ивовый прут», *йайра сулци* «лист ветлы», *йайра турачё, йайра вулли*.

Фольклор: *Эпир йайра касман-и, йайра пёкё туман-и?* «Не мы ли срубили ветлу, не мы ли сделали дугу? (в упряжке)».

Ветла — верба, лоза, ракита, раkitник различных видов.

Дериваты: *ветловой, ветляный* — относящийся к ветле, из нее сделанный, вербовый. *Сгибали мы дугу вязовую, согнем и ветловую; ветляник, ветельник, ветловник* — ветловая роща, заросль; *ветляный* — приветливый.

Ветловником зовут местами и растение *Cytisus* — зиновать? *беляк*, дерева, чижовник, *щекотавник*, придавая ему и другие чужие названия: *раkitник, багульник, чилига, зверобой* и пр. [Даль, I, с. 188].

Этимология. *Ветла* — восточнославянское. Образовано с помощью суффикса *-ыла* от той же основы (ср. *witg* — «ива»), правда, с чередованием *ѣ* — *ь*, что и *ветвь* [Шанский, Иванов, Шанская, 1971, с. 78].

Ветла. Скорее всего, восточнославянское: укр. *ветлина*, белорус. *ветлина*. Представляет собой суффиксальное (суф. *-ыл-*) образование от той же основы, что и *ветвь* (с чередованием *ѣ* // *ь*) [Фасмер, I, с. 79].

Ветвь. Общеславянское, имеющее параллели в балтийских языках: польск. *witwa* «ива», чеш. *vetev* «ветвь», словац. *vetva* «тж». Образовано от сущ. *вѣть* «ветвь» (ср. др.-рус. *вѣть* «ветвь» и «ива» с помощью суф. *-вь*) [Фасмер, I, с. 77].

Вѣтъ — слово индоевропейского характера (лит. *vutis* «прут», «лоза», латыш. *vitols* «ива», лат. *vitis* «виноградная лоза», др.-в.-нем. *wida* «ива», др.-инд. *vetasas* «прут, вьющаяся водоросль», авест. *vaeiti* «ива», н.-перс. *bid* «тж», гр. **vaituva* «ива»), представляющее суффиксальное производное от той же основы, что и *вить* [Фасмер, I, с. 193]. Первичное значение *вѣтъ* «вьющееся дерево» с дальнейшей специализацией («ива» и «ветла»), и сужением последнего, откуда «ветвь». В древнерусском языке *вѣтъ*, очевидно, имело значение «ива», о чем говорит восточнославянское слово *ветла*.

Фольклор. *Дождаться как от ветлы яблук* (ср.: как груши на вербе) — о невозможности дождаться от кого-либо чего-либо. *Неправда (грех) что дуга ветловая: концы в воде, так середка наружу; середка в воде — концы наружу* — грех всегда сам себя обнаружит, раскроется людям [Мокиенко, Никитина, 2008, 93, с. 179].

ЛИТЕРАТУРА

Ахметьянов Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Тат. кн. изд-во, 2001. 272 с. На тат. яз.

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка = Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. Вып. 1—17. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928—1950.

Ваттисен сăмахĕсем, каларăшсем, сутмалли юмахсем / Н.Р. Романов пухса хатĕрленĕ. Шупашкар, 1960. 178 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М.: Русский язык, 1978—1980.

Дмитриева Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений. Де-брецен, 2001. 211 с.

Корнилов Г.Е. Евразийские лексические параллели. Чебоксары, 1973.

Матвеев Г.Б. Чувашское народное зодчество. Чебоксары, 2005.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь народных сравнений. М.: Олма Медиа групп, 2008. 799 с.

Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1980. 159 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964—1973.

Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

ЙЁЛМЕ ИЛЬМ

Йёлма «ильм» — лиственное дерево с прочной древесиной, род вяза.

Фонетических вариантов нами не обнаружено. Хотя Ю. Дмитриева дает диалектное *elme* «ильм», нет его и в словаре Н.И. Ашмарина.

Дериваты: *йёлмелёх* «ильмовник, ильмовый лес»; *йёлмахва* (от *йёлма* + *хáva*).

Топонимы с компонентом *йёлма* «ильм»: *Йёлма варё* — название оврага; *Йёлма ката* — название местности; *Йёлмел* — название селения Ильмово; *Кив Йёлмел*, *Сёнё Йёлмел* — названия селений; *Йёлмахва* (*йёлма* + *хáva*) — название деревни [Ашмарин, V, с. 122]; *Йлмел* < *Йлмеел*.

Этимология. По В.Г. Егорову, *йёлма*, диал. *елме* «ильм», кумык. *элме* «вяз», башк., тат. *элмэ* «ильм», кирг., казах., узб. *ильм* «тж».

Н.К. Дмитриев заявляет, что все эти три варианта восходят к одному татарско-башкирскому варианту *элмэ* [Егоров, 1964, с. 78] (со ссылкой на «Строй тюркских языков»).

По М.Р. Федотову, *йёлма* — название дерева ильм. *Йёлма тупан суна кирлё* «Надо, чтобы полозья были ильмовые». Название населенного пункта *Йёлмел* от *йёлма* + *ел* (сингармонический вариант слова *ял* «деревня»). Далее автор оспаривает мнение В.Г. Егорова, подсказанное Н.К. Дмитриевым, что русские *илем*, *илим*, *ильм* восходят к татарско-башкирскому варианту *элмэ*. Надо иметь в виду, что русские формы в украинском, чешском, польском, нижнелужицком, полабском, вероятно, родственны лат. *ulmus*, др.-в.-нем. *elmbout*, ср.-в.-нем. *ilme*, др.-исл. *almr*, англ. *elm* [Фасмер, II, с. 126—127], но в меньшей мере могут подтвердить индоевропейское происхождение некоторых тюркских названий ильма. Например, В.В. Радлов пишет, что казанско-татарское *элмэ* из русского языка,

что соответствует современному немецкому *Ulme* «вяз, ильм» [Федотов, I, с. 194; со ссылкой на: Радлов, I, с. 1583].

По Ю. Дмитриевой: чув. *uǰlme*, диал. *elme* «ильм». Ср. тат. *elmä*, башк. диал. *elmä* «ильм», но башк. лит. *yila*, ног. *elmen* «осина», кумык. *elme* «вяз, карагач»; рус. *и́лем*, *и́льма*, *ильм* «вяз». Далее автор приводит мнение Н.К. Дмитриева, В.Г. Егорова и М.Р. Федотова; соглашается с мнением В.В. Радлова, что казанско-татарское *ilmä* было заимствовано из русского языка, и вслед за Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Ивановым устанавливает индоевропейский корень *el*, с помощью которого в итало-кельто-германских языках называют вяз, но который (**el*) является одной из форм индоевропейского корня названия ели (**edlo* и **el*) [Дмитриева Ю., с. 41].

Тат. *элмэ*, *и́лем* Р.Г. Ахметьянов считает заимствованием из русского языка, основа индоевропейского происхождения; ср.: нем. *Elm*, лат. *ilmus*, др.-рус. *илемь* «ильм» [Ахметьянов, 2001, с. 255].

По данным Л.В. Дмитриевой, названия *элмэ*, *элме*, *элмен* в тюркских (шире: алтайских) языках разнятся в значениях: «ильм», «вяз», «осина». В монгольских языках: «ильм», «вяз», но калм. *džökē modn* «ильм», «вяз» напоминает тюрк. *жөкэ* «липа»; тунг.-маньчж., нан. *хаила*, маньчж. *хајлан моо* «ильм», «вяз» [Дмитриева Л., с. 189].

Словосочетания: *йёлме тупан* «ильмовые полозья (саней)»; *йёлме йёлтёр* «ильмовые лыжи»:

*Йёлме йёлтёр —
Йалтәр-ялтәр,
Шуса тухрәмәр хире.*

Мётри Ваҫлейё. Йёлтёрпе

«Лыжи из ильма
Сверкают на снегу,
На полях на них мы прокатились».

Йёлме касрәм, йёлтёр турәм «Срубил ильм, сделал лыжи»; *йёлме йываҫ* «дерево ильм».

Фольклор и художественные тексты: *Йёлме тупан ҫуна кирлә* «Надо, чтобы полозья были ильмовые». *И, ют кёпер айёңче, вәрәм чәрәш тәрринче, ярәна-ярәна кукәртат* (куккук авәтәть. — Ю.И.). *Кукки вёҫсе кайсассән йёлме йываҫ янтәрәт* «И, под чужим мостом, на вершине высокой ели, кукует кукушка непрерывно. А когда кукушка отлетит, дерево ильм еще шумит». *Йёлмисене касрәм, купәс турәм үркев килнә чух выляма* (чит.: *калама*) «Я срубил ильм и сделал из него скрипку, чтобы играть на ней во время хандры» [Ашмарин, V, с. 121—122].

Детский фольклор (*сәпкәвсем* — колыбельные):

1. *Йёлме йываҫ авәнатъ
Вәш-вәш ҫилә вёрнёрән.*

«Гнется ильм-дерево
Под дуновением ветра.

Пирён ача ҫывăрать
Ыйхă пусса килнĕрен.

Наше чадо спит
Оттого, что одолевает сон».

2. Авăн уйăх тăхринчен
Вăрăм вĕрен картарăп.
Вăрăм вĕрен ункинчен
Йĕлме сăпка ҫактарăп.
Йĕлме сăпка хĕррине
Кĕмĕл кĕсле ҫактарăп,
Ҫав кĕслене каласа
Ҫак ачана ҫывратăп.

«За изгиб луны
Длинный канат натяну,
А на кольце узла каната
Ильмовую люльку устрою,
А на краю ильмовой люльки
Серебряные гусли закреплю,
И играя на гусельках,
Дитя спать уложу».

В детских считалочках встречается слово *йĕлмеллийĕн* (букв.: у того, у кого есть ильм):

Улмаллийĕн — улттă,
Йĕлмеллийĕн — ҫиччĕ.

«У кого яблоко — шесть,
У кого ильм — семь».

Ильм — лесное дерево, растущее в средней полосе России, род вяза.

Илем (илим, ильма) «береста; берестина»; *карагач*, *караич*; дерево, похожее на вяз, *Ulmus campestris* и другие близкие виды. *Ильмочка кустистая*. *Ильмовый* — к ильму относящийся, с него взятый (лист), из этого дерева сделанный.

Дериваты: *ильмяк*, *ильмовник* «ильмовый лес либо роцца»; *ильмопряд* — вид сумеречника, мотылька, гусеница которого живет на ильме, поедая ее [Даль, II, с. 41].

Илем, род. п. *ильма*: также *ильма* «вяз»; укр. *ілем*, *ільм*, *лвом*; др.-рус. *илемъ*, чеш. *jilet*, *jilt*, польск. *ilm*, *ilet*, также *ilma*, н.-луж. *lot*, полаб. *jelm*. Чрезвычайно распространены в русском языке названия местностей: *Илемно*, *Илемна*, *Илемка*, также река *Елемка*.

Вероятно, родственны лат. *ulmus*, др.-в.-нем. *ilme*, др.-исл. *almr*, англ. *elm*. Распространено мнение о заимствовании из ср.-в.-нем. *ilme*, *iltraum* «вяз» [Фасмер, II, с. 127]. Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов корнем слова *ильм*, *илем* считают **el* и связывают его с другими названиями деревьев в отдельных диалектах, в частности итало-кельто-германское название вяза: лат. *ulmus* «вяз» (**ol-mas* или **l-mos*), ср.-ирл. *lem* (**lemos*), др.-в.-нем. *elmuot* «вяз» (нем. *Ulme*, др.-англ. *elm*, др.-исл. *almr*).

В древнегреческом ель обозначается словом *Ελατη* (<**el-n-tā*); у Гомера также и в значении «весло». Тот же корень обнаруживается и в армянском *eleven* (**el-eu-*) «ель», «ёлка», также «кедр». Сюда же относят обычно рус. диал. *яловец* «можжевельник», чеш. *jalovec* [Гамкрелидзе, Иванов, II, с. 634]. Сюда же можно отнести рус. *еленец* ~

яловец «можжевельник», словен. *jalov*, род. п. -*vsa* «виноградная лоза» [Фасмер, IV, с. 554].

ЛИТЕРАТУРА

Ахметьянов Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Тат. кн. изд-во, 2001. 272 с. На тат. яз.

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка = Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. Вып. 1—17. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928—1950.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. 2. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. 1328 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М.: Русский язык, 1978—1980.

Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М., 1962.

Дмитриева Л.В. Названия растений в тюркских и других алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 151—223.

Дмитриева Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений. Дебрецен, 2001. 211 с.

Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. СПб., 1893—1911.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964—1973.

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Чебоксары, 1996. Т. 1. 470 с. Т. 2. 509 с.

КАВРӀС ЯСЕНЬ

КаврӀс «яшень» — дерево с перистыми листьями и тяжелой упругой древесиной.

Фонетические варианты: *каврӀс, кавӀрӀс. АӀвсна хурӀн, вӀренепе кавӀрӀс ун айӀнче кукленсех ларнӀ. КавӀрӀсран кисип тӀващӀ. КавӀрӀсран тукӀн аващӀ* [Ашмарин, VI, с. 18], *карӀш* (в сочетании *карӀш йӀс*), *карӀс* «яшень» [Ашмарин, VI, с. 96].

Дериваты: *каврӀслӀх* — место, где растут ясени; ср. диал. *карӀш-лӀх* «ясеневая роща», отсюда *КарӀшлӀх* — название местности. *КарӀшлӀхра ёлӀк ёмӀпӀ порӀннӀ; онта крепӀс пор тещӀ. КрепӀс карта вырӀнӀ пор тещӀ, лакӀсӀк (рвы)* [Ашмарин, VI, с. 96]. Здесь *карӀшлӀх* может означать и «место, изобилующее дергачами (птицами)», ибо название птицы *карӀш* «дергач» тоже имеет вариант *карӀс* (Там же).

Этимология: *каврӀс* «яшень»; башк. *корӀс агас*, тат. *карыч агач*, карач. *кӀрӀч* «яшень»; венг. *k̄oris* из др.-чув.; осет. *коерз* В.И. Абаев считает перешедшим из ст.-чув. в аланский язык [Егоров, 1964, с. 84].

М.Р. Федотов приводит тюркские соответствия и указывает: калм. *кӀрӀс* «яшень» (< тюрк., ст.-чув. *каврӀс*); (венг. *k̄oris (fa)id*, **kēures* < **kēurič* (со ссылкой на: Ramstedt G.J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Suomolais-ugrilainen Seura, 1976. S. 250).

Согласно З. Гомбоцу, венг. *k̄oris* засвидетельствовано еще в XII в.; М. Рясянен считает, что пратюркской формой является **k̄abrič* [Федотов, I, с. 209].

Более детально этимологию слова *каврӀс* «яшень» дает Ю. Дмитриева: чув. *каврӀс*, диал. *каврӀс, кавӀрӀс, карӀс йӀс*; к.-балк. *кӀрӀч, кӀй-рӀч*, кумык. *гӀрӀч*, ног. *кӀйриш*, азерб. *кӀйрӀш*, калм. *кӀӀрӀс*, осет. *карӀз*, венг. *k̄oris*.

Чувашское слово *каврӀс* имеет мало параллелей в тюркских языках. Относить сюда же тат. *карыч агач* и башк. *корос агас*, хотя они обозначают то же дерево, затруднительно по фонетическим при-

знаком: основа татарского названия сближается с *корыч* «сталь», которому в чувашском соответствует *хурӑӑ*, *хурӑс*.

Кроме тюркских языков, соответствия чувашского *каврӑс* имеются в ряде иносистемных языков. Учитывая отсутствие иранских параллелей осетинского *кӕрз*, В.И. Абаев считает его заимствованием из древнечувашского языка [Проблемы исторической лексикологии ..., с. 33].

Ю. Дмитриева эти сведения дополнила новыми данными: «В связи с тем, что для осетинского *kærz* не обнаруживаются иранские параллели, а чувашское *kavrăś* имеет соответствие в монгольском (*küiris* «ясень»)».

В.И. Абаев предполагает, что данное слово было заимствовано староосетинским (аланским) языком из старочувашского (булгарского) языка.

По мнению З. Гомбоца и данным Историко-этимологического словаря венгерского языка (ИЭСВЯ), венгерское *köris* «ясень» тоже восходит к старочувашскому источнику < **kevrīč* или **küüč*. Чувашский же язык определяет в качестве источника для калмыцкого *kürüs* «ясень».

По мнению Л. Лигети, значимость данного слова заключается в его относительно узкой географической распространенности, что и наводит нас на его примерное место заимствования. Лигети, как и составители «Историко-этимологического словаря венгерского языка», не сомневаются в единстве чувашских, татарских и башкирских данных. Свои сомнения о соотносительности чув. *каврӑс* ~ тат. *корыч агач* ~ башк. *корэс агас* высказал А. Рона-Таш.

Наличие данного фитонима в осетинском и венгерском языках свидетельствует о былых контактах носителей этих языков с древними булгарами. Местом этих контактов мог быть Кавказский регион в IV—VI вв. н.э. В кумыкский, ногайский, карачаево-балкарский языки рассматриваемое слово проникло тоже из древнебулгарского (ср.: др.-булг. **käürič*), а татарские и башкирские фитонимы, вопреки нашему прежнему мнению, как пишет Ю. Дмитриева, считаются относительно поздними заимствованиями чувашского *каврӑс* [Дмитриева Ю., с. 24].

Р.Г. Ахметьянов в словарной статье *корыч агач* «ясень» приводит тат. диал. *көреч агачы*, к.-балк. *куруг*, чув. *кӑвӑрӑч*, венг. *körisça*, где *ça* «дерево», осет. *кӕрз*. Чув. *кӑвӑрӑч* приведено автором неверно, в чувашском языке *кӑвӑрч* — «шкварки, вытопки сала», а фонетического варианта слова *каврӑс* в таком виде в чувашском не зафиксировано. Происхождение татарского *корыч* автор связывает с

персидским *гурунч* > тат. диал., узб. *гуруч* «рис» и мотивирует тем, что лист ясеня похож на лист риса [Ахметьянов, 2001, с. 114].

Л.В. Дмитриева приводит следующие параллели слова «ясень»: ног. *тал терек* < *тал ива* < *терек* «дерево»; узб. *шумтол*; тур. *dişbudak ağacı* < *diş* «зуб», «зазубрина» < *budak* «ветка», «лист» + *ağacı* «дерево его»; к.-балк. *күйрүч* ~ *күрүч* (ср. осет. *коэрз* «ясень» < и.е. слой языка; азерб. *көйрүш*, ног. *күйриш*, кумык. *гүйрүч*, чув. *каврăç* ~ *каврăç*, тат. *корычагач* < тат. *корыч* «ясень», «сталь» + *агач* «дерево»; башк. *корас агас*. Интересное сравнение: тат. *дар-дар агачы*, где *дар* «виселица» [Дмитриева Л., 1972, с. 211]; монг: п.-монг. *nicügün хобула* < *nicügün* «нагат» + *хобула* «кора» (ср. чув. *хунă* «кора»), монг. *нуцгэн ховол*; монг. *яшил*, калм. *яшл* < рус. *ясень*; тунг.-маньчж.: нег. *ивагда*, нан. *сивагда*; эвенк. *эли*; *кајларун* «вяз», «тополь», «ясень»; *хула* «осина», «ольха (черная)», «тополь», «ясень»; нан. *коэрэ* «ясень» [Дмитриева Л., 1972, с. 211]. Нанайское *коэрэ* отчасти напоминает чувашское диалектное *каврăç* «ясень».

Словосочетания: *каврăç сулци* «ясеневый лист»; *каврăç вярманэ* «ясеневая роща».

Ясень — дерево падуб, *Fraxinus excelsior*, у которого редкие листья, много просвету [Даль, IV, с. 681]. Особой словарной статьи нет, отсылка дана на слово *ясный*.

Ясень — высокое дерево с перистыми листьями и тяжелой упругой древесиной, идущей на различные изделия. **Ясеневый** — сделанный из ясеня: *ясеневая мебель*; *ясенец* — многолетнее травянистое растение с перистыми листьями, как у ясеня, выделяющее эфирные масла [Ушаков, 2007, с. 1238].

Фольклор: сравнения, пословицы и поговорки: *раскачиваться как ясень под ветром* — о сильно раскачиваемом человеке [Мокиенко, Никитина, 2008, с. 779].

Этимология. **Ясень.** Общеславянское слово. Восходит к незафиксированному *асень*, развившему начальный *ј*. Форма *асень* является образованием с суф.-*ень* от основы **as*, выступающей в лит. *úosis* «ясень»; др.-прус. *woasis* — «тж», др.-исл. *askr* — «тж» [Шанский, Иванов, Шанская, 1971, с. 526].

По М. Фасмеру: укр. *ясень*, диал. *осен*, *осьн*, словен. *jasen*, чеш. *jasen*, *jesen*, польск. *jasien*, *jasion* // праслав. **asень* родственно лит. *úosús*, др.-прус. *woasis*, лат. *ornus* «вид ясеня», «копье» (**osenos*), пражелт. **osnā*; др.-исл. *askr* «ясень» [Фасмер, IV, с. 564].

Географическое распределение соответственно форм **asень* и **asень* лишено какой бы то ни было четкости, посему они и даются совмещенно, в сравнительно-историческом же и типологическом

отношении более первоначальной является форма **asenъ*. Праслав. **asenъ/ь* ближе всего к лат. *ornus* «ясе́нь» < **osenos*, причем оба слова объединяют не только индоевропейский корень **os*, выступающий также в других языках, но и общее расширение основы *-en*. Близкая праформа **os-no* лежит также в основе кельтских названий дерева: др.-ирл. *huinnius*, кимр. *onnen*, брет. *ounnenn*. Славянская форма продолжает индоевропейскую **oseno-* с долготой корневого гласного, отражая, видимо, вторичное удлинение индоевроп. *o*. Эта последняя черта сближает праслав. **asenъ/ь* с балтийскими названиями, которые тоже продолжают **os-*: лит. *žosis*, латыш. *úosi*, *uoss*, др.-прус. *woasis* «ясе́нь».

Начальный элемент *j-* в формах живых славянских языков объясняется как вторичная протеза, подобно начальному *w-* в древнепрусском слове [ЭССЯ, I, с. 79—80].

Интересны производные слова **asenъ* (ясе́нь): болг. *ясе́нец* — растение; н.-луж. *jasenc* «ясене́вый лес»; сербохорв. *јасење* ср. р. собир. «ясени»; словен. *jesknic* «ясене́вый лес» [ЭССЯ, I, с. 80].

Индоевропейское название *ясе́нь* и смещение (перенос) значений в семантическом поле «ясе́нь» показаны в работе «Индоевропейский язык и индоевропейцы» Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова: др.-исл. *askr* «ясе́нь» → «копье», «судно» перенос значения «ясе́нь» → «бук» в греческом [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 625].

Обращает на себя внимание фонетическая близость индоевропейских форм **hos-* «ясе́нь» и **(h)osp [h]* «осина», «тополь», которые в конечном счете могут рассматриваться как образования от некоего **hos-* (Там же. С. 625—627).

ЛИТЕРАТУРА

Ахметьянов Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Тат. кн. изд-во, 2001. 272 с. На тат. яз.

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка = Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. Вып. 1—17. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928—1950.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. 2. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. 1328 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М.: Русский язык, 1978—1980.

Дмитриева Л.В. Названия растений в тюркских и других алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 151—223.

Дмитриева Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений. Дебrecен, 2001. 211 с.

Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь народных сравнений. М.: Олма Медиа групп, 2008. 799 с.

Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1980. 159 с.

Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2007. 1239 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964—1973.

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Чебоксары, 1996. Т. 1. 470 с. Т. 2. 509 с.

Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1—34. М.: Наука, 1974—2002.

КАТЌРКАС БОЯРЫШНИК

Катѳркас «боярышник» — колючий кустарник со съедобными плодами, разводимый как живая изгородь [Ушаков, 2007, с. 47].

Катѳркас «боярышник»; перен. заноза, придирчивый человек [ЧРС, 1982, с. 52].

Кѳтѳркас, кѳтѳрка — дерево с шишковатой, неровной корой.

Фонетические варианты: *катѳркас, катѳрка, катѳр, калтѳркас ~ кѳлтѳркас* [Ашмарин, VI, с. 161,162].

Этимология. В.Г. Егоров и М.Р. Федотов данное слово в реестр этимологических словарей не включили, причина — отсутствие лексических параллелей в остальных тюркских языках. Ю. Дмитриева *катѳркас* считает марийским заимствованием и за основу берет мар. Г. *кадыра* «сухие сучья», *кадыри* «частые колючие сучья (у лесных яблонь)». Несмотря на то, что в марийском языке оно не имеет значения «боярышник», автор полагает, что здесь прозрачная мотивированность. Возникает вопрос: мотивированность чего — семантики или фонетического облика? Ответа на этот вопрос нет [Проблемы исторической лексикологии, 1980, с. 33—34]. Грубую, шершавую поверхность можно приписать многим деревьям.

Первоначальное мнение было отвергнуто самим автором в монографии «Чувашские народные названия дикорастущих растений» через 20 лет: «В связи с попыткой выводить чувашское *катѳркас* из горномарийского *кадыра* «сухие сучья», «частые колючие сучья (у диких яблонь)» возникают трудности, поскольку марийское слово, не имея соответствий в других финно-угорских языках, скорее всего, является заимствованием из чувашского» (речь идет о *катѳр*); ср. мар. *агытан ора* «боярышник» (*агытан* «петух» + *ора* «муха»).

Была выдвинута новая версия: «Судя по начальному *к* в чувашском *катъркас*, а также по многочисленным фонетическим вариантам, данный фитоним, по-видимому, является заимствованием, скорее тат. диал. *катырган* «крыжовник» [ТТДС, 1993, с. 596], который, в свою очередь, соответствует древнетюркскому *gattırqan* бот. «софора». Оба эти растения объединены свойством колючести. Это же свойство выражено и в якутском *хаты*, основное значение которого «негладкость, шероховатость», а также «терн, дикая роза, шиповник, крапива, боярышник» (ссылка на: Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Т. 1—13. Пб., Пг., Л., 1907—1930. С. 3405—3406).

В основе *катырган*, а также якут. *хаты*, по всей вероятности, лежит *кат* (чув. *хыт*) со значением «быть твердым», к которому присоединяется залоговый аффикс *-ър* (*-ir* — Закиев, 1995, с. 442) + *-ган* аффикс результата [Дмитриева Ю., 2001, с. 33].

На наш взгляд, *катъркас* (*катъркас*) состоит из двух частей: *катър* + *агач* (*агас*) «твердое дерево» или же «боярышник-дерево»; ср. *катър сырли* (букв.: «боярышник + ягода его»); у Н.И. Ашмарина *катър сырли* название растения «боярышник», ягоды красные; *катърка йываьсси* название дерева [Ашмарин, VI, с. 161].

В тюркских языках: ср.: тат. бараб. *даулан агачы* (букв. «боярышник + дерево его», алт. *толонын агажы* (букв. «боярышника дерево его») [Дмитриева Л., 1972, с. 180].

Словосочетания: *катър сырли* — название растения боярышник. На нем есть шипы; ягоды красные; листья как у смородины; *катърка йываьсси* — название дерева: *Катърка[s] йываьсси хунесе, эрне кун турайше хунемем, йёпленч йываьсси ывал пултър, върманти куршанк хёр пултър* [Ашмарин, III, с.30]; *катъркас* — название дерева, имеющего желтые ягоды.

Катъркас — сырла тавакан йываьс. *Катъркас* (ветвями походит на яблоню, очень колючее; ягоды черные, как черемуха; внутренность ягоды желтая). *Катъркас* (почти прямо от ствола синие ягоды по одной, в середине косточка; едят). *Катъркас* — кустарник с шипами, вероятно, «боярышник». *Катъркас* — сырла тавакан йываьс (*палан йываьс нек*). *Катър-катър катъркас катъркипе мухтанатъ. Катър-катър катъркас та, катър-катър катъркас катъркасна мухтанатъ. Катъркас сырли* — название ягоды. *Сахал въл, лапсаркка мар; сырли хёрлө, пылак, сиецсё айна. Шалта* — *тимёр, тулта мимёр (катъркас сырли)*.

Катӑркас — боярышник. *Катӑркас* — кустарник, «волчьи ягоды»; из него делают метлы.

Катӑркас — *вӑл вӑрманта йывӑс ҫинче ӱсет, пилешрен кӑшт кӑна шупкарах тӑслӑ тата сапакки те сапаланчӑкрах. Катӑр-катӑр катӑр-кас катӑркасӗне мухтанать:*

сарӑ катӑркас «боярышник»; *Илюшка ҫырли* «ТЖ»;

хура катӑркас — то же, что *йытӑ ҫӗмӗрчӗ. Йытӑ ҫӗмӗртне хӑшӗ хура катӑркас тесӗҫӗ;*

шурӑ катӑркас — то же, что *ушӑ* или *ӑвӑш* (название растения) [Ашмарин, VI, с. 161—162].

Под словом *катӑркас* ~ *катӑркас* Н.И. Ашмарин понимает разные названия деревьев (ср. *катӑркас кати* «кусты тёрна»), поэтому неизвестно, какое название дерева имеется в виду в топонимах (*Катӑркас утти* — название поля; *Катӑркас коч* — название оврага) — то ли боярышник, то ли тёрн, то ли крушина? [Ашмарин, VI, с. 162].

В загадке *Шалта тимӗр, тулта нимӗр* «Внутри железное, снаружи кисельное» сказано о ягоде боярышника, а не о дереве.

Боярышник — кустовое ягодное деревцо *Szataeque*, боярка, глуд, глудина, глог, талоно, черный глуд, чашковое дерево, мушмула; боярышник горный, сибирский; белый боярышник, мучное дерево. Хорош боярышник, да не перед боярским крыльцом [Даль, I, с. 121—122].

Боярышник — 1) колючее дерево или кустарник семейства розоцветных, некоторые виды которого используются как зеленая изгородь, декоративные растения и т.п., а плоды — в фармакологии; 2) плоды такого дерева (растения); *цветы боярышника; экстракт боярышника, настойка боярышника* [ССРЛЯ, I, с. 728].

ЛИТЕРАТУРА

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка = Чӑваш сӑмахӑсен кӑнеки. Вып. 1—17. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928—1950.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М.: Русский язык, 1978—1980.

Дмитриева Л.В. Названия растений в тюркских и других алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 151—223.

Дмитриева Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений. Дебrecен, 2001. 211 с.

Закиев М. Введение // Татарская грамматика. Т. 1. Казань, 1995.

Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1980. 159 с.

Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2007. 1239 с.

Словарь синонимов русского литературного языка: в 2 т. / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1970.

Татар теленең диалектологик сۆزلәгә = Диалектологический словарь татарского языка / отв. ред. Д.Б. Рамазанова. Казань, 1993.

Чăвашла-вырăсла словарь = Чувашско-русский словарь / М.И. Скворцов редакциленӗ. М.: Русский язык, 1982. 712 с.

КЕДР

Кедр — хвойное дерево, дающее кедровые шишки или орехи. Сибирский кедр дает орехи, ливанский кедр — ценный строительный материал.

Всходы кедра можно увидеть во многих уголках тайги, даже там, где нет поблизости взрослых деревьев. Орешки разносят по лесу звери и птицы, которые ими питаются. Обитатели тайги делают запасы орешков и прячут их в мох и другие укромные места. Между тем запасы часто остаются нетронутыми. Кроме того, звери и птицы растаскивают целые шишки, часть орешков оказывается на земле. С одной стороны, кедр подкармливает обитателей тайги, а с другой — пользуется их услугами при распространении семян.

Кедр, вернее сибирская кедровая сосна, подарен природой русскому народу и многим народам, живущим в тайге, так как почти 99% кедровых лесов мира находится в России. Два вида кедровых сосен — сибирский и корейский кедры — являются лесообразующими породами на обширных пространствах Сибири и Дальнего Востока и играют огромную роль в лесном хозяйстве благодаря ценной древесине и семенам (орехам). Крепкая и твердая древесина кедров используется для изготовления карандашей, пиломатериалов для шлюпок и палуб, аккумуляторных шпонов, музыкальных инструментов, мебели, посуды и т.п., в строительстве, в том числе авиационном. Люди Сибири издавна знали и ценили чудесные свойства кедр: его смолой они лечили и лечат загноившиеся раны, а настоем из хвои — цингу. В посуде из кедровой древесины долго не скисает молоко, а моль не трогает одежды, хранящиеся в шкафу, сделанном из кедр.

Особое значение имеют семена кедр — кедровые орехи. Они являются пищей не только животных — обитателей тайги, но и че-

ловека, так как содержат большое количество белка и жиров. Кедровый промысел — заготовка орехов — относится к очень старым промыслам таежного населения России. Еще в XVI в. в числе лесных товаров, вывозимых из Московской Руси в Англию, упоминаются кедровые орехи. Сбор кедровых шишек и их обработка требуют соблюдения определенных правил и навыков. Особенно трудоемкой и ответственной операцией является собирание кедровых шишек с деревьев. Заготовка кедровых орехов — выгодный промысел. Использование богатств кедровой тайги позволяет получить доход с 1 га в 2—4 раза больше, чем от заготовки только одной древесины. В рубку идут лишь неспособные к плодоношению кедр.

Кетър «кедр» (дерево). *Тата кетър майърэ нумай пулать. Сухър-ля йвѣѣссем: чърѣш, хыр, кетър, пихтѣ. Кетър, иначе вѣт майър йвѣѣсси* [Ашмарин, VI, с. 192].

Словосочетания: *Ѕѣпѣр кедрѣ* «сибирский кедр», *кедр вѣрманѣ* «кедровый лес», «кедровник», «кедрач», *кедр йвѣѣсси* «кедровое дерево, кедр», *кедр майърэ* «кедровые орехи», *кедр йѣкелли* «кедровая шишка» [ЧРС, 1982, с. 166].

Тюркские: тат. *эрбет агачы* «кедр»; хак. *хузук агазы*, тат. бараб. *кузук агачы*, тат. том. *кузук агац* «кедр, лещина» (букв. «орех + дерево его»); ср.-иран. *гоуз* «орех»; алт. *мѣш*, тоф. *бош*, тув. *қѣш*; тат. бараб. *қарагай* «кедр, сосна»;

монг.: п.-монг. *хисіуип*, монг. *хуш*, бурят. *хуша*, калм. *хошу модн* «кедр» (*хошу* «кедр» + *модн* «дерево»);

тунг.-маньчж.: эвенк. *колдон* «кедр», *ңаңтэ* «кедр, ель, пихта, сосна» [Дмитриева Л., 1972, с. 190].

Кедр — хвойное дерево, дающее кедровые шишки или орехи, кедр; кедр ливанский, *Pinus cedrus*, сибирский, *Pinus sibirica*, меледа; красный кедр, кедровый вереск, испанский можжевельник, *juniperus oxycedrus*. На крайнем северо-востоке есть и кедровый сланец, или ерник.

Кедровник — кедровый лес; *кедровик* — рябчик, живущий в кедровнике, *кедровка*, или *ореховка*, — птица вороньего рода; *кедровщина* — праздник сбора кедровых шишек, мелюзги [Даль, II, с. 104].

Этимология: *кедр* — заимствовано из греческого языка. В памятниках отмечается с XI в.; гр. *kedros* — «сосна, кедр» [Шанский, Иванов, Шанская, 1971, с. 193; Фасмер, II, с. 221].

Сравнения:

— *лохматый как кедр* — о человеке с буйной шевелюрой;

- *темный как кедр* — о неграмотном, невежественном человеке;
- *липнуть как смола от кедра* — о чем-л. очень липком, приставшем к чему-л.;
- *стройнее кедра* — о стройном, высоком, грациозном молодом человеке или девушке;
- *темно как в кедровнике* — об абсолютной темноте где-л.;
- *кулак как кедровая шишка* — о чьем-л. большом, тяжелом кулаке.

ЛИТЕРАТУРА

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка = Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. Вып. 1—17. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928—1950.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М.: Русский язык, 1978—1980.

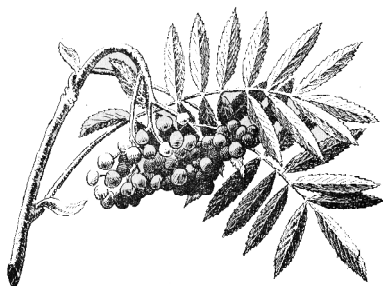
Дмитриева Л.В. Названия растений в тюркских и других алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 151—223.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964—1973.

Чăвашла-вырăсла словарь = Чувашско-русский словарь / М.И. Скворцов редакциленĕ. М.: Русский язык, 1982. 712 с.

Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

ПИЛЕШ РЯБИНА

Пилеш «рябина» — дерево, дающее плоды в виде пучка оранжево-красных ягод.

Дериват: *пилешлӧх* «рябинник, заросли рябины».

Словосочетания: *хёрлӧ пилеш* «красная рябина»; *хура пилеш* «черноплодная рябина»; *пилеш сырли* «рябина» (ягода); *пилеш йывӧсӧ* «рябина» (дерево); *пилеш сапаки* «кисть рябины»; *пилеш эрехӧ* «рябиновая наливка»; *пилеш кайӧкӧ* «дрозд-рябинник»; *пилеш курӧкӧ* бот. «пижма» [ЧРС, 1982, с. 295].

В словаре Н.И. Ашмарина: производное *пилешке* (?) — неизвестное слово в заумной песне: *Пёр пёрелӧ, иккӧ икелӧ, виӧсӧ виӧселӧ, тӧваттӧ тӧваткал, пилӧк пилеш, улттӧ улма, сиччӧ сӧмен, саккӧр саман, тӧххӧр тӧман, вунӧ пилешке тӧм кӧсан* [Ашмарин, IX, с. 211]; ср. *сапанкӧ*; *пилешелле* — название игры.

Пилеш сапаки — синоним *пилеш тепеки* (т ~ с?), *пилеш сункӧмӧ* «кисть, гроздь рябины»; *пилеш ути* (*утти*) — название растения (растет на лугах, листья как у рябины); *пилеш тӧрӧллӧ курӧк* — название растения; *пилеш хулӧ* (*хули, хулли*) «рябиновый прут»; *пилеш хупӧллӧ чӧрӧш* — название дерева — пихта сибирская; *пилеш хуппи* «кора рябиновая»; *пилеш шыв* «рябиновая настойка»; ср. *пилеш эрехӧ* «тж».

Топонимы: *Пилеш вар(ӧ)* — Рябиновый овраг; *Пилешкасси* — название деревни Пиндиково (Козловский район); *Пилешкасы* (Шумерлинский район); *Пилеш сырми* — название оврага.

С деревом *пилеш* «рябина» связаны многие чувашские поверья. *Хӧш-хӧш чухне пӧрне-пӧрне сивӧ чир ерсен вӧрманӧ каясӧсӧ те чӧрӧ пилешӧ варӧнчен сурсӧ витӧр тухасӧсӧ* [Ашмарин, XI, с. 129] «Иногда, когда кого-то одолевает лихорадка (*сив чир*), он идет в лес, разделит живую рябину пополам, проходит через (сквозь) две половинки». *Тата тунката сӧнче шӧтнӧ пилеш витӧр тухсан пӧрахать тесӧсӧ*

(лихорадка) «Еще говорят, если пройдешь через рябину, выросшую на пне, то лихорадка проходит».

Пилеш йывӑс, сак сивӗ чире манран уйӑр; хӑсан та хӑсан сав сивӗ чир сан витӗр тухӗ, савӑн чух тин мана ертӗр и пр. (Из наговора против лихорадки, произносимого при пролезании сквозь расколотую рябину в лесу) [Ашмарин, IX, с. 210].

Пилешпе хуралтӑсене сӑпсан Турӑ усалсене хӑваласа кӑларать теҫсӗ «Если ударить рябиновыми прутьями строения, то Бог выгоняет из них чертей, говорят».

Орнаш поҫӑнча вӑрман хорольӑ (хуралӗ) сӗрле сӗрет тет вӑрманта. Асатса аслати авӑтса сӑмӑр сӑат тет. Сисӗм сиссерсен (сиссе ярсан) пӑхать— хоҫӑк йоман тӑрринче арсури ларать тет... сӑпати чалӑш тӑршишӑ тет. Хоролсӑ пырса пилеш холипе сӑот! сӑпат тет те, арсури сӑпатине праксах тарса тет [Ашмарин, IX, с. 210] «Ночной сторож обходит свои владения около деревни Орбаш. Гром гремит, и молния сверкает. Когда молния озаряет окрестность, смотрит сторож — сидит на вершине сломанного дуба леший, лапоть длиною в сажень. Сторож подходит к дубу и ударяет рябиновым прутом, и леший убегает, оставив свои лапти».

Пилеш йывӑсцинчен вьльӑхсене усал ан ертӗр тесе хӗрес туса сакса ярассӗ «Из древесины рябины делают крест и вешают на скотину, якобы при этом к ним не пристаёт нечистая сила (хворь)». *Пилешрен арсури хӑрать* «Рябины боится леший». *Пилеш нумай пулсан килес сӑл йывӑр пулать* «Если рябины (ягод) много, то наступающий год будет тяжелым». Вариант: *хӗл сивӗ пулать* «зима будет холодной». *Пилеше сӗрӗм тивсен сиеҫсӗ* «Ягоды рябины едят от угара». *Чӑвашем пилеш йывӑсран усал хӑрать теҫсӗ. Пилеше вӗсем темрен те мала хураҫсӗ* «Чуваши говорят, что нечистая сила боится рябины. Рябину они почитают прежде всего» [Ашмарин, IX, с. 209—210].

Есть интересное предание под названием «Пилеш йывӑсци мӗншӗн сӑваплӑ?» (Почему рябиновое дерево священо). Вот текст этого предания: *Шуйттансем пӗррехинче сӑр хӗррине пухӑнса ларнӑ та канашлассӗ тет. «Тавай Турра сакатпӑр, атту вӑл пире хирӗс ангелсем ярать, хамӑр ёҫсене тума чӑрмантарать», — тесе калаҫса лараҫсӗ тет. Шут турӗс тет те хатӗрленчӗс тет. Турра сакма хупӑрласа илчӗс тет те сухӑрма пуҫларӗс тет. Турри кӑна курсан сухалса кайрӗ тет, ним тума аптӑраса тӑрать тет. Унталла пӑхрӗ тет, кунталла пӑхрӗ, чупса кайрӗ тет те пилеш сине хӑпарса кайрӗ тет, пытанчӗ тет. Шуйттансем пилеш йывӑс патне пыма хӑраса тӑраҫсӗ тет. Сапаланса кайрӗс тет вара. Савӑнна пилеш йывӑсци асамлӑ-сӑваплӑ*

тет «Однажды черти собрались на берегу и совещаются, как повесить Бога, ибо Он не дает им вволю творить черные дела и посылает ангелов. Задумали и приготовились. Окружили черти Бога, чтобы повесить, и начали орать. Бог, увидев это, растерялся, стоит и не знает, что предпринять. Туда посмотрел, сюда, увидел рябину, подбежал к ней, взобрался на нее, спрятался. Черти побоялись подойти к рябине и разошлись. Вот почему говорят, что рябиновое дерево священно» [ЧХС, VI т., 2-мёш пайё, 1987, с. 56].

Киле усал-тёсел ан ертёр тесе Симёк кун пилеш тураттисене хусса пурте, кёлете, витене ал ситеймен, анчах та курянакан выряна турсе тухасё «К празднику Семик с целью отпугивания всякой нечисти ветки рябины втыкают на недоступных, но видных местах в избе, амбаре и сарае».

Образ рябины, связанный с характерным цветом ягод, сохранился в загадке: *Юплё-юплё тёрё ййвйё сунче чёрё аш саканса тйрать* (пилеш) [Ашмарин, XV, с. 81] «На ветвистом дереве висит сырое мясо».

Листья и кусочки ветки рябины чувашки используют с целью отвести порчу колдуна. Чувашки северных территорий закладывают ветки рябины в волосы и к головному убору, когда направляются на свадьбу, чтобы там на них не навели порчу. Также рябиновые ветки вешают от сглаза на шею жеребяткам и телятам [Месарош, 2000, 98, с. 261].

Вот что пишет Н.В. Никольский о вере чувашей в чудодейственную силу рябиновых прутьев:

«Рябина имеет удивительную силу. Однажды у меня заболела вдруг голова и так сильно, что я не мог открывать глаза и валялся на лугу. Тогда мне было, вероятно, около 12 лет и я пас коров вместе со своими товарищами-ровесниками. Они принялись меня лечить. Срезали с рябины самую верхушку и дали мне съесть несколько листьев со срезанного прутика, а потом мой товарищ начал выгонять из меня нечистого духа: освободил пруток от листьев и начал бить меня по спине, приговаривая: «Усалли тох», что я, несмотря на невероятную боль в голове, мигом вскочил и убежал в лес, спасаясь от изгоняющего злого духа из меня. Но голова у меня болела до самого вечера, хотя злой дух выгнали даже до полудня» [НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 154. Инв. № 4632. С. 8].

Этимология. В.Г. Егоров приводит следующие параллели: башк., тат. *милэш*, туркм. *мелеш*, алт. *пеле*, ойр. *беле* «рябина»; тат. *милэш чычыгы* «дрозд», чув. *пилеш кайкё* «рябинник», «серый дрозд»; ср.: удм., коми *пелыс*, *палэзь* «рябина» [Егоров, 1964, с. 160]. У М.Р. Федотова

мы находим: алт., тел., леб. *pälä* «рябина» (со ссылкой на: Радлов, IV, с. 1243), тат., башк. *милэш* «рябина», туркм. *мелеш* «рябина».

Финно-угорские формы: удм. *палезь* / коми *пельсь* ~ *пелидзь* ~ *пельши* / мар.Г *пызле* / морд.М. *пизел* / морд.Э. *пизёл* «рябина». М.Р. Федотов на направление заимствования не указывает, а ссылается на В.Г. Егорова, который удмуртские и коми слова возводит к чувашскому *пилеш*. М. Рясянен об этом ничего не говорит [Федотов, I, с. 432].

Ю. Дмитриева пишет: «Об этимологии и истории этого фитонима написано много (Ю. Вихман, В.Г. Егоров, А.М. Рясянен, А. Рона-Таш). По мнению Редее и Рона-Таша, чув. *пилеш*, судя по первому гласному *и*, не может выводиться непосредственно из удмуртского *палезь*, а восходит к протопермскому **пелз* или **пелиз*. Следовательно, вопреки мнению Ю. Вихмана и В.Г. Егорова, пермские слова имеют финно-угорское происхождение и не могут считаться болгаро-чувашскими заимствованиями. Поволжско-тюркские, в том числе и чувашское *пилеш*, также восходят к эпохе прапермской общности» [Дмитриева Ю., 2001, с. 38].

В тюркских языках понятие *рябина* передается разными лексемами: башк., тат. *милёш*, тур. *мелеш*, тат. кас. *мулиш*, чув. *пилеш*; но кирг., уйг. *четин*, узб. *четан*, казах. *щетен*, башк. *мышар*, тат. тюм. *мыщыр*; азерб. *ўвэз*, тур. *ivez*, тат. том. *байлан* ~ *пайлан* «калина», «пихта»; казах. *балам* ~ *палам* «бузина», «калина»; алт. *беле*; тат. пенз. *пизел*; хак. *мүндүр-гес*, якут. *сырбыһах* ~ *сырбанһах* [Дмитриева Л., 1972, с. 202].

Никто из исследователей чувашскому *пилеш* фонетических параллелей не приводил, но у Р.Г. Ахметьянова мы находим: тат. *милэш* ~ тат. диал. *мэлэш*, *мулиш*, чув. *милеш*, *пилеш*, *пулеш*, тат. диал. (мишер) *пизел* < морд. *пизел*, *пизол* ~ фин. *pihlaya* «рябина». По А.Г. Ахметьянову, слово *милэш*, *мэлэш* финно-угорского происхождения [Ахметьянов, 2001, с. 144]. Чувашские фонетические варианты *милеш*, *пулеш* приведены, видимо, по ошибке.

Интересные диалектные данные мы находим у И.С. Насипова в работе «Лексико-тематические группы финно-угорских заимствований в татарском языке»: *милэш*, *мэлэш*, *мелиш*, *милэйеш*, *милеш*, *милэц*, *милэч*, *мулиш*, *мэлиш* «рябина».

Татарское *милэш*, как и чувашское *пилеш*, употребляется для обозначения как кустарника, так и его плода. Для дифференциации растения и плода употребляются *милэш агачы* (чув. *пилеш йывăç(ё)*, *пилеш йывăçси*) «рябиновое дерево»; *милэш җилгә* (чув. *пилеш сьырли*) «рябиновые ягоды». Различаются два вида рябины: *кара милэш* (чув.

хура пилеш) «черноплодная рябина» и кызыл милэш (чув. хёрлӗ пилеш) «красная (или красноплодная) рябина» [Насипов, 2006, с. 219].

В татарском, как и в чувашском, производным считается милэшлек (чув. пилешлӗх) «рябинник», «рябиновые заросли», а в башкирском милэшләне «завязываться, завязаться» (о ягодах рябины после цветения); ср.: мар. пызле «рябина» (дерево), пызлыгычке «ягоды рябины» (соби́р.).

Как и всякое дерево, рябина использовалась в старину у чувашей как материал для изготовления орудий труда:

*Пилӗк юплӗ пилеш пур,
Сенӗк тума пит селӗм.*

«Есть пятиконечный рябиновый шест,
Он весьма пригоден для вил».

М. Федоров. Арсури

Деревянные вилы (трех-, пятиконечные) использовались раньше при подаче снопов на скирду.

Рябина — дерево с плодами в виде пучка оранжево-красных ягод, а также сами ягоды.

Производные: *рябинник* собир. — рябиновый лесок; *рябишник* — пижма; *рябиновка* — наливка, водка на рябинных ягодах; *рябинина* — одно дерево рябины: рябинное, рябиновое (дерево); *рябинник* — большой серый дрозд; *рябинка* — трава на жнивах, цвет желтый, листья крестиками, настоем ее промывают больные глаза; *рябика* — растение. Слово *рябина* фигурирует в пословицах, поговорках и загадках: *Под ярусом-ярусом висит зипун с красным фусом* (рябина). *Не бывать шишке на рябине. Рябина цветет рясно — много овса будет. Не твоему (не нашему) носу рябину клевать. Выйдем на долину да сядем под рябину. Хорошо рябина цветет — к урожаю льна* [Даль, IV, с. 124].

Рябина — восточнославянское слово, образовано с помощью суф. *-ин-* от *рябь* «рябой» (< *eбь); укр. *орябина*, *оробина*, слав. *jerebika*, чеш. *jerabina*, польск. *jarzebina*, болг. *яребица*, *еребица* связаны с церковно-славянским *ярябь*, *ерябь* «рябой», «куропатка» [Фасмер, III, с. 534—535].

В произведениях фольклора: загадках, пословицах, поговорках и т.д. — образы, символические свойства деревьев переносятся на характер и поведенческий стереотип человека. Например, в стихотворении И.З. Сурикова «Тонкая рябина»:

Что стоишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Головой склоняясь
До самого тына?

А через дорогу,
За рекой широкой,
Так же одиноко
Дуб стоит высокий.

Как бы мне, рябине,
К дубу перебраться?
Я б тогда не стала
Гнуться и качаться.

Тонкими ветвями
Я б к нему прижалась
И с его листьями
День и ночь шепталась.

Но нельзя рябине
К дубу перебраться.
Знать, судьба такая, —
Век одной качаться.

Тонкая рябина отождествляется с девушкой, женщиной, а высокий дуб — с мужчиной. Между ними непреодолимая преграда: дорога, широкая река, да еще «нельзя рябине к дубу перебраться». Это осуществимо лишь в мечтах, там можно к нему прижаться и день и ночь шептаться. О совместной жизни рябине с дубом возможно только мечтать: «знать, судьба такая, век одной качаться». Судьба — это строжайшая и важнейшая категория сознания, с помощью которой строится вся концептуальная картина мира народа. Через образы деревьев — рябины и дуба — показаны в этом стихотворении образные преграды, ограничивающие реализацию некоторых планов в судьбах людей.

Деревья, по представлениям древних, наделены сверхъестественной силой. Береза, дуб, ель у многих народов символизировали доброе начало; калина, рябина, осина — передают чаще всего переживания человека, вызванные какими-либо жизненными испытаниями. Люди обращаются к рябине за советом, вместе с ней ищут пути выхода из запутанных историй.

Рябина, рябина, несчастная я.
Два парня, два друга, влюбились в меня.
Лишь вечер настанет — к калитке придут,
Вдвоем под рябиной вздыхают и ждут.

Рябина, рябина, дай добрый совет...
<...>

Рябина, рябина, девичья печаль...

В «Уральской рябинушке» (стихи М. Пилипенко, музыка Е. Родычина) прослеживается тот же мотив: «Где-то под рябинушкой парни ждут меня»; «Оба парня смелые, оба хороши, ой, рябина, рябинушка, сердцу подскажи».

Тема безответной любви через образ рябины раскрывается и в стихотворении «Ах, эта красная рябина» (слова А. Сафронова, музыка С. Заславского):

Ах, эта красная рябина
Среди осенней желтизны.
Я на тебя смотрю, любимый,
Теперь уже со стороны.

Со стороны страданий прежних,
Со стороны ушедших лет.
Которым, словно зорям вешним,
Уже возврата больше нет.

В чувашской народной поэзии горечь об уходящей игривой молодости также связана с рябиной (ягодой):

*Шыв хёрринче пилеш ай пишет-ске,
Супкӑм-супкӑм шыва ай укет-ске.
Эпир вылянисем, ай кулнисем
Ушкӑн-ушкӑн аса ай килеç-ске.*

«У ручья рябины ягоды созревают,
Гроздьями падают на ручеек.
Как мы играли, веселились,
Время от времени приходят на память».

Порою, как думали наши предки, душа дерева карает того, кто его срубит. Непременно это случится, если человек срубит рябину. Она должна засохнуть, а если срубят рябину, то дереворуб будет обречен на несчастья.

Среди марийцев рябина использовалась также в магических целях в качестве оберега. Например, во время свадьбы жених и невеста клали за пазуху веточку рябины. Ее было принято сажать возле дома, также старались держать ветки рябины и дома. Вырубить рябину запрещалось, но если рябины уродится много, то считалось, что год будет тяжелым для здоровья людей [Тойдыбекова, 2007, с. 201].

Рябина, по поверьям славян, защищала от неудачи и колдовства, из нее делались волшебные посохи [Библиотека ... , 1988, с. 53].

Сравнения:

— *гнутья (шататься) как рябина, рябинка на ветру* — 1) о сгибающемся, шатающемся от слабости, болезни человеке (особенно женщине); 2) об изнемогающем под тяжестью жизненных испытаний человеке (особенно женщине);

— *одинокая как рябина; стоять как рябинка* — об абсолютно одинокой женщине;

— *голова кудрявая, как рябинка* — о чьих-л. кудрях (в народных песнях);

- *шатать (качать) как рябину (рябинку)* — о человеке (обычно женщине), которого шатает, раскачивает от слабости, болезни и т.п.;
- *висеть как рябиновая гроздь* — о скоплении плодов, зерен (например овса) на одной ветке в виде плети;
- *напудрилась, как корова рябилась* — о чрезмерно и безвкусно накрашенной девушке.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахметьянов Р.Г.* Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Тат. кн. изд-во, 2001. 272 с. На тат. яз.
- Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка = Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. Вып. 1—17. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928—1950.
- Библиотека русского фольклора. Былины. М., 1988. 548 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Даль. Т. 1—4. М.: Русский язык, 1978—1980.
- Дмитриева Л.В.* Названия растений в тюркских и других алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 151—223.
- Дмитриева Ю.* Чувашские народные названия дикорастущих растений. Дебрецен, 2001. 211 с.
- Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.
- Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. 360 с.
- Насинов И.С.* О лексико-тематических группах финно-угорских заимствований в кыпчакских языках Урало-Поволжья // Цивилизации народов Поволжья и Приуралья: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. «Проблемы языка и этноса на рубеже веков». Чебоксары: ЧГПУ, 2006. Т. 3. С. 219.
- НА ЧГИГН. Отд. 1. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 154. Инв. № 4632.
- Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. СПб., 1893—1911.
- Тойдыбекова Л.С.* Марийская мифология. Йошкар-Ола, 2007. 312 с.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964—1973.
- Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Чебоксары, 1996. Т. 1. 470 с. Т. 2. 509 с.
- Чăвашла-вырăсла словарь = Чувашско-русский словарь / М.И. Скворцов редакциленĕ. М.: Русский язык, 1982. 712 с.
- Чăваш халăх сăмахлăхĕ: мифсемпе халапсем. VI т. 2-мĕш пайĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1987. 443 с.

ПИХТА

Пихта — хвойное дерево с мягкой плоской хвоей и прямо стоячими шишками.

Пихта, как и ель, — очень ценная в строительном деле древесная порода, в настоящее время она используется в основном для выработки целлюлозы. Из древесины делают вискозный шелк, штапельное полотно, взрывчатые вещества и многое другое. Из смолы пихты вырабатывается чудодейственный бальзам для лечения ран. Приготавливают также из нее лекарства, например, синтетическая камфора из эфирного масла пихты — незаменимый помощник в борьбе с болезнями сердечно-сосудистой системы. В то же время она составная часть киноплёнки.

Из древесины в настоящее время получают при помощи химии более 20 тыс. веществ и предметов.

Этимология. Тюрк.: башк. *ақ шырышы*, тат. *ақ чырышы*, чув. *шур чӑрӑш* «пихта» (досл.: белая ель); тат. Том. *ом байлан* ~ *пайлан* «пихта», «калина»;

монг., бурят. *жодоо*, *ёдоо* ~ *доо*; калм. *šar харγā* «пихта, сосна»; тунг.-маньчж.: эвенк. *нӑнтэ* ~ *лӑнтэ* «ель, сосна, пихта, кедр»; ульч. *вапта* «пихта, ель» [Дмитриева Л., 1972, с. 201].

Рус. *пихта* — хвойное дерево, близкое к сосне; пихта польская, западная, *Pinus alies*, пихта сибирская; *пихтовый лес*, *пихтовник* [Даль, III, с. 116].

Вероятно, заимствовано из западно-финских языков (ср. фин., карел. *pihka* «смола», веп. *pihk* «густой лес», вод. *pihku* «сосна»). Первоначальное значение — «бор» (ср. в др.-рус. яз. слово *бор* «сосна»), неубедительно по историческим и лингвистическим причинам объяснение этого слова как переоформления нем. *Fichte* — «ель» [Шан-

ский, Иванов, Шанская, 1971, с. 340], но, по М. Фасмеру, *пихта* из нем. *Fichte* «сосна» [Фасмер, III, с. 270].

ЛИТЕРАТУРА

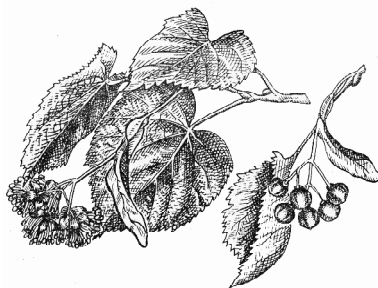
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М.: Русский язык, 1978—1980.

Дмитриева Л.В. Названия растений в тюркских и других алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 151—223.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964—1973.

Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

ЏАКА ЛИПА

Џака «липа» — лиственное дерево с медоносными цветами и сердцевидными пильчатыми листьями [Ушаков, 2007, с. 409].

Дериваты: *Џакалӑх* «липняк, липовый лес»: *Џакалӑхра шӑпӑк авӑтать, сасси каять ял ҫине* (фолькл.) «В липовой роще поет соловей, и пение его доносится до деревни»; *Џакасар*:

*Пит маттур-ҫке Иванов бульварё,
Пылӑхри нек ҫамрӑк ҫакасар.*

«Бойкое место бульвар Иванова,
Будто молодой липняк
как на поляне».

В. Мутта

Топонимы: *Џакаллӑ ҫырма* — название урочища; *Џака Тавӑш* — название речки; *Џакаллӑ уй* — название поляны; *Џакаллӑ вар* — название леса; *Џакалӑхьял* — название деревни Липово; *Џакалӑх* — Липовая, Липовка.

В пословицах, поговорках и загадках: *Сӗткен кӑмен ҫӑкана касма ан васка* (посл.) «Не спеши рубить липу, пока она не налилась соком». *Ҫул ҫинчи ҫака нӑрте кӑрсе кай теҫҫӗ (хӑна тӑвакан пӗлӗш е хурӑнташ патне кӑрсе кай)* «Заходи в липовый дом (в дом, срубленный из липы) у дороги (заходи в гости к родным и знакомым). *Ҫул ҫи ҫака нӑрт теҫҫӗ* (посл.) «Говорят, по пути заходи в дом (липовый)» [Ашмарин, XIII, с. 8].

В чувашском языке молодая липа называется *пушӑт йывӑҫси* «лутошка», производное: *пушӑтлӑх* «место, богатое молодой липой» (для лыка). *Аслӑ ҫул хӑрринче сар пушӑтлӑх, ҫул ҫыннисем пӗлӗҫ хисепне* «Возле большой дороги красивый липняк, прохожие знают толк в нем».

Загадки: *Пӗчӑкҫӗ пушӑт йывӑҫси нуҫсапса ларать* (хурӑн ҫырли). «Маленькая лутошка кланяется прохожим (земляника)». *Вӑрманта турӑ, ҫул ҫинче хушка, киле килсен — шура* (пушӑт йывӑҫси)

«В лесу гнедой, в пути рябой, в доме белый» (лутошка). *Тулта турă, шалта шурă* «На воле гнедой, дома белый» [Ашмарин, X, с. 70; Ашмарин, XIV, с. 155]. Ср.: рус. *В избу — вороном, а из избы — лебедем*; удм. *Входит в избу черным, а выходит белым*. Все эти загадки о лутошке.

Словосочетания: *ѕака вярманё* «липовая роща»; *ѕака чечекё* «липовый цвет»; *ѕака пылё* «липовый мед»; *ѕака сётел* «стол с липовой столешницей»; *ѕака ѕулси* «липовый лист»; *ѕака улми* «хорошавка» (сорт яблок); *ѕака кярăс(ё)* — название гриба; *ѕака майри* «орешки липы»; *ѕака хысми* «прозрачный сок, стекающий после сдирания липы»; *ѕака кятки (кăпшанки)* диал. «божья коровка».

Пушат йывăсси «дерево лыка». Разновидности этого образования: *пуш йывăсси, пуш йысси, пушисси, пуштўсси* и пр.; *пушат шăччи* «тычина лыка». Разновидности этого образования: *пуш шуччи, пошшуччи, пушчиччи, пошчуччи, пушчи* и пр.; *пушат тёшши* «сердцевина лыка». Разновидности этого образования: *пошчуши, почушиши, пошчуш* и пр. Первые формы употребительны в южных, а вторые и третьи — в центральных и северных районах Чувашии [Ашмарин, X, с. 65].

Этимология. Удовлетворительной этимологии чувашского *пушат, пошат* нет. М.Р. Федотов под знаком вопроса приводит мар. *писте: пиште* / морд. *М. пяше* «липа» / эст. *pähn* [Федотов, I, с. 458]. К тому же слово *ѕака* «липа» достоверной этимологии не имеет. Этимологи довольствовались приведением тюркских параллелей: азерб. *чөк*, башк., тат. *юк*, казах. *жөке*, ног. *йюке*, узб. *жука*, карач. *джөгге*, кумык. *ёге* «липа», к. калп. *жөке* «рогожа» [Егоров, 1964, 205]. М.Р. Федотов приводит **фонетический вариант** *ѕака ~ ѕаба* (Пшкрт.) «липа» [Федотов, II, с. 91].

Р.Г. Ахметьянов словарную статью *юкэ* «липа, лыко» расширил следующими параллелями: казах., к. калп. *жөке* «мочало лыковое», «пенька», «куль, рогожа», указывает на возможную связь с др.-тюрк. *йуфка* «слоеный» [Ахметьянов, 2001, с. 258] и допускает возможную связь *юкэ* «липа» со словами алт. диал. (шор.) *чуға* «тонкий», *юка* «тонкий, худощавый»; *юкэр* «луб», а также представляют интерес словосочетания: к. калп. *жөкэ киндер* «конопля», тат. диал. *юкэ кабык* «липа (древесина)» либо «вязовый лубок».

В словарной статье *юкэ* «липа» есть отсылка на *юка* «тонкий, худощавый», где приведены башк. диал. *йюка*, алт., тур. *йуфка*, уйг. диал. *йупка*, др.-тюрк. *йуфка* «тонкий», к. калп. *жука* «худой, тощий», тат. диал. *жокак* «худощавый»; возможно, архаичное *йабукак* «худой,

*Уй-хирте пӗччен ларать сӑка...
 Суркунне тухья-тевет сакать.
 Суллахи тӑп-тӑрӑ каҫсенче —
 Мерченне ахах ун сийӗнче.
 Хӗр упраҫ ӑна курсан вара
 Шуҫӑмчен сӑнать, сӑнать вӑрах,
 Е поэт ӑна курсан, паллах,
 Сулӑмпах ҫунать, ҫунать вутпах!*

«В поле стоит одиноко липа,
 Весною наряжается в тухью-тевет,
 А в летние ясные ночи
 На ней кораллово-агатовые бусы.
 Девушки видом ее
 Наслаждаются до утренней зари,
 Если взор поэта остановится на ней,
 Загорится пламенем вмиг!»

В чувашской поэзии цветущая липа обычно символизирует любовь.

*Вӑрман хӗрринче,
 Сӑка айӗнче,
 Кӗтет сарнике
 Чунӗ савнине.
 Ҫил ҫук ӗшнере,
 Сӑка ҫескере.
 Эх, мӗнле хитре
 Качӑпа хӗре!*

«На опушке леса,
 Под липой-липошкой,
 Ждет красна девица
 Своего милого.
 Нет ветра на поляне,
 Липа вся в цвету.
 Ах, как хорошо
 Влюбленным вместе!»

Волнения и переживания влюбленных передает описание листы, колыхающейся от ветра:

*Ан хумхан, сӑкалӑх,
 Ан хумхан, сирень,
 Халь ӑста-ши, тусӑм,
 Эс иртсе ҫӑрен?*

«Не качайся, липняк,
 Не качайся, сирень;
 Где же сейчас ты, друг мой,
 Где же ты ходишь-бродишь?»

Липа обычно выступает олицетворением стройности. Это отражено в народной песне «Сурӑм вӑрманӗ» (Лес сорминский):

*Сӑка пулат ялан яштака.
 Сулҫи пулат ялан ҫаврака.*

«Липа бывает всегда стройной,
 Листья всегда кружочком».

Упоминание о липовых листьях связано с мыслями о письменности чувашского народа:

*Сӑка сулҫи ҫаврака,
 Мӗн каласа ҫырӑн-ши?*

«Лист липы круглый,
 О чем он поведает?»

Народные предания хранят много интересной информации о липе. Одно из них, например, рассказывает о том, какая особенность этого дерева учитывалась при изготовлении из него детской колыбели:

Ача сӑпкине чӑвашсем авалтан питӗ юратса хатӗрленӗ. «Сӑпка йӗркелӗ те канлӗ пулсан ача та сывлӑхлӑ пулат», — тенӗ вӗсем. Ҫавӑнпа та ӑна пули-пулми хупран мар, ама хуп тенинчен, виҫҫӗн юнашар ӗсекен сӑка тупса варринче ӗснӗ сӑка хупӗнчен тумӑ тӑрӑшнӑ

(В.Я. Канюков). «Издrevле чуваши зыбку (колыбель) готовили с большой любовью. Они считали, что если зыбка будет хорошей и удобной, то и ребенок растет здоровым. Поэтому для нее брали лубок не всякий, а так называемый *ама хуп* (букв.: луб-самка), именно с той липы, что росла посредине в группе из трех лип».

По Н.И. Ашмарину: «*Ама хуп* — липовая кора (лубок), очищенная от верхнего черного слоя, с продолговатым продольным отверстием, образовавшимся от росшего наискось сучка или от болезни дерева». По мнению чувашей, если сделать колыбель (зыбку) из такого лубка, то будет много детей и они не будут умирать. *Сăпкана ама хупран мĕншĕн тутармарĕн?* «Почему ты не велела сделать зыбку из *ама хуп* (букв. «из лубка женского пола»)»? [Ашмарин, I, с. 191—192].

В древних чувашских песнях существуют свои закрепившиеся атрибуты для образа липы. Постоянные эпитеты указывают на то, что она является не просто деревом, а одним из способов выражения образа мирового древа.

В песнях липа почти всегда бывает «широкой», «желтой», «старой». Эти прилагательные служат лучшим описанием для мирового древа. В эстетике чувашского народа прилагательное *сарĕ* «желтый» является синонимом слов «красивый», «пригожий», «изящный». Значит, сочетание «желтая липа» читается как «красивая липа». Эпитет *сарлака* «широкий» говорит о том, что ветки этого дерева из края в край разрослись над всем миром. Эпитет *ватĕ* «старый» напоминает о том, что родовое дерево существует на земле со дня рождения мира, а липа равнозначна мировому древу. Согласно мифологии, мировое древо проросло на вершине мировой горы в момент зарождения мира, оно завянет лишь тогда, когда наступит конец света. Поэтому возраст родового древа равен возрасту вселенной. Иначе говоря, эпитет «старый» раскрывает скрытое значение образа липы, используемого в песнях. Образ широкой (развесистой) липы, стоящей «посреди поля» (*уй варринче*), встречается довольно часто. В песенных текстах через сочетание «широкая липа» передается образ матери. «Центр поля» служит мировым пространством.

В песнях рядом с липой или под ее ветвями часто описываются разные птицы, травоядные животные, насекомые. Каждое название животного в народном творчестве скрывает в себе присущее лишь ему значение.

В марийской мифологии липа — священное дерево, объект поклонения. Для излечения от болезней обращались к липе за помо-

щью. Существовал обряд, при котором женщина в надежде излечиться от бесплодия отправлялась после полуночи к священной липе, поднималась на нее в обнаженном виде и спускалась с нее вниз головой. Обряд осуществлялся до восхода солнца, тайно [Тойдыбекова, 2007, с. 191].

Липа — 1) лиственное дерево с медоносными цветами; 2) перен. фальшивка, подделка [Ожегов, Шведова, 1994, с. 316].

Липа — одно из самых мягких поделочных деревьев; из липы делают посуду, ложки и пр.; *лубняк* (липовый, идущий на кровли под тес), *лычник* (подкорье молодой липы, идущее на лапти); *мочальник* (липовый луб, размоченный и разодранный на волокна, идет на кулье, рогожу, циновки, лапти, веревки). *Липа* диал. «докучливый и неотвязчивый человек».

Производные: *липовый* (к липе относящийся, с нее добытый, из дерева липа сделанный); *липняк* (липовый лес, роща); *липяк* (возвышенность, покрытая каким бы то ни было лесом); *липня* (липовая колода на улей); *липовка I* (липовая дублянка, стоячок, лагунок, чияк); *липовка II* (порода яблок); *липовица* (липовый сок, отцеживаемый весною; питье); *липец* (белый душистый мед, собираемый пчелами с липового цвета; вареный бутылочный мед из этого меда // название месяца июля, когда липа цветет); *липоване* (заграничные раскольники наши, толков беспоповщины в Австрии, на Дунае); *липина* (липа, одно дерево); *липка* диал. (бабочка, мотылек); *липина* (липовая лучина; дверной, оконный косяк); *липты* диал. (исподние самодельные сапоги); *липкий, липучий* (легко прилипающий, цепкий, клейкий); *липнуть* (приставать, сцепляться, приклеиваться), отсюда: *липучка, липучник, липковатый, липкость, липок* (бабочка); *липец* (березовая почка); *липак* (шкура ягненка); *липач* (кирпич-сырец) [Даль, II, с. 253—254].

Пословицы, поговорки, загадки: *Была липка, а стала лутошка; Сосна кормит, липа обувает.*

Этимология. Ученые почти все единодушны в том, что слово *липа* образовано от основы слова *липнуть*. Дерево названо так из-за его липкого сока [Шанский, Иванов, Шанская, с. 240—241]. Вероятно, название дерева связано с липкостью липового лыка, которое широко использовалось при изготовлении обуви, корзинок, сумок. В настоящее время липа встречается значительно реже, чем прежде.

Славянское **липа* вместе с его балтийскими соответствиями восходит к индоевропейскому диалектному названию липы **l̥ipā* и соотносительно с праславянским **lipati* «приклеиваться, прилипать, липнуть» [ЭССЯ, XV, с. 114—116].

В чувашском языке мы отмечали чередование *к ~ п* в инлауте: *çăка ~ çăпа (çăва)* «липа», а в славянских языках встречается чередование *п ~ к*: *липа ~ лика* «липа» [ЭССЯ, XV, с. 114]. Возможно, слово *лыко* тоже имеет непосредственное отношение к словам *липа ~ лика*.

У славянских народов очень высокого человека называли липой.

В топонимических названиях: *Липата* — название местности, склона с буковым лесом; *Липа* — название местности с лесами, а также пастбищами и нивами; *Липа* — название деревни; *Липа* — левый приток Днестра; *Липовка* — название деревни.

В некоторых языках замечено переносное значение лексемы: в бурятском *липа* → дуб, а в кельтском языке *липа* → вяз, в греческом *липа* → вид дуба.

В производных словах отмечается перенос значения на человека: *липак* (Липак — прозвище); укр. *липак* — работник, обмазывающий глиной стены;

липак рус. диал. — безногий человек, который передвигается на коленях;

липун — надоедливый, назойливый человек.

В сравнениях сема переноса «липа» → «человек» видна отчетливо:

— *Антипа не липа: хоть луб содрал, да им не покрылся* — о человеке, делающем все неловко, неумело;

— *будто липа лист выкладывает* — о говорящем плавно, складно человеке;

— *врать будто (как) липа лист кладет, будто липа лист выкладывает* — о чьей-л. легкой и беззастенчивой лжи;

— *петь как липа лист кладет* — об очень хорошем, мелодичном и естественном пении;

— *впереться как бык в липу* — 1) о вцепившемся, ухватившемся за что-л. и не отпускающем этого человеке; 2) о человеке, внезапно остановившемся на одном месте;

— *невеста плачет, как липу кладет* — о хорошо причитающей на свадебном обряде невесте;

— *ровно липонька гола* — о пропившемся до нищеты человеке;

— *как липина голая* — об очень бедном, без всякого имущества человеке;

— *ободрать как липочку, как голую липину* — отобрать, отнять все дочиста у кого-л.;

— *ободратиться на липину* — обеднеть, крайне обнищать;

— *бела словно липинка* — о побледневшей от страха девушке;

- *тонкий как липинка* — об очень худом человеке;
- *бела словно липиночка* — о бледной девушке;
- *облужить (ободрать, обдирать, обчистить, обчищать, обобрать, обирать) как липку* — 1) о человеке, которого безжалостно лишили всего имущества, ограбили или подвергли жестокой эксплуатации; 2) о человеке, которого полностью обворовали, у которого выкрали все имущество или которого начисто обыграли в азартные карточные игры;
- *ошкурить как липу = облупить как липу*;
- *врать как липов лист* — о складно врущем, привирающем человеке;
- *содрать как с липочки* — о человеке, которого безжалостно лишают имущества, отбирают что-л., полностью разоряют (как угроза);
- *ободраться на липину* — обеднеть, крайне обнищать [Мокиенко, Никитина, 208, с. 347].

ЛИТЕРАТУРА

- Ахметьянов Р.Г.* Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Тат. кн. изд-во, 2001. 272 с. На тат. яз.
- Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка = Чăваш сĕмахĕсен кĕнеки. Вып. 1—17. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928—1950.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М.: Русский язык, 1978—1980.
- Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь народных сравнений. М.: Олма Медиа групп, 2008. 799 с.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1994. 907 с.
- Тойдыбекова Л.С.* Марийская мифология. Йошкар-Ола, 2007. 312 с.
- Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2007. 1239 с.
- Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Чебоксары, 1996. Т. 1. 470 с. Т. 2. 509 с.
- Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.
- Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1—34. М.: Наука, 1974—2002.

ТИРЕК ТОПОЛЬ

Тирек: 1) тополь — дерево из семейства ивовых; 2) осокорь — дерево, разновидность тополя.

Фонетический вариант: *тирёк* — тополь (так постоянно в переводе пушкинской «Полтавы»): *Киев хули патёнче яштак, сўллё тирексем илемленсе ўсессё* [Ашмарин, IV, с. 258]; *кирек=тирек*.

Синонимичное выражение: *тар йываьси* — тополь душистый; осокорь, тополь черный.

Производные: *тиреклёх* — место, где много осокорей или тополей; осокорник. *Алаькяр умё тиреклёх, пёр ут каякарма тивёслё*.

Этимология. По В.Г. Егорову: *тирек* «тополь»; уйг. *терэж*, узб. *терах*, кирг., каз., к. калп., алт., тув. *терек*, тат. *терэж*, башк. *ак тирэж*, ног. *актерек*, туркм. *дерек*, тур. *дирек агачы* «тополь»; чаг. *ак тэрэж*, туркм. *ак дерек*, к. калп. *ак терек*, хак. *ах тирек* «серебристый тополь»; кумык. *терек* «дерево», *ак терек* «осина»; уйг., хак. *хара тирек*, к. калп. *кара терек* «осокорь», ср. перс. *дерэхт* «дерево» [Егоров, 1964, с. 252—253].

По М.Р. Федотову: даны тюркские соответствия в виде *тәрәк*, *терәк*, *тирәк*, *тирэх/тэрэх* со значениями: «тополь», «осокорь», «осина» [Федотов, II, с. 235].

Ю. Дмитриева приводит тюркские соответствия в виде *teräk*, *terek*, *tiräk* и т.д. в значениях: «осокорь, черный тополь, всякое дерево; фруктовое дерево, дерево»; *akterek* «тополь» [Проблемы исторической лексикологии ... , с. 30; Дмитриева Ю., 2001, с. 19], а также якут. *tiräx* 1) тополь; 2) пихтовое дерево; 3) осина; здесь же даны и переносные названия: кирг. *terek* 1) тополь; 2) дерево (общее название, *перен.* опора, защита; кумык. *terek* 1) дерево; 2) *перен.* высокий (о человеке).

Ввиду того, что соответствия данного слова распространены в большинстве тюркских языков, автор считает его пратюркизмом.

Однако, по ее мнению, первоначальное название тополя в чувашском не сохранилось, о чем свидетельствует его нынешняя форма (*тирек*), представляющая собой заимствование из татарского. Причину потери первоначального тюркского названия в чувашском Ю. Дмитриева видит в том, что деревья тополь и осина теперь редко встречаются на заселенных чувашами территориях (по нашему мнению, последнее утверждение не соответствует действительности).

Далее автор делает ссылки на ряд исследователей, говоря о том, что Р.Г. Ахметьянов подробно описал культовое значение тополя; Г.И. Рамстедт и М. Рясянен указали на то, что калм. *ter'g* «ein Baum; Rappel od. Espe» было заимствовано из тюркских языков; что В.И. Алатырев удм. *täreg* «ива», (чернотал) возводит к тюркскому источнику; что М. Рясянен тюрк. *terek* считает только результатом контаминации с перс. *deraxt* «дерево» и многие исследователи выводят его из персидского фитонима [Дмитриева Ю., 2001, с. 19].

Терек обозначает растущее дерево и характерно для западно-кыпчакских языков: балк., кумык., ног. *терек*, крым.-тат. *терек/дерек*, кар.-тат. *теряк*. О происхождении этого слова можно высказать несколько предположений: а) перенос видового обозначения на родовое — «тополь» > «дерево»; б) иранское заимствование — *дерахт* > *терек*; в) *дарахт* обозначает также растущее дерево, распространенное в среднеазиатском ареале: уйг. *дэрэх*, узб. *дарахт*; ср. также кирг. *дарақ*; заимствовано из иранских языков [Мусаев, 1984, с. 137].

Л.В. Дмитриева наряду с фонетическими вариантами *тирек* ~ *терек* ~ *тирэк* ~ *дерек* приводит и словосочетания: башк. *ақ тирэк* (*ақ* «белый» + *тирэк* «дерево»), казах. *қара терек* «осокорь»; узб. XIV в. *дару сафид* < (иран. *дар*=и *сафид* «белый тополь»); тат. бараб. *йөнкә* «тополь», тур. *kovak* «тополь» и т.д.; монг. *улиангар* ~ *улиас*, бурят. *улянгир* «тополь», «осина»;

тунг.-маньчж.: эвенк. *һила* «осина», «тополь», «яшень», «ольха» (черная); сол. *бургас* «тополь», эвенк. *кајлаһун* < [монг.] «тополь», «вяз», «яшень» [Дмитриева Л., 1972, с. 207].

К.М. Мусаев пишет, что для обозначения тополя определенные ареалы используют три слова: 1) *терек* с незначительными фонетическими отклонениями; 2) характерное для юго-западной, или огузской, группы азерб. *говак*, тур. *кавак*; 3) крымский ареал: крым.-тат. *сальби*.

Монгольские языки имеют одно общее слово: монг. *улиангар*, бурят. *улянгир*, калм. *улаен*, которые Г. Рамстедт сближает с названием осины и тополя в тунгусо-маньчжурских языках.

В тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *хул* «тополь», «осина», эвенк. *хула* «осина», *сул* «тополь», нан. *поло* «осина», ульч. *пулу*, маньчж. *орулха* «тополь», «осина». Корень *хула/пула/фула*, несомненно, общего происхождения с корнем прилагательного «красный» в тунгусо-маньчжурских языках.

Из сказанного выше о названии тополя можно сделать вывод о том, что в алтайских языках существуют два ареала в наименовании тополя: 1) тюркский, 2) монгольско-тунгусо-маньчжурский; в назывании тополя монгольские языки оказываются ближе к тунгусо-маньчжурским, чем к тюркским языкам.

Культовое значение *тирэк* и *байтирэк* описано Р.Г. Ахметьяновым в следующем виде: «В семейных обрядах народов Поволжья некоторую роль играли понятия, связанные со словом *тирэк* (тат.), *тирек* (чув.), *тэрег* (удм.) «тополь, ива, чернотал, дерево (вообще)» и *байтирэк* «старый тополь», «старое большое дерево, растущее отдельно» [Ахметьянов, 1981, с. 94—96].

Татарское *тирэк* (общетюркские фонетические варианты *тэрэк*, *дэрэк*, *дирек*, *тарэк*) «дерево вообще», «посаженное дерево, тополь», «узор, вышитое дерево или трава» является заимствованием из персидского, где *дарахт* «дерево» (ср. уйг., кирг. диал. *дарак* «дерево»).

Словосочетания: *хура тирек* — тополь черный, осокорь; *тирек кайчки* — тополевая почка; *шурй тирек* — серебряный (серебристый) тополь. *Шурй Атйл хёрринче шурй тирек, суйла-суйла касмашкйн хушацсё. Атйл урлй касма перевус сук, кассан ницта ларма тирек сук* [Ашмарин, XIV, с. 65—66].

В древности слово *тирек* означало, видимо, не любое дерево, а такое, которое служило ориентиром или символом. Об этом, в частности, говорит татарская пословица: *Билэнчек башы биш тирэк, билге тек тэ ил утырт* «Начало владений — пять тополей, ставь знак и сажай свой иль (общину) — знак владельца на границе земель». В татарской детской игре «Ак тирэк — күк тирэк» играющие делятся на два лагеря и разыгрывают сцену сватовства и увода невесты из одного лагеря в другой. Полную аналогию (с пением одних и тех же куплетов) представляет киргизская игра «Ак терек — көк терек».

Пословицы: *Тирэгең булса төрэгең булыр.* «Если у тебя есть *тирэк*, значит, есть опора» (ср. чув. *тирек* «тополь» и *тёрек* «опора». — Ю.И.)

Киргизская: *Теңирим бир жааса, терегим еки жаайт.* «Если бог мой дождит раз, *терек* мой дождит дважды». Говорит о том, что слово *терек* означало защитника рода или патрона (ср. также тат. *тирэк* «отчий дом»).

В родовом значении чаще употребляется слово *байтерек*, *бай-тирэк* «осина, осокорь, тополь»; «родовое священное дерево». Это дерево имеет и ряд других названий: у хакасов *райхахип* «бай-береза», у алтайцев и шорцев *пай-хузук* «бай-кедр»... Слово *байтерек* могло означать посаженное дерево или столб в центре кочевых владений, где останавливались в определенное время года (при сезонных миграциях). Это дерево (и птица на нем) получало в народном сознании ореол святости и гиперболическое значение (и размеры).

У оседлых народов Поволжья это имя (чув. *Пайтирек*, мар. *Пайтирек*, *Пайтерек*) давали мальчику, если заранее было известно, что он останется единственным наследником отчего дома. Ср. *Пайтирек* — языческое имя мужчины. Отсюда *Пайтирек ялэ* — село Байдеряково в Яльчикском районе [Ашмарин, IX, с. 72]; другие названия: *Пайтукан*, *Пайтул*, *Пайхач*, *Пайхерей*, *Пайхилтэ* (Там же. С. 73), *Пай* (Там же. С. 66).

Слово *бай* в тюркских языках имеет, кроме значения «богатый», «доля, пай», еще и другое — «священный, особо предназначенный»; ср. чув. *пайяр* «собственный», «собственность»; «действительно, доподлинно, определено» [Ашмарин, IX, с. 68].

Этимологию *тирэк* «тополь, осокорь» Р.Г. Ахметьянов дает в следующем виде: др.-тюрк. *тэрэк* «тополь», уйг. *тэрэк*, *дэрэк* «очень большое дерево», «священное дерево» ← перс. *дэрэхт* (рус. дерево) [Ахметьянов, 2001, с. 202].

Г.Е. Корнилов считает, что от *чер* «чернильный дуб», видимо, происходят древние и современные славянские параллели русских производных качественного имени прилагательного *черный*. Поскольку инициальное *ч* не может быть ничем иным, как аффрикатизированной ступенью палатализации чередующихся на урало-алтайском уровне *т* и *к*, для исходной стадии могут быть восстановлены диалектные алломорфы: 1) **кер-*; 2) **тер-*; 3) **кар-*; 4) **тар-*. Из них 1-й и 3-й подтверждаются тюркскими производными *кара* (~ чув. *хура*) «черный», *карагаз* «лиственница», 2-й и 4-й обеспечены фитонимами — тюркскими параллелями чувашского *тирек* «тополь» [Корнилов, с. 191—192].

Выходит, чув. *сирёк* «ольха» и общетюрк. *терек* ~ чув. *тирек* имеют общий этимологический корень **тир* (*тер*), *тар* в качестве имени в значении «дерево», а это значит, что русское *дерево* не от глагольной основы *дер* (*деру*, *драть*, *обдирать*), а от именного корня *дер*, *дар*; ср. др.-инд. *даару* «дерево», гр. *дору* «дерево», «копье». На ностратическом уровне др.-инд. *тар* и гр. *дору* никак не могли образоваться от рус. *дер* (*деру*) с глагольным значением. Поэтому пер-

воначальное значение слова *дерево* — то, что выдирается или обдирается — не соответствует действительности.

В чувашском языке для обозначения названия «тополь» имеется диал. словосочетание *тар йывăçси* 1) тополь душистый; 2) осокорь, тополь черный [ЧРС, 1982, с. 445].

Фонетические варианты: *тар йăвăç* «тополь», *тар йўç* «осокорь». *Тар йўç Атăл хĕрине нумай вăл* [Ашмарин, XIII, с. 208].

Этимология. По В.Г. Егорову: *тар йывăçĕ* «осокорь», «один из видов тополя», «черный тополь»; в других тюркских языках осокорь называется: кирг., казах. *кара терек*, узб. *кара терак*, тат. *кара тирĕк*, уйг. *тоғрак* и т.д. Ср.: инд. *тар* «пальма» (подобно финиковой, дает сок, употребляемый как хмельной напиток) [Егоров, 1964, с. 231].

По М.Р. Федотову, чув. *тар* к инд. *тар* отношения не имеет, тем не менее автор приводит данные из словаря В.В. Радлова: чаг. *тар* (< инд.) «род пальмы», есть еще дерево *тар*, все ветви тара находятся на вершине: к тару, как к пальме, привязывают кувшин, берут воду (т.е. сок дерева) и пьют ее [Радлов, III, с. 836].

Л.В. Дмитриева в словарной статье на слово *осокорь* (черный тополь, *Populus nigra*) дает ошибочный, на наш взгляд, перевод *тар* «пот» в словосочетании чув. *тар йывăçси*, т.е. *тар* «пот» + *йывăçси* «дерево его» [Дмитриева Л., 1972, с. 200]. В чувашском языке компонент *йывăçси* присоединяется только к видовым названиям деревьев: *пилеш йывăçси* «рябина», *хурăн йывăçси* «береза» и т.д.

Тополь — дерево *Populus* разных видов: белый тополь, серебристый тополь, пахучий, душистый тополь, осокорь душистый, алтайский, рай-дерево; черный тополь, осокорь, сухара, папорт; пирамидальный, итальянский тополь, райна.

Дериват: *топольник* — тополевая роща. *Тополовое дерево дрябло и плохо, а потому почти в поделки не идет; топольный запах* [Даль, IV, с. 417].

Осокорь — дерево тополь: бальзамистый, душистый, смолистый тополь; *осокорина* — осокоревое дерево, *осокорник* — осокоревая роща [Даль, II, с. 701].

Этимология: *тополь* — общеславянское, соответствующее латинскому *Populus* «тополь». На славянской почве слово переоформилось в результате диссимилиации *p-p* в *t-p* с включением его в русский язык в иной тип склонения [Шанский, Иванов, Шанская, 1971, с. 446]. Славянские соответствия мы находим в словаре М. Фасмера: болг. *топола*, чеш. *topil*, польск. *topola*; указано: предполагают связь с лат. *pāpulus* «тополь» и диссимилиацию *p-p* > *t-p*. Но тут же сомнение: «Заимствование из латинского было бы возмож-

но, если бы можно было исходить из ср.-лат. *populus*, как в случае с др.-в.-нем. *rapilboum*, ср.-в.-нем. *rapel* «тополь» [Фасмер, IV, с. 79].

Осокорь — общеславянское, образовано с помощью сложения основ *ос* (см. *осина*) и *-корь* (см. *кора*). Буквально значит «дерево с корой, как у осины» [Шанский, Иванов, Шанская, 1971, с. 315].

Осокорь — серебристый тополь, черный тополь *Populus alba* и *pigra*; ср.: укр. *ясопир*, болг. *ясокор*. Слово на *о*, вероятно, следует отнести к *осина* и *кора*. Формы на *ясо* связаны с сербохорв. *јасина* «осина» или «ясный»; т.е. дерево со светлой корой [Фасмер, III, с. 163]. Некоторые из южнославянских форм с суффиксом *-ika* имеют значение «осокорь», «черный тополь»: болг. диал. *јасина* «осина», «череза», «вид тополя». Славянское название этого дерева **asokor -ŭ/-i* может быть истолковано как словосложение **aso — kor-* «с корой осины» [Гамкрелидзе, Иванов, II, 1984, с. 624].

Сравнения:

— *качаться как тополь в бурю* — о качающемся от слабости, усталости и т.п. человеке;

— *строен (стройный) как молодой тополь* — о стройном, подтянутом и высоком, изящном молодом человеке или девушке; выражение известно и по другим языкам: ср. чеш. *chláp jako topol*;

— *отстать как от тополя листок* — об оставшемся сиротой, одиноким человеке;

— *вырасти как тополька* — о стройной девушке.

ЛИТЕРАТУРА

Ахметьянов Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Тат. кн. изд-во, 2001. 272 с. На тат. яз.

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка = Чăваш сăмахăсен кĕнеки. Вып. 1—17. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928—1950.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. 2. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. 1328 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М.: Русский язык, 1978—1980.

Дмитриева Л.В. Названия растений в тюркских и других алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 151—223.

Дмитриева Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений. Дебрецен, 2001. 211 с.

Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.

Корнилов Г.Е. Евразийские лексические параллели. Чебоксары, 1973.

- Мусаев Ю.М.* Лексикология тюркских языков. М.: Наука, 1984.
Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1980. 159 с.
- Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. СПб., 1893—1911.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964—1973.
- Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Чебоксары, 1996. Т. 1. 470 с. Т. 2. 509 с.
- Чăвашла-вырăсла словарь = Чувашско-русский словарь / М.И. Скворцов редакциленĕ. М.: Русский язык, 1982. 712 с.
- Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

ХУРАМА ВЯЗ

Хурама «вяз» — лиственное дерево, обычно высокое, растет в широколиственных и смешанных лесах, встречается разных видов.

Издревле древесина *хурама* использовалась в хозяйственных целях, из нее делали полозья, ободья, части для машин. Свидетельством тому служат следующие **словосочетания**: *хурама пёкё* «дуга из вяза»; *хурама пушăчĕ* «вязовое лыко»; *суна хурами* «вязки у саней»; *урапа хурами* «вязки у телеги» (гибкие прутья, которыми связывают копылья); отсюда **производные**: *хурамала* «надевать вязки» (на сани, телегу); *хурамалăх* «вязовый лес; лес, обильный вязом».

У чувашей есть поверье: *Хураман юман лартнă сын йывăссем хай майĕ пысăкăш пулсан вилет тет* «Тот, кто посадит вяз или дуб, умрет, когда эти деревья станут толщиной в его шею». Аналогичное поверье существует у русских, но у них плохой приметой считалось сажать вербу. Говорили: *Кто вербу сажает, сам себе заступ готовит* (т.е. умрет, когда из этой вербы можно сделать заступ, лопату (деревянную)).

Тот же мотив содержится в следующем изречении: *Пусма вĕçне хурама лартрăм, тухмассерен хурлантарчĕ, куна пĕлнĕ пулсассан тавну касса пăрахмаллачĕ* «У крыльца посадил я вяз, оттого потерял покой, если бы знал это, то давно бы его срубил».

Хураман шуйттан шăлĕ кĕнĕ теççĕ, хурама пушăч çăпатипе кĕлле кайма юрамасть [Ашмарин, XVI, с. 214] «Говорят, что в вязе находится зуб нечистой силы, в лаптях из вяза нельзя ходить на моление».

Раньше чувашаи думали, что в кузове из вяза живет идол, истукан (языческий бог), поэтому этот кузов хранили в амбаре.

Чуваши в старину молились киреметю, местом для мольбищ избирали одиноко стоящий в поле вяз, отсюда название *киремет хурами* (вяз киреметя).

В топонимике сохранились названия населенных пунктов, в которых есть компонент *хурама*: *Хурамакасси* — название деревни; *Хурамал* — название села Хорамалы (Ибресинский район); *Кивё Хурамал*, *Сёнё Хурамал* и т.д. Видимо, *Кармалы*, *Карамалькасы* тоже связаны с названием *хурама* «вяз» (т.е. Вязовые).

Этимология. М.Р. Федотов поддержал мнение В.Г. Егорова о том, что слово *хурама* состоит из *хура* (в переводе с чув. «чёрный») + *мас* (якут. *мас* «дерево»), но в чув., тат., башк. конечное *с* выпало; ср.: уйг. *карабач*, азерб. *гарабач* «вяз», букв. «черное дерево» [Егоров, 1964, с. 307; Федотов, II, 1996, с. 364—365].

Ю. Дмитриева считает данное слово чисто региональным, поскольку оно фигурирует только в чув. *хурама*, диал. *хорама*, тат., башк. *карама*, к. калп. *караман* «твердое дерево, похожее на дуб». По мнению исследователя, чувашское *хурама* восходит к кыпчакскому *карама*.

Поволжско-тюркское *карама* проникло в некоторые финно-угорские, калмыцкий, осетинский языки, ср.: манс. *карам* «вяз»; хант. *харамтэ* «вязки саней»; удм. *куромто* «вязка» < тат., калм. *хармог модн* «сибирский карликовый вяз»; осет. *харман* «вяз». В отношении каракалпакских и осетинских данных автор предполагает, что конечный *п* в них — какой-то аффикс, и сомневается по поводу высказанных мнений М. Рясненна и В.Г. Егорова (*кара* «черный» + *мас* «дерево») «выпадение конечного *с* крайне сомнительно» [Дмитриева Ю., с. 35—36].

Ни в чувашской народной поэзии, ни в художественной литературе на *хурама* «вяз» не выявлено положительной коннотации.

В балладе М. Федорова «Арсури» (Леший) данное дерево выступает как предмет, внушающий всеобъемлющий, сковывающий страх:

— *Хура лаша, ан хартлат,*
Хурамаран ма хэран?

«— Не фыркай, гнедая лошадь,
Почему пугаешься вяза?»

Чуваши издревле древесину вяза использовали в хозяйственных целях, так как она крепкая, твердая, вязкая, хорошо поддается гнутью. М. Федоров подчеркивает и эту особенность:

Хурянциурта хурама
Туря үстернё туратсёр,
Турта тума вёл юрать.

«Вязину в Хорншуре
Бог вырастил без сучьев,
Она пригодна для оглобли».

Вот еще один пример народной песни, где использован образ вяза [Мошков, 2011, с. 129]:

ках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 151—223.

Дмитриева Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений. Дебрецен, 2001. 211 с.

Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.

Мошков В.А. Мелодии Волго-Камья. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. 366 с.

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Чебоксары, 1996. Т. 1. 470 с. Т. 2. 509 с.

ХУРЎН БЕРЁЗА

ХурЎн «берёза» — лиственное дерево с белой корой. На территории России принадлежит к числу наиболее распространенных древесных пород: березовые леса занимают в России третье место по площади. Молодые березняки обычно очень густые, но со временем редуют. Под пологом берез набирают силы молодые елочки. По этой причине спустя годы березовые леса сменяются ельником. Теневыносливая ель вытесняет светолюбивую березу.

Кора березы, которую называют берестой, долго сохраняется и не гниет. Благодаря этому до наших дней дошли древнерусские берестяные грамоты.

ХурЎн «берёза» занимает важное место в культуре чувашей. Значительное количество слов и названий имеет корень *хурЎн*. В «Чувашско-русском словаре» зафиксированы следующие **производные**: *хурЎнлӑх*, *хурЎнсар* «березняк», «берёзовый лес».

Приведены следующие **словосочетания**: *ама хурЎн* «берёза с серёжками»; *хурЎн вӑрманӗ* «березняк»; *хурЎн кӑчки* «серёжки берёзы»; *хурЎн хуппи* «береста»; *хурЎн шывӗ* «берёзовый сок»; *хурЎн кӑмпи* «подберёзовик»; *хурЎн пуслӑ ҫӗлен* «уж»; *хурЎн ҫырли* «земляника»; *хурЎн милке* «берёзовый веник».

Топонимы. В словаре Н.И. Ашмарина приведены названия селений и деревень с компонентом *хурЎн*: *ХурЎнайкасси*, *ХурЎн Улхаиш*, *ХурЎн Кӑкшӑм*, *ХурЎн Олкаш*, *ХурЎнсур Ҫармӑс*, *ХурЎнлӑ Чӑкар*, *ХурЎнвар*, *ХурЎнкасси*.

В языческих молитвах встречается в названии божества (*Йывӑҫлӑ ХурЎн турри*); киремети (*Малти ХурЎнсур киремечӗ*).

ХурЎн имеется в сочетании *ХурЎн(лӑ) ҫул* — «название Казанского тракта»; *Хусантан тухакан мӑн ҫолӗ те ик айккипе хорЎнлӑх* «По обеим сторонам Казанского тракта берёзы». С Казанским (Берёзовым) трактом связаны многие предания. Вот некоторые из них:

1. *Тахсан авал Кётерне патша Чурнай ялĕ патĕнчен Хусана кайна. Сулсем япăх пулна. Ана шăрăх пулна тет. Вара Кётерне патша ку сулаĕн икĕ енĕпе те хурăнсем лартма хушна. Вара сул хёррине хурăнна çака лартса кайна. Халĕ хурăнсем пĕтнĕ. Çавăнтан вара çав сула Хурăнла сул теме пусланă* [ЧХС, VI т., 2-мĕш пайĕ, 1987, с. 341] «Давным-давно императрица Екатерина II по пути в Казань проезжала мимо деревни Чурнай. Дороги были плохие. Говорят, было жарко. Тогда Екатерина II приказала посадить берёзы по обеим сторонам дороги. Посадили берёзы и липы. Сейчас берёз не стало. С тех пор эту дорогу называют Берёзовым трактом».

2. *Кĕлçырма ялĕ çумĕпе Хурăнла сул иртсе кайна. Ана Кётерин патша тутарна. Ку сул Чулхуларан Хусана çитиччен Çĕпĕрелле тăсăлна. Сул ик енне хурăнсене икшер рет лартна. Вăл сулла ристансене илсе çуренĕ...*

Дворикра постоянный двор пулна тет. Ун нек двор Мартынкасрата пулна. Ристансене çав сулла кунне сирĕм пилĕк сухрам уттарна (Там же. С. 342) «Березовый тракт проходил мимо деревни Кюлсирма. Он построен по воле Екатерины II. Эта дорога протянулась от Нижнего Новгорода до Казани и далее в Сибирь. По обеим сторонам тракта в два ряда были посажены берёзы... В двориках, говорят, был постоянный двор. Такой же двор был и в Мартынкино. Арестантов вели по этому тракту ежедневно по 25 верст».

С названием *хурăн* «берёза» связаны различные **поверья**: *Пёчик хурăна ватă çынсем лартаççĕ, çамрăк çынсен лартма юрамасть тет, мĕншĕн тесен хурăнĕ лартакан майĕ нек ўссе ситсен лартаканни вилет тет* [Ашмарин, XVI, с. 221] «Маленькую берёзу сажают старики, молодым не разрешается сажать, ибо, когда берёза станет толщиной в шею сажающего, посадивший умрёт». Тот же смысл содержится в тексте словарной статьи *юман* «дуб»: *Пёр-пёр сын юман ўстере пуслан унăн лартна юманĕ майĕ хула мĕш пулан хуши вилет теççĕ* [Ашмарин, IV, с. 322].

Тĕлĕкре хурăн кассан хĕрарăм вилет тет. «Если (во сне) срубить берёзу, то умрёт женщина». *Ваттисем хурăнран нихсан та туя тумасçĕ* «Старики никогда из берёзы не делают посох». *Хурăн хуллие вьльăха çапмасçĕ. Вьльăхĕ хĕсĕр пулат, ёрчмест теççĕ* «Нельзя хлестать скотину берёзовыми прутьями. Говорят, скот не будет плодиться».

Из коры берёзы чувашаи изготавливали посуду и домашнюю утварь. Также ее считали деревом киреметей, а на северных территориях Чувашии — и жертвенным деревом (*чўк йывăçĕ*). У подножия этого дерева сбрасывали кости животных и золу сожженных костей [Месарош, 2000, с. 97].

В загадке: *Хур'ан хулли хумханать, хура хурт пустар'анать* (ш'а-п'арпа ш'ални) «Берёзовые ветки колышутся, чёрные жучки собираются» (подметание метлой).

Этимология. В.Г. Егоров и М.Р. Федотов ограничились приведением параллелей из других тюркских языков: уйг. *кейин*, узб. *кайин*, кирг., казах. *кайын*, ног., башк., тур. *кайын*, туркм. *гайын*, тат. *каен*, шор. *казың*, тув. *хадын*, якут. *хатын*; ср. монг. *хус(ан)*, бур., монг. *хусун* [Егоров, 1964, с. 308].

По мнению Ю. Дмитриевой, «название березы в тюркских языках как по происхождению, так и по распространению исконное, его без сомнения можно отнести к пратюркизмам. Его архетипом можно считать **qadīn*» [Дмитриева Ю., 2001, с. 30]. Автор отмечает отражение межтюркского соответствия интервокальных согласных *d-t-δ-z-y-r*, что в чувашском даёт *r*, в якутском *t*, в остальных тюркских языках *y*. Со ссылкой на Л.В. Дмитриеву автор указывает, что основа в этом слове *qad* // *qaz* <**kad* «нечто отделяемое ~ отдираемое (от дерева)» + *-iz* — архаичный показатель множественного числа, возможно, отымённый аффикс с уменьшительным значением. Нам кажется, что вторая точка зрения ближе к истине.

Ю. Дмитриева поддерживает точку зрения Л.С. Левитской, которая видит этимологическую связь между *qadīn* «берёза» и *qadiz* «кора» [Дмитриева Ю., 2001, с. 30—31].

По мнению Р.Г. Ахметьянова, тат. *каен* — общетюрк. *кайын* возводится к *кадың* < *карг-аң* «берёза», что оно образовалось от древнего общетюркского корня-основы **нарғ* со значением «береста» [Ахметьянов, 2001, с. 85].

В фольклоре, текстах стихотворений хур'ан «берёза» — олицетворение женщины, матери, девушки.

*Уй варринче лаитра хур'ан,
Анне тесе ай кайр'ам та...*

«Посреди поля развесистая берёза,
Приняв за мать, я пошёл к ней...».

Стан девушки сравнивается с белой берёзой: *хёрсен кёлетки-сур'амё шур хур'ан'ан туй'анать* «стан девушки кажется белой берёзой». *Шан-шур хур'ансем хёр упрас некех вылянтараçсё п'уне, пит-кусне* [Ашмарин, XVI, с. 221] «Белые-пребелые берёзы своим станом, лицом заигрывают, как девицы».

В фольклоре (в моленьях) встречается выражение *хур'ансур кассисем* ~ *хур'аншур кассисем*: *Тёпелти хур'ансурсем, кёске йём пёçсисем. Хур'ансур'ан кассисем, тёрлө минтер с'инчисем!* Из обращения к женщинам во время обряда «сав'аш курки» [Ашмарин, XVI, с. 223].

В словаре Н.И. Ашмарина встречается переименованный вариант: *хур'ан шуркассисем* (Там же. С. 225).

У марийцев берёза — объект поклонения, олицетворение плодородия и женского начала. Она также считалась любимым деревом божеств. Символической связью с загробным миром является обычай посадки берёзы на могиле умершего. Берёза также является символом красоты, нежности и стройности невесты. Берёзовые веники используются для избавления от нечистой силы, а для поддержания красоты девушки умывались берёзовым соком [Тойдыбекова, 2007, с. 139].

В русском языке (и в славянских) слово *берёза* индоевропейского происхождения: лит. *bēržas*, латыш. *bērzs*, др.-исл. *bjork*, др.-в.-нем. *birka*, «берёза». Общеслав. **berza* < *u ~ e bheræg*, — суффиксальное производное от **bher* — «светлый, ясный», образованного от того же корня (*bhe*), что и белый. Дерево названо по белому цвету коры [Шанский, Иванов, Шанская, 1971, с. 42].

Этимология. Название берёзы обнаруживает исключительную древность, но оно же характеризуется и редкой ясностью этимологии, поскольку, бесспорно, произведено от основы со значением «блеск, свет, белый цвет». Несмотря на более или менее решительно выраженный скепсис отдельных учёных, сюда же принадлежит лат. *frāxinus* «ясень», ср. тадж. *burz* «арча», памирские формы *furz* «берёза», исчезновение древнего значения и перенос на «ясень» в Италии объясняется тем, что берёза не произрастает в естественном состоянии на юге Европы. Принимая во внимание этимологию («светлый, белый»), мы видим в этом слове первоначальное прилагательное. След этого древнего употребления сохранился в архаическом болгарском диалекте: *брыз* прилагательное со значением «в белых пятнах» (о буйволе), сербохорв. *бреза* сущ. ж.р. — о домашних животных, у которых шкура белая с красными пятнами [ЭССЯ, I, с. 201—203]. Как и некоторые ученые, мы сомневаемся в достоверности этимологии слова *берёза*, некоторые исследователи видят здесь неясность в форме и семантике [ЭССЯ, I, с. 202]. Название дерева берёза представляет собой классический случай в древней ботанической лексике, когда, во-первых, все славянские формы (укр. *береза*, болг. *бреза*, сербохорв. *бреза*, словен. *breza* и т.д.), обладающие одним и тем же значением «*Betula alba*», восходят к праслав. **breza*, не поддающемуся этимологическому анализу на славянской почве, во-вторых, реконструированное праслав. **breza* восходит к индоевропейскому **bherəgos*, **bherəga*... Весьма сомнительно.

Ср. *berka* — название разновидности рябины до сих пор не получило убедительной этимологии: словен. *berka* м.р., растение *Sorbus*,

Sorbus aria; н.-луж. диал. *break* «боярышник кленолистный», рус. *берёзка* ж.р. «*Sorbus torminalis*», укр. *берёка* «растение *Pyrus torminalis*». Типологически наиболее вероятно было бы членить слово как *ber-k-a*, образование с *-k-* суффиксальное, видимо, оформившееся, как другие такие производные, уже в собственно славянский период. Видеть в праслав. **berk* производное от индоевроп. *bher* с *-k-* расширением как некий аналог к названию берёзы — сомнительно, ибо ни боярышник, ни рябина не имеют светлую кору [ЭССЯ, I, с. 194]; ср. *brekovec* «берёзка» *Sorbus torminalis*, в.-луж. *brekowc* м.р. «тутовое дерево» (Там же).

Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов не внесли ничего существенного в этимологию слова «берёза»: дерево названо по характерному цвету коры [Гамкрелидзе, Иванов, II, с. 620].

По данным словаря В. Даля, **производными** являются: *березник* (*березняк, березуга*) — чистый берёзовый лес, роща // берёзовый холм, хворост, сушняк; гриб, подгреб; *берёзовка, березуха* — водка, настоянная на берёзовых почках или через них перегнанная; *берёзовица, берёзица, березовник, берёзовка* — нацеживаемый весной берёзовый сок, который, перебродив, образует сладковатый напиток; *березозол, березозол* — месяц март или апрель (стар.).

Поговорки, связанные со словом *берёза*: *Берёза, как ответ свахе, — согласие; сосна, ель, дуб — отказ. Берёза не угроза, где стоит, там и шумит. Берёза ума даёт* (о розгах). *Сотворил Бог дурака, сотворил и берёзу, и чилигу. Коли берёза поперёд распускается, то жди сухого лета, а коли ольха — мокрого.*

Услан берёзку считать, т.е. сослан в Сибирь по большой дороге (ср.: чув. *Хурӑнӑй сӑл* — Берёзовый (Казанский) тракт, по которому гнали каторжников в Сибирь) [Даль, I, с. 83].

В русском предании «Берёза и тополь» повествуется о превращении женщины в берёзу и мужчины в тополя.

Женился парень на красавице, которую любил всем сердцем, и жил с нею счастливо, а мать сноху возненавидела и хотела во что бы то ни стало сжить ее со свету. Вот зазвала она раз к себе молодых на угощение и налила им в чарки зелена вина, только никто не заметил, что из разных кувшинов наливала: сыну — вина чистого, а молодой жене — со злыми зельями ядовитыми. Но у молодых было в обычае меняться чарками — вот они и принялись друг друга потчевать. Все в жизни пополам они делили — разделили и смерть.

Рвала мать на себе волосы, а поздно. Осталось ей только похоронить их подальше друг от друга: сына перед церковью, а невестку позади церкви. В ту же ночь из могилы мужа тополь, а из могилы

жены березка выросла, и сплелись они ветвями, да так, что не рубить, не разорвать. Хотела мать срубить деревья, да люди не дали. А береза да тополь в том селе и по сию пору растут [Грушко, Медведев, 2008, с. 170].

Славяне и берёзу (наравне с дубом) иногда считали главным мировым деревом, а порою всей земли, о чем говорится в старинном заговоре: «На море, на океане, на острове Буяне стоит белая берёза вниз ветвями, вверх кореньями...»

Чтили в сем дереве и женского духа Берёзу, покровительницу юных дев [Грушко, Медведев, 2008, с. 171]. Во время весеннего праздника Семик, когда в селение вносили растущее дерево, девушки надевали березовые венки.

При рождении девочки у славян было принято сажать берёзу или сосну. Так как берёза считалась женским деревом, ее почитали как символ берегинь, русалок. Белые стволы берёз ассоциировались с солнцем, светом, чистотой и счастьем. Славяне верили, что сила этого дерева способна впитать в себя любую болезнь, отведя ее от человека. Кроме того, помимо удачи и счастья она могла навести беду. В Полесье, например, верили, что берёзы, посаженные близко к дому, вызывают женские болезни [Левкиевская, 2003, с. 171].

Сравнения:

— *белый как береза* — о цвете гриба (Брян.);

— *бледнеть / побледнеть как белая береза* — о сильно побледневшем человеке;

— *как береза скрипеть* — о том, кто все время болеет, хворает;

— *стройный как береза* — о стройном, подтянутом человеке, чаще женщине;

— *хоть белая береза не расти* — о чьем-либо равнодушии, о безразличном отношении к чему-либо, кому-либо < связано с культом растительной силы земли;

— *березой распусться* — о ставшем очень приветливым, ласковым и улыбчивым человеке;

— *вертеться как береза на огне* — жить в постоянных заботах, хлопотах;

— *стройная как береза* — о стройной, грациозной молодой девушке;

— *как сорока на березе* — о женщине, которая не вышла замуж, осталась одинокой;

— *встать березкой* — встать вверх ногами;

— *поставить березкой* — поставить кого-либо вверх ногами;

— *зубы как березник* — о чьих-либо белых, здоровых зубах;

— *как чурка березовая с глазами* — о тупом, ограниченном человеке;

— *глухой как пень, дурной как пень березовый, молчать как пень березовый* — об абсолютно глухом, непонятливом из-за глухоты человеке;

— *сердце трепещет как березовый лист* — о чем-либо сильном волнении, радости, страхе.

ЛИТЕРАТУРА

Ахметьянов Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Тат. кн. изд-во, 2001. 272 с. На тат. яз.

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка = Чăваш сĕмахĕсен кĕнеки. Вып. 1—17. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928—1950.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. 2. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. 1328 с.

Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Русские легенды и предания. М.: Эксмо, 2008. 208 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М.: Русский язык, 1978—1980.

Дмитриева Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений. Дебrecен, 2001. 211 с.

Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.

Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М.: Астрель, 2003. 528 с.

Месарош Д. Памятники старой чувашской веры. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. 360 с.

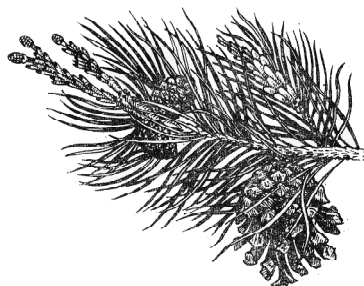
Тойдыбекова Л.С. Марийская мифология. Йошкар-Ола, 2007. 312 с.

Чăваш халăх сĕмахлăхĕ: Мифсемпе халапсем. VI т. 2-мĕш пайĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1987. 443 с.

Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1—34. М.: Наука, 1974—2002.

ХЫР СОСНА

Хыр «сосна». Трудно оценить ту пользу, которое это растение приносит человеку. Сосна обыкновенная занимает второе место после дуба в строительном деле. Она шла на постройки жилых домов, речных и морских судов. Позднее древесину сосны стали применять для строительства промышленных зданий, железнодорожных вагонов, делали из нее шпалы, различные перекрытия, столбы для линий связи и пр. Многие деревянные детали до сих пор делаются из сосны. Идет она в большом количестве и в переработку на бумагу. Велико значение и ее смолы, из которой добывают деготь, скипидар, канифоль и др. Сосну сибирскую, или кедр, называют деревом-комбинатом: из ее древесины изготавливают мебель, музыкальные инструменты, дубильные вещества из коры — при производстве кожи, из хвои получают витаминную муку для животных, а ее орешки очень полезны и питательны.

Северное дерево, семена которого у нас называют кедровыми орешками, на самом деле — сосна сибирская. Настоящий кедр — дерево южное и в России растет только в условиях, специально созданных человеком.

Все сосняки являются местами сбора грибов, ягод и охотничьими угодьями. На крутых горных склонах они имеют водоохранное и противоэрозионное значение (ср. «на севере диком стоит одиноко на голой вершине сосна»). Сосна очень хорошо растет в культуре и особенно много посадок ее производится на песках, бедных песчаных почвах, где она развивается лучше других древесных пород и является, кроме того, прекрасным закрепителем песков [Семенова-Тян-Шанская, 1986, с. 22—25].

Хыр «сосна» в чувашском (тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках) — вечнозеленое хвойное дерево с длинными иглами и округлыми шишками.

Фонетический вариант: *хырай*.

Дериваты: *хырлӑх, хырайӑх* «сосняк», «сосновый лес»; *хырсор* (*хырсур*) «тж»; *хырай* «волнушка» (назв. гриба).

Словосочетания: *хыр вӑрманӗ* «сосновый лес, бор»; *хыр йӗкелӗ* (*йӗкелли*) «сосновая шишка»; *хыр лӑсси* «хвоя сосны»; *хыр хӑма* «сосновая доска»; *хыр кучӗ* «комель сосны»; *хыр кӑмпи* «волнушка»; *хыр кӑрӑсӗ* «рыжик» (назв. гриба).

Топонимические названия: *Хырайӗ* — название поля около села Персирланы; *Хырай кӗлли* — название озера; *Хыротти вар* — название оврага у д. Верхние Мочары; *Хыр картиш* — название поля около д. Лапракасы; *Хыркасси* — название селений; *Мӑн Хыркасси* — название селения; *Хырлӑ ҫот* — название поля около села Персирланы (там были сосны); *Хырлӑ тӗме* — название возвышенности; *Хырлӑ шор* — название леса; *Хырлӑ кӗл* — название озера; *Хырайӑлла вар* — название урочища; *Хырайӑх* — название деревни; *Хырсор* — название леса около д. Елжихово [Ашмарин, XVI, с. 95].

Семантический дериват: *хырӑ* «сосна» → «пихта».

Этимология слова *хыр* «сосна». В.Г. Егоров довольствовался приведением параллелей из родственных языков: тув. *хады*, хак. *хара, хазы* «сосна», якут. *хырийа* [Егоров, 1964, с. 314]. Почти то же самое приведено М.Р. Федотовым, но с добавлением: тув. *хадылыг* «сосновый», *хадылыг арыг* «сосновый бор»; якут. *харыйа* «ель» (> эвенк. *карийа* «ель», последнее со ссылкой на ТМС, I, с. 38) [Федотов, II, с. 381]. Мнение И. Бенцинга, что чув. *хыр, хырай* имеет финно-угорское происхождение, М.Р. Федотов считает несостоятельным, так как удм. *кыз*, морд. *куз*, фин. *киийси* «ель» стоят отдельно, поэтому нет оснований искать здесь переход финно-угорского -з > чув. -р [Федотов, II, с. 506].

Ю. Дмитриева указывает, что у чув. *хыр* имеются уральские соответствия: фин. *киуси*, лапл. *guossa*, морд. *куз*, мар. *кож*, удм. *кыз*, коми *коз*, манс. *кавт*, хант. *хут* «ель», нен. *хаади* < протоурал. **kowese* [Проблемы исторической лексикологии ... , с. 28].

Автор отмечает, что значение финно-угорских слов не «сосна», а «ель». Чувашское *хырай* вместе с тувинским, тофаларским и якутским соответствиями восходит к пратюркской **кади*, что в свою очередь, является заимствованием из прасамодийского языка. Так как заимствование самодийской формы осуществлялось не в древнечувашском, а в пратюркском, еще до распада пратюркской общности на огурскую и огузскую ветви, чувашское слово представляет собой закономерный рефлекс пратюркского. Пратюркско-прасамодийские контакты предположительно осуществлялись до начала новой эры в Саяно-Алтайском регионе. Со ссылкой на работу А. Рона-

Таша автор указывает, что не чув. *хырай*, а пратюрк. **kadī* является заимствованием из уральских, в частности из прасамодийского языка. Ю. Дмитриева считает ошибочным мнение Б. Шернера о том, что волжские булгары в качестве новопришельцев на Волго-Камье заимствовали это слово от давно поселившихся там финно-угорских народов. По мнению Б. Шернера, булгары на Волго-Камье поселились только в VII—VIII вв., и звукопереход **z > r* должен был произойти позже. Ю. Дмитриева полагает, что в случае *χīrā ~ χadī* речь идет не о соответствии *r ~ z*, а о *d > z > r*. В чувашском языке имело место замещение более раннего *z* через *r* [Дмитриева Ю., 2001, с. 39].

В тюркских языках, по данным Л.В. Дмитриевой, название сосны передается разными словами: др.-тюрк. *tivdar* < [скр. *devadāru* «сорт сосны»]; узб. XVI в. *санаубар* < [иран. *саноубар* «ель»: «сосна»; алт., башк., казах., к. калп., узб. *қарагай* «сосна»; тат. бараб. *қарағай* «сосна», «кедр»; иран. *карагай* «сосна» < тюрк. *қарағай* «сосна»; тат. *нарат* < мо; якут. *бэс*; ср. башк. *бешә* «сосняк»; иран. *бише* «лес»; чув. *яхтә* < мар. *якте* «сосна»; тур. *çat* < арм. *шаме* «свеча»]; в монгольских языках: п.-монг. *parasu(n)*, монг. *нарс(ан)*, бурят. *нарһа(н)*; калм. *šar харүә ~ šar харүг* «сосна», «пихта»; тунг.-маньчж., эвенк. *šагда* «сосна»; эвенк. *нәнть* «сосна, пихта, ель, кедр», ороц. *ваңта* «сосна, пихта» [Дмитриева Л., 1972, с. 205]. В чувашском языке синонимами слова *хыр* (*хырай*) являются *нарат*, *яхтә*.

В фольклоре: *Хура вәрман хысёнче пуртә витмен хырам пур* «За дремучим лесом есть не поддающаяся топору сосна (моя)». *Хырамьсем хыр сичне ула-ула ларассё* «Животы на сосне сидят, воют». *Хырамьсем хыр тәрринче ларассё* «Животы на верхушке сосны сидят» (говорят, когда одолевает голод). *Вырәсла та ханха ай хәмисем — пур-те ватә хыр ай варрисем, пирён колхоз ёски ай сикисем — пурте ватә хуртән пылёмем* [Ашмарин, XVI, с. 94] «Доски ворот на русский лад — все из середины старой сосны, угощения наших колхозных праздников — все это благодаря стараниям старой пчелы». *Хыр шулчи тәкәнсан сана качча пырәп* [Ашмарин, XVI, с. 95] «Когда опадет хвоя у сосны, тогда и выйду за тебя замуж».

Имеется интересное чувашское предание о том, почему сосна и ель не сбрасывают свои иголки зимой:

Сўлти Турә сынсене яланах ыра тума тәрәшнә. Вәл вёсене яланах пулайша пынә. Сакна вара шуйттансем юратман. Пёррехинче айна вёлерме шут тытнә. Ах, хәвалассё тет. Турри тарать. Кёсех ку вәрмана кёрсе каять. Пёр йывақ та айна хутёмемест. Турә ним тума аптәрать. Чәрәшпа хыр айне пытанса юлать тет. Турә ытти йывақсене сакәшнән касарман. Кёркунне ситсен йывақсен сұлсисем кашни сулах

тәкәннә. Хырна чәрайш ёмәрәпех сип-симёс ларнә [Мифсем... 2004, с. 112] «Верховный Бог всегда старался делать людям добро. Он всегда помогал им. Это не нравилось чертям. Однажды они решили его убить. И погнались за ним. Бог убегает. Вскоре забегает в лес. Однако ни одно дерево его не берет под свою защиту. Бог не знает, что ему делать. Он спасся, прячась под сосной и елью. Бог не простил этого другим деревьям. Как только наступает осень, каждый год листва у деревьев опадает. Только сосна с елью вечно остаются зелеными».

Нарат «сосна». Слово это в значении «сосна» встречается только в загадках, сосна называется *хыра*, реже — *яхта*. *Нарат, нарат синче турат, турат синче йәви, йәви синче сямарти (пәрса). Кавлем, кавлем, кавлем синче нарат, нарат синче кўлли, кўлли хысёнче хәвал-ләх, хәва синче хура вәрман (сын пусё)* [Ашмарин, IX, с. 9; VI, с. 19].

Фонетический вариант: *нарт* «сосна»: *Нарт, нарт синче турат* (хәмла) [Ашмарин, IX, с. 11]. Чув.*нарат* — *нарт* даны как диалектные и имеют следующие соответствия: тат. *нарат* (а также *нарад*); к.-балк. *нарат*; кумык. *нарат терек* «сосна», *телинарат* «ель»; монг. *нарат* (мн. ч. от *нарасун*); бурят. *наркан* [Проблемы исторической лексикологии... , с. 29].

Этимология. По мнению Ю. Дмитриевой, тюркские формы восходят к монгольскому прототипу, чув. *нарат* непосредственно заимствовано из татарского, тат. *наратбаш* «хвощ» и составное название *нарат элне* «хвощ» содержат в себе это же слово (Там же).

В татарском языке имеются словосочетания: *нарат гәмбәсе* «боровик» (гриб); *нарат урманы* «сосновый бор, сосняк»; *нарат чыпыгы* «пеночка» (птичка); *нарат жылгә* «брусника».

Р.Г. Ахметьянов пишет следующее: «...*нарат* «сосна» — монг. *теленэн булса кирәк*, тат., чув., башк., к.-балк., кумык., ног. *нарат*, якут. *нурат* «сосна, ель» *күпчелек төрки телләргә билгеле түгел, аның каравы монгол телләрэндә киң таралган*, бурят. *нархум, нарасун, нарахунь*, монг. *нарас сун, нара-т-сун* «нарат, чыршы». Ср. монг. *нара-н* «коча (солнце), *алсу* (розовый), *кызыл* (красный)» [Ахметьянов, 2001, с. 149].

Яхта «сосна». Согласно данным словаря Н.И. Ашмарина, сосна и осина растут только на севере (*Сурсёр енче йывәссенчен яхтапа йвәс анчах үсет*). Подчеркивается стройность *яхта* (*Ман хысра пёр виç утәмра нысак яхта*). Приведена скороговорка: *Сўлте Турә, сёрте патша, яхтасерен пакша, арамсерен [...]* [Ашмарин, IV, с. 252].

В.Г. Егоров, считая *яхта* диалектным словом, источником заимствования называет мар. *якте* «сосна» [Егоров, 1964, с. 355].

М.Р. Федотов тоже считает его марийским заимствованием: *яхтă* «сосна» = *хырă* < мар.Л. *якте*, мар.Г. *йăкты* «сосна»; удм., коми *яг* : *пужым як* «сосновый бор», хант. *јауэт*, *јутэт* «бор». Тут же автор приводит мнение М. Рясненена, который указывает на этимологическую связь чув. *яхтă* (< мар.) с якут. *žagta*, *žaytu*, *čagta*, *čayda* «сосновый лес, сосняк» < тунг. *ḍaqda* «сосна» [Федотов, II, 1996, с. 505—506].

В словаре Н.И. Ашмарина: *йахта* (*яхта* с *-а* в конце) «стройный, длинный». *Йахта хыр*, *йахта йăмра* «стройная сосна, стройная ветла». В том же значении («стройный, как свеча») обычно говорят про стройное дерево на корню, преимущественно — о молодой сосне, а также про срубленное дерево, очищенное от сучьев), употребляется и *яхтă* — молодая сосна, а *хырă* — старая [Ашмарин, V, с. 409]. Ю. Дмитриева отмечает, что *яхтă* в чувашском — диалектное слово. По замечанию Н.И. Ашмарина, «оно больше всего распространено в низовом диалекте чувашского языка, но зафиксировано и на прилегающих к Марийской республике северо-западных чувашезычных территориях» (Там же).

Соответствия слова *яхтă* в других тюркских языках не встречаются, есть они в марийском языке: мар.Г. *йăкты* «сосна», мар.Л. *якте* «сосна». Возникали и возникают определенные трудности в связи с происхождением марийского слова, ибо конечное *-те* в марийском слове не воспринимается как аффикс. Не исключено, что в образовании марийского и чувашского слов (*якте*, *яхтă*) определенную роль сыграло слово *яхта*, встречающееся в русском языке с XVII в. и заимствованное из английского. Яхтой вполне могли называть стройные высокие сосны, используемые в кораблестроении [Дмитриева Ю., 2001, с. 40] (высокие ели, достигающие неба, служили в гомеровской Греции материалом для кораблестроения, слово *ель* в древнегреческом бытовало и в значении «весло» [Гамкрелидзе, Иванов, II, 1984, с. 634], а также иранские названия ели и сосны связаны в конечном счете с общеиндоевропейским названием ладьи (большой лодки) **nāi-*: др.-инд. *nāu-h* «судно, ладья» (Там же. С. 634).

В. Даль дает такие производные от корня слова *сосна*. Одно сосновое дерево: *соснина*, *сосенка*, *соснинка*.

Дериваты: *сосняк* (диал. *сосонье*, *сосенник*); «сосновый лес»; *сосновка* 1) птичка пуночка; 2) подорожник; 3) водка, настоянная на сосновых иглах или шишках, ее пьют от ломоты; *соснянка* 1) сосновая смола; *сосновка* или *соснянка* — гриб, губа, растущая на сосновом пне; *сосной* — носастый жук.

По месту произрастания и по качеству древесины различают: сосну северную, красную, рудовую, стрижневую; арх. *хонга*, *конда* (она тверда и мелкослойна) и сосну мочажинную, болотную, мяндовую, мяндач, белую (рыхла, вяла и легко загнивает), боровую.

Пословицы и поговорки: *Сосна там красна, где выросла. Где сосна выросла, там она и красна. Сосна шумит со сна. Где сосна выросла, там и в дело пошла* (вариант: *где уродился, там и пригодился*).

Загадки: *Летом сосенка, зимой коровка* (конопля и сок). *Зимой и летом одним цветом* (сосна и ель). *Все капралы поскидали кафтаны, а один капрал не скинул кафтан* (сосна) [Даль, IV, с. 278].

Этимология. Слово *сосна* — общеславянское; чеш., польск., словац., н.-луж. *sasna*. Дерево, вероятно, названо по цвету коры (ср.: др.-прусс. *sasnis* — «заяц»; др.-в.-нем. *hasan* — «серый», нем. *Hase* — «заяц». Менее убедительно объяснение слова как производного с суф. *-сна-* от той же основы, что в др.-в.-нем. *saf* — «сок», лат. *sapa* — «сок» и т.д. (*psn* > *sn* в результате упрощения групп согласных), по которому *сосна* собственно — «смолистое (сочное) дерево» [Фасмер, III, с. 726—727].

Сравнения:

— *высокая как сосна* — о высокой и стройной девушке, женщине;

— *гореть как сосна смоляная* — о чем-л. горящем ярким пламенем;

— *здоровый как бордевая (бортевая) сосна* — о физически крепком, здоровом человеке, *бордевая (бортевая)* — большое сосновое дерево, борть;

— *как сосна в поле* — об абсолютно одиноком человеке, оставшемся без родных;

— *одинокая как сосна* — о вдове, одинокой женщине;

— *стройная как сосна* — о стройной, статной женщине;

— *высокий как сосенка* — о рослом, стройном юноше; ср. чеш. *vysoky jako sosna*;

— *гол как сосенка* — об абсолютно нищем, неимущем человеке;

— *ровна (пряма) как сосенка* — о стройной, изящной девушке;

— *в сосёнку* — о всякого рода узорах в виде линии, от которой по обе стороны отходят под углом короткие параллельные черточки;

— *грязи (на ком-л.) как коры на сосне* — о долго не мывшемся, грязном человеке.

Концепт «сосна» в стихотворении.

Русскому читателю известны переводы стихотворения Г. Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam...» Ф. Тютчевым, А. Фетом, А. Май-

ковым, М.Ю. Лермонтовым и др. Вот строки этого стихотворения в переводе Ф. Тютчева:

На севере мрачном,	Про юную пальму все снится ему,
на дикой скале,	Что в дальних пределах Востока
Кедр одинокий под снегом белеет,	Под пламенным небом,
И сладко заснул он в инистой мгле,	на знойном холму
И сон его вьюга лелеет.	Стоит и цветет, одинока.

Ф. Тютчев сохранил грамматическое противопоставление двух ключевых слов, используя русские соответствия *кедр* и *пальма*. Традиционно такое противопоставление языковых единиц по роду является основанием для разработки любовной тематики. Однако не все русские поэты следовали в этом плане прототипу. Обратимся к переводу с немецкого языка стихотворения М.Ю. Лермонтовым:

На севере диком стоит одиноко	И снится ей все,
На голой вершине сосна	что в пустыне далекой —
И дремлет, качаясь,	В том крае, где солнца восход,
и снегом сыпучим	Одна и грустна на утесе горячем
Одета, как ризой, она.	Прекрасная пальма растет.

Основное содержание стихотворения Г. Гейне составляет описание разлуки двух влюбленных, и это достигается за счет грамматической оппозиции по роду ключевых слов оригинала текста: *Ein Fichtenbaum* (м. р.) и *eine Palme* (ж. р.). В переводе М.Ю. Лермонтова снята грамматическая противопоставленность этих ключевых слов и тем самым нейтрализованы эстетические возможности грамматического рода в плане развития любовного сюжета между мужчиной (парнем) и женщиной (девушкой). В связи с этим Л.В. Щерба и В.В. Виноградов отмечали решительное изменение всей семантики стихотворения.

В статье «Опыты лингвистического толкования стихотворений Л.В. Щерба пишет: «...мужской род *Fichtenbaum* (а не *Fichte*) не случаен и... в своем противопоставлении женскому роду *Palme* он создает образ мужской неудовлетворенной любви к далекой, а потому недоступной женщине. Лермонтов женским родом сосны отнял у образа всю его любовную устремленность и превратил сильную мужскую любовь в прекраснодушные мечты». Далее автор делает обобщение, что сущность оригинала сводится к тому, что некий мужчина, скованный по рукам и ногам внешними обстоятельствами, стремится к недоступной для него женщине, находящейся, как и он, в тяжелом заточении. А смысл стихотворения в переводе М.Ю. Лермонтова состоит в том, что некий одинокий благодушно

мечтает о каком-то далеком, прекрасном и тоже одиноком существе. И если основной идеей немецкого прототипа следует считать трагическую идею роковой скованности, не дающей возможности соединиться любящим сердцам, то у Лермонтова мотив скованности человека отсутствует совершенно. Основную идею в его русском переводе составляют сладкие мечты о сказочном прекрасном «далеко». Другие версии (Н.М. Шанского и Ю.М. Лотмана) по поводу перевода приведены в книге Г.А. Хайрутдиновой «Эстетика морфологических средств русского языка» (Казань, 2001. С. 59—60).

ЛИТЕРАТУРА

Ахметьянов Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Тат. кн. изд-во, 2001. 272 с. На тат. яз.

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка = Чăваш сĕмахĕсен кĕнеки. Вып. 1—17. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928—1950.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. 2. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. 1328 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М.: Русский язык, 1978—1980.

Дмитриева Л.В. Названия растений в тюркских и других алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 151—223.

Дмитриева Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений. Дебрецен, 2001. 211 с.

Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.

Мифсем, легендăсем, халапсем. Шупашкар: ЧГИГН, 2004. 568 с.

Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1980. 159 с.

Семенова-Тян-Шанская А.М. Мир растений и люди. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1986. 173 с.

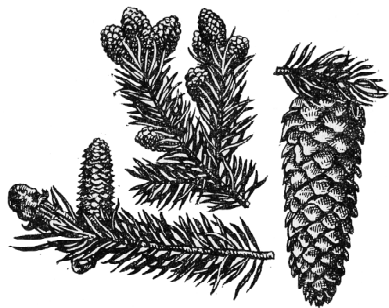
Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: в 2 т. Т. 1. Л.: Наука, 1975. Т. 2. Л.: Наука, 1977.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964—1973.

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Чебоксары, 1996. Т. 1. 470 с. Т. 2. 509 с.

Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку / Акад. наук СССР, отделение лит-ры и яз. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просвещ. РСФСР, 1957. С. 97—109.

ЧӀРӀШ ЕЛЬ

ЧӀрӀш «ель», «ёлка» — хвойное вечнозеленое дерево с кроной конусообразной формы.

Дериват: *чӀрӀшлӀх* «ельник, еловый лес».

Словосочетания: *лӀс чӀрӀш* «развесистая ель»; *пӀчӀк чӀрӀш* «ёлочка»; *чӀрӀш вӀрманӀ* «ельник»; *сенкер чӀрӀш* «голубая ель»; *чӀрӀш йӀкелӀ* (*йӀкелли*) «еловая шишка»; *чӀрӀш лӀсси* «еловая хвоя»; *чӀрӀш пура* «еловый сруб»; *чӀрӀш сӀтел* «еловый стол»; *чӀрӀш хӀма* «еловая доска»; *хунав чӀрӀшлӀх* «молодой ельник»; *чӀрӀш тӀрри* бот. «хвощ полевой»; *чӀрӀш куракӀ* «подбельник» (трава); *шур чӀрӀш* «пихта» [ЧРС, 1982, с. 585].

Диалектные варианты: *чӀрӀшӀ, чӀрӀш, чирӀш, чирӀш.*

Топонимы: *ПысӀк ЧӀрӀш, ПӀчӀк ЧӀрӀш, ЧӀрӀшкас МӀрат, ЧӀрӀш-касси, ЧӀрӀш СӀрма, ЧӀрӀш Туса, ЧӀрӀш Хирлеп, ЧӀрӀш ШӀнер (СӀнер)* [Ашмарин, XV, с. 274], возможно, сюда же относятся названия селений с компонентом *Чураш* (Там же).

Фольклор (по данным словаря Н.И. Ашмарина): *ЙӀмра вӀрӀм теетӀр, унтан вӀрӀм чӀрӀш пур* «Говорите, что ветла высокая, выше ее ель есть». *ЧӀрӀш кӀлет — сар кӀлет, тӀрри чӀнкӀ килӀшет* «Еловый амбар — желтый амбар, с крутизной крыша нравится». *ЧӀрӀш тӀрри силленет касма килет тиейсе* «Макушка ели колыхнется, видимо, ждет срубщиков». *ВӀрӀм чӀрӀш тӀрринче пӀрна-пӀрна кук автат* «На верхушке ели кукушка кукует изворачиваясь». *ЧӀрӀш кӀлет алӀкне витӀр сурса кӀрӀпӀр* «Пробьемся через еловые двери амбара, разломав на части» [Ашмарин, XV, с. 274—275].

Ой варринче вӀрӀм чӀрӀшӀ, вӀрӀм чӀрӀшӀра лӀш торат, лӀш торат-ра сар кокку; сарӀла-сарӀла вӀл атат, сӀа та полат перӀн инки [Ашмарин, VIII, с. 131] «Посреди поля высокая ель с развесистыми ветвями, на развесистых ветвях пестрая кукушка, изворачиваясь, она кукует, оттуда и будет наша невестка».

*Пирӳн вӳрман пит чипер:
Йӳвӳ уснӳ йывӳссем,
Питӳ вӳрӳм чӳрӳшсем,
Пӳхсан — сӳлӳк ӳкмелле,
Кассан — часах ӳкмелле.*

М. Федоров. Арсӳри

*Атте мана шур нӳрт лартса парас тетчӳ,
Йӳтем варринче чӳрӳш шӳтса ӳссессӳн.
Йӳтем варринче чӳрӳш шӳтса ӳсейрес сук,
Атте мана шур нӳрт лартса парӳйрас сук.
Ирӳксӳрех каяс пулать сӳн сӳре —
Сӳм вӳрманта чӳрӳш касса нӳрт лартма.
Сӳм вӳрманта чӳрӳш касса нӳрт лартсан
Пырас курӳр пирӳн пата, тӳвансем.*

[ЧПА, 1962, с. 24].

«Поговаривал отец, что мне поставит избу по-белому,
Когда посреди гумна вырастет ель.
Не бывать тому, что ель вырастет среди гумна,
А отцу не суждено ставить мне дом по-белому.
И поневоле мне придется уехать на новое место —
В дремучем лесу срубить ели и ставить дом.
Когда срублю в дремучем лесу ели и поставлю дом,
Приезжайте, родные, к нам в гости».

В песне поется о ели как строительном материале. Раньше все дома строили из дерева (ели, сосны, липы, дуба и др.).

Украшенная ель в помещении (или на улице) в праздник Нового года в чувашском языке называется *ӳлка* (заимствование из русского языка): *Сӳнӳ сӳл ӳлки* «новогодняя ӳлка»; *ӳлка теттисем* «ӳлочные игрушки»; *ӳлка илемлет* «нарядить ӳлку».

Этимология. Установленной этимологии слово *чӳрӳш* не имеет. В.Г. Егоров ограничился приведением параллелей из родственных языков: тат. *чыршы*, башк., ног. *шыршы*, казах., к. калп. *шырша* «ель», тат. *ак чыршы* «ель» [Егоров, 1964, с. 320]. Такие же параллели приведены и М.Р. Федотовым [Федотов, II, 1996, с. 404].

Ю. Дмитриева также приводит только тюркские лексические параллели: чув. *чӳрӳш*, диал. *чирӳш*, *чӳрӳш*, *чӳршӳ*; ср. также *чирша* «название растения»; тат. *чыршы*, башк. диал. *сыршы*, казах., к. калп. *шырша*, кирг., туркм. *чырыш*, азерб. *чириш*, тур. *çirişotu* «название травы».

Автор считает, что *чӳрӳш* заимствовано из татарского. «И интересно, что в башкирских диалектах это слово встречается с начальным с-, а в литературном башкирском *шыршы* является заимствованием. В огузских языках (за исключением гагаузского) и в кир-

гизском мы находим фонетически близкие формы при семантическом расхождении. Носители огузских языков могли знать слово *чирши* в его исходном значении «ель», но после миграции на юг, вероятно, стали этим словом называть другое, похожее на ель растение. Ср. этот же компонент в названии хвоща в волжско-тюркских языках: чув. *чърăш тăрри*, тат. *чыршы ўләне (умы)*, башк. *шыршы ўлән* [Проблемы исторической лексикологии ... , с. 29].

Ю. Дмитриева уверенно констатирует, что, судя по анлаутному *č* (т.е. *ч*), *čārās* / *čārsā* не исконно чувашское, а заимствованное слово, скорее всего его источник — тат. *čirsī* «ель», «ёлка». Здесь же автор указывает, что в тюркских языках это слово имеет и другие значения: «мачта, шест, столб»; фонетико-семантические варианты: *čirgay* «тяньш. лесная чаща; заросли кустарника»; «юж. название дерева»; *širgiy* «тонкая молодая ёлочка»; «тонкая сухая ель», «жердь»; тув. *širiš* «заросль», «густой куст», «кустарник»; *širgay* «дебри, чаща», тоф. *širiš* «ольха». К этим же тюркским данным примыкают, видимо, и х.-монг. *čargay* «кондовый лес», «высокоствольный» (о лесе, растущем густо) и калм. *tširgā* «какое-то дерево или кустарник». По показаниям данных, этот фитоним, возможно, делится на основу (т.е. корень) *čir*, *šir*, *sir*, к которой в разных языках присоединяются две разновидности аффиксов: *-ās* (*-šā*) // *-gay*, *-giy*. По мнению автора, встречающийся в огузских фитонимах компонент *čiriš* (ср. тур. *çirişotu* «асфодель», азерб. *çirişotu* «асфоделина», туркм. *čiriš* «эремурс» (травянистое растение), гаг. *čiriš* (клейстер; полоса, наклейка) омонимичен вышеприведенным тюркским названиям и, по всей вероятности, восходит к персидскому *sāriš*: 1) асфоделиос (из корней которого в Иране изготавливают клей); 2) клей, клейстер [Дмитриева Ю., с. 36—37].

С мнением Ю. Дмитриевой можно согласиться в том плане, что она делит фитоним *чърăш* на две части: *чър*+ *-ăш* (*-шă*); *чър* в данном случае является корнем, а не основой, а *чыр*, *шыр*, *сыр* являются не глагольными основами, а этимологическими (историческими) корнями именного характера.

Р.Г. Ахметьянов, приведя тюркские параллели татарского *чыршы*, башк., ног. *шыршы*, чув., мар. *чърăш*, к. калп. *шыршы*, каз.-тат. *шырыш* «ель», а также каз.-тат. *шырыш*, тат. диал., кумык. *чырыш* «смола, клей» (*чиршы агачы* «клеяное дерево, смолистое дерево»), считает, что оно представляет позднее иранское заимствование [Ахметьянов, 2001, с. 245].

По данным Л.В. Дмитриевой, для названия ели в тюркских языках употребляются разные слова; ср.: кирг. *қарагай* «ель», также

«сосна»; азерб. *ардыш* не только «можжевельник», но и «ель»; хак. *тигән* «колочка», также «ель»; тур. *küknar* «ель» [Дмитриева Л., 1972, с. 186—187].

Ель, ёлка — крупное вечнозеленое хвойное дерево конусообразной формы с длинными чешуйчатыми шишками.

Варианты: *елина, ёлка, елушка, елинка, елочка, елинушка* — хвойное дерево *Pinus abies*.

Дериваты: *ельник, ельняк, елушник, ельняжник* «еловый лес»; *ельниковый* — к ельнику относящийся; *ельня* — хвойная вырубка; *ёлкин, иван-ёлкин* шуточ. кабак, на который в обычае ставить ёлку; отсюда: *идти под ёлку*, т.е. в кабак; *ёлки* — сырое болотистое место, поросшее мелким ельником; *ёлочка* — растение кудрявец, полевая горчица; *ельцы* — орудие вроде граблей, которым скородят землю вручную, по пеньям и кочкам, где борона не проходит [Даль, I, с. 518—519]. Возможно, диал. *елуй* — бревно в козлах, данное В.И. Далем под знаком вопроса, относится сюда же, т.е. корень здесь *ел*; *еловик* — молодая, еще мягкая еловая шишка, род лакомства.

Поговорки: *Как хлеба край, так и под елью рай; а хлеба ни куска, и в тереме тоска. Найдешь келью и под елью. От яблоньки яблочко, а от ели шишка. Венчали вокруг ели, а черти пели. Не расти яблочку на ёлке. Не будет тебе с ёлки иголки. Эти толки не с ёлки. Не с ёлки толки.*

Пословицы: *Ёлка чище метлы дом подметает. Ёлка зелена — бурлак денежку добудет (на выпивку).*

Этимология. Общеславянское слово *ель* (*ёлка*) имеет соответствия в некоторых индоевропейских языках: укр. *ялина*, белорус. *ёлка*, польск. *jedlina, jodla* «пихта», чеш. *jedle* «пихта», словац. *jedl'a* «пихта, ёлка», болг. *елю*, сербохорв. *je'la*, др.-прус. *addle*, лит. *ėglė*, латыш. *eģle* «ель», лат. *ebulus* «бузина». Индоевроп. **edhlos* «колючий», к которому восходит общеслав. **edhli-*, является дериватом индоевропейского корня **edh-* «острый» (ЭСРЯ, V, 1973, с. 258).

Авторы этимологических словарей русского языка (славянских языков) отмечают, что *edla, ela, ель* и их дериваты в некоторых языках имеют разные значения: «ель», «пихта», «можжевельник», «бузина», *edlina* «хвоя (ели, пихты)», «гора, поросшая елями»; др.-рус. *елинь* «еловый лес», *елец* «высокий еловый лес» [ЭССЯ, VI, 1979, с. 14—15].

В «Этимологическом словаре славянских языков» под редакцией О.Н. Трубачева отмечено, что *edl̥* (т.е. *ель*) родственно др.-прус. *addle*, лит. *ėglė*, латыш. *eģle*, с которыми слав. **edl̥* объединяет семантика и принадлежность к ж.р. (слав. — основа на *-i-*, балт. *-ē-*). Далее

родственно лат. *ebulus* ж.р. *ebulum* ср.р. «бузина», которые вместе с балтийскими и славянскими словами возводятся к индоевроп. **edh-* от **edh* «острый».

Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов пишут, что названия ели восстанавливаются только для определенных диалектных общностей: прус. *addle* «ель»... рус. *ель*. Родственные слова в кельтско-италийском имеют значение «бузина»: лат. *ebulus*, *ebulum*, гал. *odocos*. Эта группа предполагает архетип **ed^hllo* с не вполне ясным первичным значением: «хвойное дерево типа ели» или «невысокое листовенное растение типа бузины» (?). Возможное соотношение слова с корнем **ed* (лит. *adyti* «штопать», *ādata* «игла») решает как будто в пользу первичного значения «хвойного дерева», «ели»: **ed^hllo* этимологизируется в таком случае как «колючий».

В древнегреческом *ель* обозначается словом *Εγάτη*, у Гомера также и в значении «весло» (высокие ели, достигающие неба, служили в гомеровской Греции материалом для кораблестроения). То же значение в родственном слове обнаруживается и в армянском *elevin* «ель», «ёлка», также «кедр». Сюда же относят обычно рус. диал. *яловец* «можжевельник», чеш. *jalovec*.

Таким образом, для называния ели восстанавливаются две распределенные по диалектам формы: **ed^hllo-* и производные от корня *el*. Тем самым не представляется возможным реконструировать единую общеиндоевропейскую форму в значении «ель» [Гамкрелидзе, Иванов, II, 1984, с. 633—634].

С тем же корнем **el* связывают и другие названия деревьев в отдельных диалектах, в частности итало-кельто-германское название вяза: лат. *ulmus* «вяз» (**ol-mos* или **l-mas*); ср.-ирл. *lem* (**le-mos*), др.-в.-нем. **ulmbout* «вяз» (нем. *Ulme*), др.-англ. *elm* (англ. *elm*), др.-исл. *almr*.

На наш взгляд, авторы правы в том, что восстанавливают праформу в виде **el*.

Мы уже отметили, что в тюркских языках наличествует семантический сдвиг: вечнозеленое дерево (ель) смола, клейстер, асфодель: тур. *çirişotu* «асфодель»; гаг. *çiriş* «клейстер». В этом случае *çiriş* «ель» означает дерево, из которого добывают смолу для изготовления клея, клейстера.

Замечены происхождение индоевропейских названий вечнозеленых деревьев и этимологическая связь этих названий со значением «смола, краска», а также, можно подумать, и «клей» (Там же. С. 632). Авторы отмечают, что корни в названиях пихты, сосны предстают как фонетически весьма близкие варианты для обозначения опре-

деленных видов хвойных вечнозеленых смолистых деревьев. Смола — липкий, твердеющий на воздухе сок хвойных и некоторых других растений. Формальную связь слов с обозначениями «смола» и «красить», «писать красками» можно истолковать как первоначальное тождество слов, объясняемое, по-видимому, использованием в древней технике смолы как черной растительной краски для нанесения определенных символических пиктографических знаков и рисунков, а позднее для письма (Там же. С. 632).

В быту носитель того или иного языка очень часто использует образ величественной ели для обозначения торжественности случая, где доминирует мелиоративное эмоциональное состояние. Например, всем с детства знакомая русская песня «В лесу родилась ёлочка»:

В лесу родилась ёлочка,
В лесу она росла.
Зимой и летом стройная,
Зеленая была.

Или стихотворение «Чӳрӳш» П. Хузангая:

*Эпӗ — Чӳрӳш, эпӗ — Чӳрӳш,
Пӗлмесен пӗлмешкӗн тӳрӳш.*

[...]

*Елка кам вӑл? — Эп пулатӑп,
Юрӑр, ташӑр ман тавра,
Савӑнтарӑр чунӑра!*

ЛИТЕРАТУРА

Ахметьянов Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Тат. кн. изд-во, 2001. 272 с. На тат. яз.

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка = Чӳваш сӑмахӑсен кӗнеки. Вып. 1—17. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928—1950.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. 2. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. 1328 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М.: Русский язык, 1978—1980.

Дмитриева Л.В. Названия растений в тюркских и других алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 151—223.

Дмитриева Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений. Дебrecен, 2001. 211 с.

Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.

Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1980. 159 с.

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Чебоксары, 1996. Т. 1. 470 с. Т. 2. 509 с.

Чăваш поэзийĕн антологийĕ. Шупашкар: Чăваш АССР кĕнеке изд-ви, 1962. 580 с.

Чăвашла-вырăсла словарь = Чувашско-русский словарь / М.И. Скворцов редакциленĕ. М.: Русский язык, 1982. 712 с.

Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. Изд-во Моск. ун-та. М., 1973.

Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1—34. М.: Наука, 1974—2002.

ЮМАН ДУБ

Юман «дуб» — крупное лиственное дерево с плотной древесиной, имеющее плоды — желуди. В России значительно распространён только один вид — дуб черешчатый. Высота этого дерева достигает 40 м, живёт оно 400—500 лет. Историки считают, а ботаники подтверждают, что, если бы черешчатый дуб не обладал способностью давать после рубки от пня поросль, он давно исчез бы и на Русской равнине, в подзоне широколиственных лесов, и в лесостепи.

При Петре I, когда строили флот, сажали дубы на юге, под Таганрогом, в Воронеже и на берегу Финского залива, под Петербургом. Дуб был основной древесной породой не только для кораблестроения. Он ценился во все времена за прочность своей древесины и шёл на самые важные части построек. Использовали его и при сооружении каменных зданий. В древнем Новгороде, Пскове, Москве, Киеве — всюду фундаменты многочисленных каменных церквей сооружались из дубовых бревен и плах. Их применяли при постройке всех соборов и ответственных зданий в Петербурге, где из-за болотистых грунтов таких плах, бревен и свай требовалось колоссальное количество.

В нечерноземной зоне и на северо-западе лучшими для земледелия считались почвы из-под дубовых лесов. «Поддубицами» называл их народ.

Чувашское *юман* (диал. *йоман*) «дуб» имеет параллели в других тюркских языках: уйг. *эмэн*, узб. *эман*, кирг., казах., к. калп., ног., балк., кумык., карач. *эмен*, туркм. *имен*, тат., башк. *имэн* [Егоров, 1964, с. 348]. По данным М.Р. Федотова, в казанско-татарском и барабинском диалектах татарского языка *имән* имеет также значение «тополь» [Федотов, II, 1996, с. 485]. По данным Ю. Дмитриевой, в алтайском языке данное слово имеет форму *ermeп* со значением «дуб». По ее мнению, начальный *у* в слове *уиман* указывает, очевид-

но, на заимствованный характер слова. Учитывая территориальное распределение, его можно считать производным из кыпчакской группы языков. Отсутствие в древнетюркских и среднетюркских памятниках дает основание предполагать, что данное слово производное. Его основой могло быть слово *im* «лечебное средство, лекарство». Раньше отвар дубовой коры применялся в качестве лекарства, поэтому первоначально означало «лечебное средство». Конечное *-n* слова — какой-то специальный аффикс в названиях растений, ср.: *sālan* «шиповник», *palan* «калина» и т.п. [Дмитриева Ю., 2000, с. 37]. Р.Г. Ахметьянов считает, что тат. *имэн* (~ чув. *юман*) «дуб» является однокоренным со словами *эрем*, *эрэмэ*, *ур-ман* (~ чув. *эрём* ~ *арым* (*ути*) «полынь»), *урман* (~ чув. *вэрман*) «лес», «кустарник» [Ахметьянов, 2001, с. 78].

Производные от слова *юман*: *юманай* «груздь дубовый, поддубовик, поддубень (гриб)»; *юманлэх* «дубовый лес, дубняк, дубрава»; *юмансар* «дубняк»; все три слова представлены в названиях селений: *Юманай*, *Юманлэх*, *Юмансар*, *Юманкасси*. Производными являются также личные имена мужчин *Юманкка*, *Юмантей*, *Юманкки*. Композита или словосочетание *юман йыва́с* имеет не только значение дерева дуб, но и является названием божества [Ашмарин, IV, с. 323]. *Юман* — название героя в сказке. *Юман* является личным языческим именем мужчин: *Юман*, *Мётри Юман*, *Юман Хвету́с* (Там же). *Юман* у чувашей является почитаемым деревом: *Ҷав юмана пирён ялсем теме хисепленё пекех хисеплесё... Ҷав юман Ҷине пӑхса акӑ Ҷапла каласа иртсе каяҫсё: эсё пур пусри йыва́сенён патши, сана кашни Ҷулах асӑнса витеӑнетпӑр...* [Ашмарин, IV, с. 322] «Из всех почитаемых деревьев дуб является самым почтенным... глядя на дуб, говорят: ты царь всех деревьев». Дуб олицетворяет мужчину, отца: *Уй варринче лаштра юман, атте тесе ай кайрӑм та, килех, ывла́м, ай темерё...* «Среди поля дуб, я подошел к нему как к отцу, «Подойди, сыночек», — он не сказал...».

Как видим, *юман* служит для характеристики только мужчин. Н.И. Ашмарин, вероятно, допустил неточность при описании выражения *юмансар кассисем*: «Это выражение, кажется, имеет то же значение, что и *хурӑнсур кассисем*: *Юмансар кассисем*, *хуҫа ятлӑ курка туса ярас тет*. Эти слова относятся и к мужчинам, и к женщинам» [Ашмарин, IV, с. 324]. На наш взгляд, эти слова относятся только к мужчинам, ибо *хурӑнсур кассисем*, *тӑпелти хурӑнсурсем*, *кӑске йӑм пӑҫсисем*; *хурӑнсурӑн кассисем*, *тӑрлӑ минтер ҫинчисем* — эти обращения имеют отношение только к женщинам во время обряда «савӑш курки» [Ашмарин, XVI, с. 223]. Это подтверждается

данными словарной статьи *алпас* [Ашмарин, I, с. 164]. *Алак патёнчи алпассем* «сидящие у дверей давилы» (алпасы, т.е. мужчины. — Ю.И.). *Тёпелти хурӑнсурсем (хурӑнсур кассисем)* «жительницы березовой деревни» (т.е. женщины. — Ю.И.) [Ашмарин, I, с. 164—165].

Юман патне ситсен малтан выльӑхсене уй чӳк юманӑ йышӑнать-и тесе курӑк сине ярса пӑхӑссӗ. Выльӑхсем курӑк сисен: «Чӳк юманӑ йышӑнать», — *теççӗ; сӑмесесӗн:* «Выльӑхсене курӑкне сӑме хушмасть, савӑнна йышӑнмасть пулӑ», — *теççӗ (уй чӳк туни)* [Ашмарин, IV, с. 308] «Подойдя к дубу, сначала проверяют, выпустив скотину на траву, принимает ли жертвенный дуб. Если животное ест траву, говорят, что дуб принимает, если же не ест, говорят, что дуб не разрешает скотине есть траву, значит, не принимает».

Многочисленные **словосочетания** со словом *юман* свидетельствуют, что это слово входит в активный словарный запас: *ёмӑрхи юман* «вековой дуб»; *лашман юман* «корабельные дубы»; *юман вутти* «дубовые дрова»; *юман сӑпанӑ* «дубовый орех» (на листьях); *юман сӗтел* «дубовый стол»; *юман кӑмпи* «поддубовик» (гриб); *юман йӑкелли* «желудь»; *юман пулӑ* «жерех», *юман туйри* «молодой дубняк»; *юман итти:* где *итти* — неизвестное слово в заумной песне [Ашмарин, IV, с. 323—324]; *юман партас* «голавль».

Чувашский язык богат **пословицами, поговорками и загадками** со словом *юман*: *Пысӑк юман та пӑчӑк йӑкелтен ӱсет* «И большой дуб вырастает из маленького желудя» (посл.) [ЧРС, 1982, с. 639]. *Йумми юман, тупи селен (пӑрлӑхен). Юмансар айӑнчен тӑман тухать (сӑнӑх алани). Пӑр юмана икӗ суркам тӑвай, икӗ такана тӑвай* «Срубив один дуб, устрой две плахи и две ночвы». *Юман кутне юн тӑкнӑ (хӗвел анни). Шӑтман юман кутӑнче суралман мулкач выртать (суя).*

Для чуваша *юман* «дуб» — символ здоровья и долголетия, крепости и прочности. Интересно отметить, что образ дуба никогда не олицетворяет женщину. В чувашских народных песнях дуб почти всегда раскидистый (*лаштра*), широкий, с густой кроной (*лапсарка*), высокий (*сӑллӑ*), старый (*ватӑ*). Эти же прилагательные являются главными особенностями мирового дерева. Эпитеты «раскидистый» и «развесистый» означают, что ветви родового дерева накрывают своей тенью весь мир. Эпитет «высокий» дает понять, что его верхушка достигает верхнего мира, а эпитет «старый» (мудрый) напоминает, что родовое дерево произрастает из чрева земли с самого сотворения мира.

Имеется чувашское предание о том, как дуб спас заблудившего охотника. *Вӑрманта усал пур теççӗ. Пӑр охотник аташса кайнӑ тет. Тӑттӑм пулсан юман патне пынӑ та:* «Юман, мана сыхла», —

тенё пулать, выртса сывърнй пулать. Тепёр юман кун патне пынй пулать. «Атя, пичче, асаттеме турпейлеме», — тесе каларё тет. Этем выртнй Юманё каларё тет: «Ман вӑхӑт сук», — терё тет. Ак сӑпла ёнтё вӑрманта аташса кайсан юман сыхлать теçсё усалтан, сӑпла халап пур [Мифсем ... 2004, с. 115] «Говорят, что в лесу есть злой дух. Один охотник как-то заблудился. И когда наступила ночь, подошел к дубу и сказал: «Дуб, спрячь меня», лег и уснул. Другой дуб подходит к этому дубу и говорит: «Пойдем, брат, моего дедушку хоронить». А дуб, под которым лежал человек, ответил: «У меня времени нет». Вот, если заблудишься в лесу, таким образом дуб спасет от злого духа, есть такое предание».

Одним из постоянных признаков дуба в чувашских народных песнях является старость. Эпитет «старый» (*ватӑ*) также подтверждает, что дуб в поэзии — не просто дерево, а дерево волшебное, благодатное. Чуваши чтили стариков наравне с богами, умерших от старости людей поминали долгое время. В чувашской мифологии боги всегда появляются в образах старцев, они седовласые, белобородые. По народной эстетике, уважающие старость становятся счастливыми, получают благо; а люди, не проявляющие должного почтения к возрасту, в итоге познают горе и мучения. По закрепленным веками мифоэтническим традициям, дуб, символизирующий мировое дерево в макрокосме, на уровне мезакосма связан со старшим поколением мужчин своего рода. В чувашских народных песнях эта группа обозначена термином «отец». Но в народных песнях значение этого слова шире, чем в разговорной речи. Чаще всего народные песни исполнялись, когда собиралась вся родня. Они посвящались самым старшим, мудрым членам рода, каждый из которых кому-то приходился родителем или праотцом, или братом (сестрой). И тем не менее своих стариков все называли «отец» и «мать». Поэтому слово «отец» из народных песен объединяло в себе все старшее поколение рода.

В древнечувашских текстах за дубом закрепилось постоянное место в пространстве, он всегда находится в центре мира, а говоря языком мифов — на «пупе земли». В песнях это понятие выражено через конкретные образы: дуб может расти «посреди темного леса», «посреди степи», «поля», «в центре круглого острова», что находится в середине молочного озера, «на вершине высокой горы». Фольклористы разных времен отмечают, что в песнях, записанных в разных местностях, положение этого дерева определено.

В песнях рядом с дубом часто упоминаются различные животные: птицы, травоядные, хищники, насекомые. В устном народном творчестве каждое такое животное имеет скрытое значение.

Дуб, по данным словаря С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, имеет два значения:

1. Крупное лиственное дерево с крепкой древесиной и плодами — желудями. 2. О тупом и нечутком человеке.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля дано еще одно значение: челн, лодка, долбленая лодка, большая однодеревка, долбушка [Даль, I, с. 498—499].

Производными являются: *дубок, дубец, дубина, дубень, дубье, дубовый, дубить, дубленье, дубильщик, дубленка, дубильный, дубинник, дубаска, дубляк, дубовина, дубовник, дубовка, дубняк, дубоноска* и т. д.

Со словом *дуб* имеются **пословицы, поговорки и загадки**: *Велик дуб, да дуляст, а мал дуб, да здоров. В лесу дуб рубль, в столице по рублю спица. Под дубком свилась клубком, да и с хвостиком* (репа).

Этимология. Происхождение слова *дуб* неясно. Общепринятой этимологии нет. Общеславянские соответствия: укр. *дуб*, белорус. *дуб*, польск. *dab*, чеш. *dub*, болг. *дѣб*, словен. *dōb*. Одни исследователи считают его суффиксальным производным от той же основы, что и *дом*. Некоторые полагают, что дерево (дуб) получило свое название по темной древесине. Индоевропейский корень этого слова тождествен корню слова «дерево».

Дуб — одно из самых сакральных деревьев, с которым связано много символических пластов. Признак твердости и прочности дуба может быть положен в основу целого комплекса понятий «верный ~ прочный ~ надежный», выражаемых однокоренными словами: др.-англ. *Trum* «крепкий, прочный», совр. англ. *true* «верный».

Современное вторичное значение в русском языке слов *дуб, дубина* «дурак» является, видимо, позднейшим образованием. В ментальной картине мира многих народов образ дуба является символом крепкости духа здорового человека.

Сакрально всеохватывающим влияние дохристианской жизни многих народов являлось дерево, в доминирующем случае — дуб. О поклонении дубу чувашами приведены примеры Н.И. Ашмариным [Ашмарин, IV, с. 322].

Предание о мировом древе славяне по преимуществу относят к дубу. Сохранилось сказание о дубах, которые существовали еще до сотворения мира. В одной народной сказке рассказывается про дуб, который вырос до самого неба.

На дубе держатся три великих мира — небо, земля и ад. Есть предание о железном дубе, на котором держатся вода, огонь и земля, корень покоится на Божественной силе. В древности предки славян творили суд и правду под старыми дубами (образ старого дуба у

чувашей есть в обряде *чўк*: *Ѕав каталǎхра пёр пысǎк ватǎ юман ларать, вǎл юман кутёнче пирён ялсем кашни ҫулах уй чўк тǎваҫҫё* [Ашмарин, IV, с. 322] «В той рощице есть старый дуб, возле которого ежегодно наши сельчане проводят полевое моление».

У славян дуб посвящался Перуну, липа была деревом Лады, а береза — Купалы (Грушко, Медведев, 2001, с. 171, 466).

Имеются сведения, что в 1909 и 1975 гг. со дна Днепра и Десны подняли два огромных священных дуба. В их стволах обнаружены кабаньи челюсти, которые, по поверьям, оберегали славян от различных врагов [Левкиевская, 2003, с. 171]. Дуб у славян соотносился с мировым деревом и мужским началом, поэтому при рождении мальчика у них принято было сажать дубок.

Сравнения:

— *дуб дубом, как дуб* (дубина) *стоеросовый, стать дубом* — об очень глупом, несообразительном человеке;

— *дуб дуба лучше, рослый как дуб, как дубье* — о физически крепком, сильном, здоровом человеке;

— *здоров (здоровый) как дуб, крепок как дуб* — об очень здоровом, физически крепком, сильном человеке. Выражение имеется во многих языках и их диалектах: польск. *Chlop jak *dob*;

— *крепок как дуб, упрям как осел* — о здоровом и очень упрямом человеке;

— *сделаться крепким как дуб (дубина)* — о чем-л. обдубевшем, затвердевшем;

— *стоять как дуб* — о крепко, твердо, уверенно стоящем, мощном, сильном человеке;

— *стоять один как дуб* — об одиноко, но уверенно борющемся с жизненными невзгодами мужчине;

— *смотреть как сова из дуба* — о чьем-л. пьяном взгляде;

— *что из дуба масло* — о бесполезности совершения чего-л.;

— *волосы дыбом* — о сильном испуге;

— *дубом встать* — встать во весь рост, выпрямиться;

— *косить дубом* — косить стоя;

— *стать (стоять) дубом (дубком)* — о топорщащейся, корящейся одежде;

— *дубье* — 1) о стоящем без дела человеке; 2) о стойком, мужественном человеке;

— *как с дубу (рвать)* — о чьих-л. беспричинных, необоснованных, напрасных претензиях к кому-л.;

— *сдуру как с дубу* — 1) о чьих-л. неожиданных глупых и опрометчивых высказываниях или поступках; 2) о наглom и неприлич-

ном обращении или человеке, резко указывающем на чьи-л. пороки или недостатки;

— *как дубальный* — о чем-л. (особенно земле) сильно затвердевшем, высохшем;

— *использоваться как дубина* — о технически совершенном и сложном инструменте, механизме, компьютере и т.п., используемом крайне примитивно, неграмотно, не по назначению;

— *как дубина* — 1) о глупом, тупом и очень упрямом человеке; 2) о рослом, высоком, здоровом и грубого сложения человеке;

— *не гнуться как дубина* — о негнущихся, отвердевших и онемевших конечностях;

— *как дубина* — о непонятливом, глупом человеке;

— *стоять как дубина* — о стоящем в тупой неподвижности, ничего не понимающем человеке;

— *человек не глина, а дождь не дубина* — человеческая натура не так уж мягка и податлива, а дождь не настолько уж и страшен;

— *вертеться как шиш на дубине* — о бойком человеке (*шиш*: 1) черт; 2) мужской половой орган);

— *темно как в дубине* — о большой темноте где-л. (*дубина* — дубовый лес, дубрава?);

— *доброе слово лучше дубины (ласковое слово лучше дубины)* — добрыми словами можно добиться большего, чем принуждением, побоями;

— *идти как из-под дубины* (ср. *как из-под палки*) — о нехотя, по принуждению идущем куда-л., на исполнение чего-л. человеке;

— *как дубинка* — об одеревеневших, онемевших конечностях;

— *носик дубинкой* — о широком, плоском, расплюсненном носе;

— *хоть дубинкой пробивай* — о человеке, которого не заставишь сделать что-л.;

— *бесхмельное питье* — *дубинное битье* — безалкогольная выпивка угнетает;

— *дубной хвост* — 1) о человеке, убегающем от кого-л.; 2) о человеке, несогласном с кем-л., с чем-л., упорно отказывающемся от чего-л.;

— *личико словно дубленое* — о чьем-л. грубом, крепком, здоровом лице;

— *сухой как дубовка* — об очень сухом, пересушенном грибе;

— *крепкий як дубовая каша* — об очень слабом, болезненного вида человеке;

— *пятки как дубовые* — о чьих-л. отвердевших от ходьбы босиком пятках;

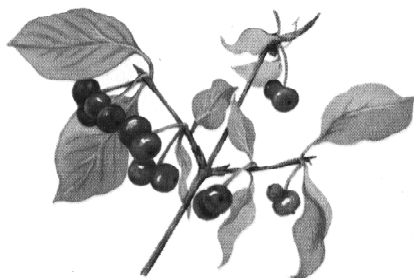
- *яблоки (груши) как дубовые* — о слишком твердых, жестких плодах;
- *руки дубком* — о чьих-л. корявых, неповоротливых руках (*дубок* — палка);
- *как молодой дубок* — о здоровом, рослом, упитанном и сильном ребенке;
- *крепкий как дубок* — об очень крепком, коренастом, небольшого роста человеке;
- *мягкий как дубок каляный* — о чем-л. твердом (*каляный* — твердый, жесткий, плотный);
- *расти как молодой дубок* — о ребенке, растущем здоровым, крепким, сильным;
- *дубкой хвост* — 1) о человеке, убегающем от кого-л.; 2) о человеке, несогласном с кем-л., чем-л., упорно отказывающемся от чего-л.;
- *становиться (стать) дубом* — упрямиться, противоречить, упорствовать;
- *как дубье* — о сильных, мощных, крепких и здоровых людях.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахметьянов Р.Г.* Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Тат. кн. изд-во, 2001. 272 с. На тат. яз.
- Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка = Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. Вып. 1—17. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928—1950.
- Грушко Е.А., Медведев Ю.М.* Русские легенды и предания. М.: Эксмо, 2008. 208 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М.: Русский язык, 1978—1980.
- Дмитриева Ю.* Чувашские народные названия дикорастущих растений. Девретен, 2001. 211 с.
- Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.
- Левкиевская Е.Е.* Мифы русского народа. М.: Астрель, 2003. 528 с. Мифсем, легендăсем, халапсем. Шупашкар: ЧГИГН, 2004. 568 с.
- Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Чебоксары, 1996. Т. 1. 470 с. Т. 2. 509 с.
- Чăвашла-вырăсла словарь = Чувашско-русский словарь / М.И. Скворцов редакциленĕ. М.: Русский язык, 1982. 712 с.

КОНЦЕПТОСФЕРА «КУСТАРНИКИ»

ЎВЎШ КЛЕЩЕВИНА

Ўвўш — 1) клещевина; 2) диал. одуванчик.

Клещевина — южное растение, из семян которого получают касторовое масло [Ушаков, 2007, с. 350].

Ўвўш — название кустарника.

Фонетические варианты: *уш* — название дерева: *Чўпўркка аври тума анчах юрать. Сулци палан йўвўс манерлў* [Ашмарин, III, с. 352]; *ушў* — *кўпчанкў пекскер. Ушўран чўпўркка аври тўвассў*. Это дерево называется *шурў катўркас* [Ашмарин, III, с. 353]; *хўвўш* [Ашмарин, XVI, с. 314]; *вўш* [Ашмарин, V, с. 341]; *выш* — то же, что *ўвўш* [Ашмарин, V, с. 415].

Словосочетания: *уш йўвўсци* — кустарник; кора сероватая; из ствола делают *чўлўм чўпўкў*. От него следует отличать *йўт сўмўрчў* [Ашмарин, III, с. 363].

Ўвўш: бот. клещевина; *ўвўш туя* «посох из клещевины»; *Ёнтў сил саврўнать, ўвўшина тупўлха авўнать* «Ветер порывами меняет направление, пригибая кусты клещевины и таволги» [ЧРС, 1982, 50].

Ўвўш: 1) название кустарника. *Ўвўш пит хўтў йўвўс; хўс шўлў тўвассў, пўшў аври тўвассў; сўрлисем хўрлў. Юрўра та «ўвўш туя» тесе юрлўссў. Ўвўш — кўпчанкў майлў. Авўш — ягода, похожая на клюкву; принадлежит особого рода кустарнику. Ўвўш — название дерева. В том же говоре есть название другого деревца — *кўпчанкў*. *Ўвўш* — клещевник. *Ўвўш*, кустарник, ягодки бывают красные; к осени чернеют; их глотают по несколько штук от головной боли. В *Кўнна Кушки* ягоды этого кустарника считаются ядовитыми; 2) *Ўвўш* — одуванчик. *Ўвўш саранра ўсет. Ачасем хўлха алки туса вылўссў*; 3) *Ўвўш* — *сўсўпўл* «подснежник». *Сўсўпўл сўсўки — кўмака мелки* — писаная красавица (говорят в насмешку) [Ашмарин, IV, с. 37].*

Хăвăш — клещевник, жимолость; *хăвăш сырли* — жимолостник [Ашмарин, XVI, с. 314]. *Вăш* — жимолость; курослеп (в Алатыр. у.); клещевник (в с. Шуматово Ядр. у.) [Ашмарин, V, с. 341].

В.Г. Егоров *ăвăш* «клещевина», «жимолость» сближает с древнетюркским *ош* (ссылка на: Махмуд *Кашгары*. Диван лугат ат-турк. В 3 т. М.: Восточная литература, 2010. Т. 1. С. 38) «дикий тростник». М.Р. Федотов приводит данные словаря Н.И. Ашмарина и ссылается на В.Г. Егорова [Федотов, I, с. 81].

Ю. Дмитриева *ăvăš* и *xăvăš* склонна считать двумя самостоятельными словами с тождественной семантикой; по мнению автора, *ăvăš* является фонетическим вариантом исходного *xăvăš*. Чувашское *xăvăš*, по ее мнению, есть заимствование татарского *kuis* (*куыш*) — не является собственно фитонимом, а обозначает «дупло, полость». Таким образом, *xăvăš* в чувашском языке значит «растение с дуплистым, полым стволом», что поддерживается описанием Н.И. Ашмарина *uš yivăssi*, «из ствола которого делают чѣлѣм чăпăкѣ чубук трубки»; татарское *kuış* восходит к старому тюркскому слову *gogiş* со значением «желоб» [Дмитриева Ю., 2001, с. 34—35].

Клещевник — растение, из семян которого готовят касторовое масло [Ожегов, Шведова, 1994, с. 271].

Жимолость — кустарниковое или вьющееся растение с попарно расположенными листьями и душистыми цветами.

Жимолость — кустарниковое или вьющееся растение... Лесную жимолость называют волчьей ягодой [Ушаков, 2007, с. 221].

Жимолость — кустарниковое или вьющееся растение с душистыми цветами [Ожегов, Шведова, 1994, с. 189].

Жимолость (*жимолостник*, *жимолуста*) — дерево или куст; известна у нас жимолость татарская; *жимолостина* — прут, хворостина жимолости; *жимолостный*, *жимолостовый* — к сему дереву относящийся; *жимолостяный* — из него сделанный; *жимолостка* — ягода, похожая на голубику [Даль, I, с. 542].

Этимология. Восточнославянское. Считается переоформлением слова *зимолист*. В таком случае *жимолость* буквально значит «растение, сохраняющее листья и зимой». Скорее, все же это существительное является метатезной формой слова *жиломость*, образованного сложением слов *жила* и *мость* (от *моститься* — «подниматься, виться», ср.: диал. *мостина* «плетушка, корзинка раструбом вверх»). Следовательно, растение названо по своему «жимолистному» и «вьющемуся» характеру [Шанский, Иванов, Шанская, 1971, с. 147; Фасмер, II, с. 55].

Сравнения:

худой как жимолостина ~ *худой как жиломустина* — об очень худом и тонком человеке; *жимолостина* — очищенная от коры и листьев тонкая веточка (прут), используемая для плетения кружев; хворостина жимолости. *Жиломустина* — жимолость [Даль, II; Мокиенко, Никитина, 2008, с. 201].

ЛИТЕРАТУРА

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка = Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. Вып. 1—17. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928—1950.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М.: Русский язык, 1978—1980.

Дмитриева Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений. Дебрецен, 2001. 211 с.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь народных сравнений. М.: Олма Медиа групп, 2008. 799 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1994. 907 с.

Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2007. 1239 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964—1973.

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Чебоксары, 1996. Т. 1. 470 с. Т. 2. 509 с.

Чăвашла-вырăсла словарь = Чувашско-русский словарь / М.И. Скворцов редакциленĕ. М.: Русский язык, 1982. 712 с.

Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

КАПЧАНКА БЕРЕСКЛЕТ

Капчанка «бересклет» — название кустарника; *капчанка сырли* «ягоды бересклета», *капчанка тымарё* «бересклетовый корень» [ЧРС, 1982, с. 162].

Фонетические варианты: *капчанк, капчак, капчакан.*

По Н.И. Ашмарину: *Капчанка* — бересклет (назв. кустарника). *Капчанка* — *пёчккё япала*. *Сырлине сѣмессё, хёрлэ пулать. Йываёсси хуппи хура, шуря варрисем, хёс шалёсем тавассё; пит пицё. Йываёсси саря. Капчанка йываёс. Капчанка сырли. Капчанка* — куст с рябым стволом; растёт в овраге и долинах. *Капчанка* — клещовник. *Капчанка* — «слепокурник» — клещовник. *Капчанка* — крушатник. *Капчанка* — название кустарника (это не то же самое, что «аваш»). *Капчанка типессён питё якалса каять. Капчанкаран сёрё варри тавассё. Йываёсран усал капчанка. Върман илемне мён ярать? — Капчанка сулси, сав ярать* [Ашмарин, VII, с. 168].

Капчан — бересклет. *Отъра ларакан капчан йываёс сайхаха йориман.*

Капчан — дерево с красными ягодами. *Капчан* — то же, что по-марийски *кычыбанды*; из него делают кнутовища.

Капчанлэх — место, изобилующее бересклетом. *Атти карти капчанлэх, татрэм илтём, тутантэм, сампа кятра хам пултэм* [Ашмарин, VII, с. 167—168].

Капчакан — название дерева, бересклет. *Върмансенче юман, сьака, шейшкё, вёрене, авас, сусе, палан йываёсси, сёмёрт, йытй сёмёрчё, пилеш, улмаёсси, шалан йываёсси, катъркас, хэва, савас йываёсси, капчакан, хэмла сырли йываёсси усёссё* [Ашмарин, VII, с. 167].

В словарной статье *Ортохха* (личное имя жен.) есть текст, включающий слово *капчан*: *Тата, пичи, хёр кортам, камака милки пусё пор, капчан тёмми кёлетки, ори-алли Ортохха, лаптак токмак копарчи, ахаль парсан кирлэ мар* [Ашмарин, III, с. 291].

Этимология. По словам Ю. Дмитриевой, «данный фитоним не имеет надежной этимологии». Одной из возможных версий его происхождения является предложенная еѳ гипотеза. Она полагает, что фитоним *кӓпчанкӓ* имеет генетическую связь со словом *kăpšankă* «насекомое», «мокрица» (ср. мар.Г. *kapsangə* «жук, козявка, букашка») и является его фонетическим вариантом. По сходству черных семян, наполовину покрытых ярко-красной чешуей, с клещами русские нередко называют это растение клещевником, ср. рус. диал. (перм.) *клещовник* «бересклет бородавчатый». Очевидно, эта броская особенность бересклета послужила основанием и для чувашского названия бересклета *kăřčankă*. Это предположение подтверждается и синонимичным названием *săvăs yivăssi* «бересклет», «жимолость»: *săvăs* «клещ» + *yivăssi* — 3 л. от *yivăś* «дерево», букв. «клещевое дерево». Существует поверье, что на бересклете обитают клещи [Дмитриева Ю., 2001, с. 42—43].

Бересклет — кустарниковое растение с опадающими или вечнозелеными листьями, некоторые виды которого содержат гуттаперчу. Бересклетовые — семейство вечнозеленых или листопадных деревьев, кустарников и лиан, к которому относятся бересклет, краснопузырник и т.д. *Бересклетовый* — относящийся к бересклету, состоящий из него; сделанный из бересклета: *Звонкими и серебряными такими голосами звенят бересклетовые узорные коклюшки. Заросли бересклета.*

В составных названиях деревьев, кустарников: *Цветки бересклета кажутся неживыми, они как будто восковые* (В. Петров. Мир лесных растений). *Мы встречаем здесь [в Зауссурийском крае]... такие породы, которые не знаешь, куда и причислить: к кустарникам или деревьям, например, бересклет широколистный, дающий длиннокрылые плоды* (Арсеньев В.К. Дерсу Узала). *Ветви этого кустарника особенные: они имеют темно-зеленый цвет и покрыты множеством мельчайших бугорков* (Петров В. Мир лесных растений) [ССРЯ, I, 1970, с. 494].

Бересклед (бересклет, бересдрен) — кустарник из семейства крушиновых; куриная слепота, брухмеля, брумбель, бруслина, бруснына, бурусклен, мересклет, кислянка, жигалок (ошиб. волчье лыко) [Даль, I, с. 83].

ЛИТЕРАТУРА

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка = Чӑваш сӑмахӑсен кӑнеки. Вып. 1—17. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928—1950.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М.: Русский язык, 1978—1980.

Дмитриева Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений. Дебрецен, 2001. 211 с.

Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1. Л.: Наука, 1970. Т. 2. 1971.

Чăвашла-вырăсла словарь = Чувашско-русский словарь / М.И. Скворцов ре-дакциленё. М.: Русский язык, 1982. 712 с.

ПАЛАН КАЛИНА

Палан «калина» — кустарник из семейства жимолостных, с красными горькими ягодами; ягоды этого кустарника [Ушаков, 2007, с. 332].

В чувашском языке этот фитоним бытует в двух фонетических вариантах: *палан* ~ *палам* (*н-м*). Производное: *паланлăх* «калинник», «заросли калины». *Аслă вăрманта паланлăх, тăрринчен палан татар-и, тейенчен кăшăл авар-и?* «В большом лесу калинник, не нарвать ли нам калины, не свить ли из прутьев обруч?»

Словосочетания: *палан йывăçси* «калина (дерево)»; *палан сырли* «калина (ягода)»; *палан лакки* — название птицы (ест калину); *палан тимёрёвё* — название болезни, лишай. *Палан тимёрёвё тухсан супкăн паланна çăваççё* «Лишай лечат умыванием гроздью (кистью) калины».

Топонимические названия: *Палан уйё* — название поляны; *Палан варё* — название оврага; *Палан сырми* — название речки; *Палан сот варё* — название урочища; *Палан шурё* — название местности.

М.Р. Федотов привел **фонетические варианты:** *палам* ~ *палан* ~ *палан* «калина» и указал на тюркские соответствия: тел., азерб., шор. *палан*, казах. *балан* и привел мар. *полан* < чув. [Федотов, I, с. 381].

Этимология. В.Г. Егоров приводит следующие тюркские параллели: алт.В. *палан*, ойр., башк., тат. *балан*, тат. тюм. *малан* «калина»; кумык. *палам*, *балам* «бузина», *ётел-балам* «калина» и сюда же со знаком «ср.» гр. *βαλανος* «желудь» [Егоров, 1964, с. 142].

Этимологические словари чувашского языка не указывают на происхождение слова *палан*, и Ю. Дмитриева тоже не добавляет ничего нового, но она считает, что слово *palan* чувашами было заимствовано у татар [Дмитриева Ю., 2001, с. 33—34].

Ф.Г. Ахметьянов полагает, что *балан* «калина» в татарском языке восходит к древнекыпчакскому *балан*, приводит алт. *балан*, ку-

мык., ног. *балам* «аю баланы», «медвежья калина», подчеркивает, что происхождение неясно [Ахметьянов, 2001, с. 34], отсылает на словарную статью *милэш* «рябина».

У Л.В. Дмитриевой *балам* ~ *палан* выступает в разных фонетических вариантах с разнообразной семантикой: *байлан* ~ *пайлан* «калина», «пихта»; *балам* ~ *палам* «калина», «бузина», «рябина»; *аю* (*айу*) *баланы* «бузина»; *айыубалан* «жимолость» [Дмитриева Л., 1972, с. 139].

Э.В. Севортыян ссылается на следующих авторов: М. Рсянен реконструирует архетип чув. *палан* в виде *полан* на основании чер. (мар.) *полан*; Г.И. Рамстедт *болан* сравнивает под вопросом с калм. *балганы* «дерево с красной корой и мягкой древесиной» и допускает, что оно от *бал* «мед», отсюда же *балгу* «тамариск» [Севортыян, I, 1974, с. 52].

Мы придерживаемся мнения, что в слове *балам* ~ *палан* действительно содержится корень **пал* ~ *бал* (~ *вал*), связанный со значением «растение», «дерево», «лес»; *-ан* — словообразовательный аффикс, как и в словах *юман* «дуб»; *шйлан* «шиповник» (*шйл* «зуб» + *-ан*).

Г.Е. Корнилов считает, что чувашское *палан* «калина» буквально «дерево, имеющее полый ствол» и исходным здесь является корень **пал* [Корнилов, 1973, с. 81].

Образ калины (*палан*) встречается и в чувашской народной поэзии.

*Пиç, пиç, палан, пиç, палан,
Сана пиçме лартнй вёт
Кймакана çулмекпе.*

*Çйт, çйт, тйван, çйт, тйван,
Сана çйтма лартнй вёт
Кёрекене четвёртпе.*

* * *

*Пахчи-пахчи — палан пахчи,
Палан çисе үсрёмёр, эх, үсрёмёр,
Çампа сыра пултймър..*

В стихотворении Ю. Семендера «Уçланкйри палан» (Калина красная), которое получило свою известность как песня на музыку Ф. Лукина, образ калины вносит мотив зыбкости, мимолетности, призрачности счастья. Калина зацветает, потом отцветает, побитая заморозками, а осенью неожиданно покрывается ягодами — в природе все повторяется, возрождается для продолжения жизни. Но не всегда так у людей.

Усланкәри палан
 Шап-шурә сурәлсан
 Эпир сәмах татсаччә санпалан.
 Кёрхи кунсем ситсен,
 Паланмәр пицсен
 Эс таврәйма пулсаччә аякран.
 Сана йсатсанах
 Тәм тиврә палана,
 Шап-шур чечеккә ўкрә сул сине.
 Савна эс пәлтән-ши,
 Савна эс сисрән-ши —
 Тәван яла килмерән кёркунне.
 Мана курсан ялан
 Пусне усать палан,
 Туять пұл эпә санишән суннине.
 Ан ман, савни, ан ман,
 Халь хәп-хәрлех палан,
 Пире кётсе упрать вәл сьрлине.

«Когда калина на опушке
 Зацвела белым-бело,
 Уговор был у нас с тобой.
 Когда настанет осень,
 Когда созреют ягоды калины,
 Ты дал слово вернуться издалека.
 Как проводила я тебя,
 Цветы калины увяли от мороза,
 Опали лепестки на дорогу.
 Может, об этом ты узнал,
 Может, почувствовал это —
 Не вернулся в родное село.
 При виде меня всегда
 Печалится калина,
 Будто знает, что я сгораю от любви.
 Не забывай, любимый, не забывай,
 Сейчас калина вся красная,
 Бережет ягоды, ожидая нас».

Начало любовной истории — весной, когда цвела калина, разлука наступила в то время, когда замерзли лепестки калины и опали (возможно, они сигнализируют о враждебной людской молве). Калина стоит с поникшей головой, как будто сочувствует героине, которая тоскует по милому, но счастливого конца в стихах нет — есть одно томительное ожидание. Не наступила ли осень в душе героя? Неизвестно. Образ цветущей калины передает чувства и переживания девушки.

Цветущая калина однострочно выступает и в стихотворении Ю. Петрова «Сенкерленчә шуҫәм» (Занялася заря расписная).

Сенкерленчә шуҫәм...
 Сәскере палан.

Занялася заря...
 Калина вся в цвету.

Стихотворение повествует о томительных ожиданиях (героя или героини) слов о любви:

Мәшәр хура куҫәм,
 Ан сунтар чуна:
 Каласамччә уҫҫән
 Хәвән шухәшна.

Черноглазый мой,
 Не томи мне душу:
 Толком объяснись,
 Скажи мне правду.

Образ калины (палан) находит отражение в **пословицах, поговорках и загадках**, которые зафиксированы в словаре Н.И. Ашмарина:

1. *Атәл хёрринче акак шәрси ларать* (палан) «На берегу Волги сердоликовые бусы (камена)» [Ашмарин, I, с. 86]. 2. *Атәл урлә ахах куртәм* «Через Волгу я видел агат» [Ашмарин, II, с. 192]. 3. *Юнә пур та, чунә сук* (палан) «Кровь есть, но души нет (калина)».

Калина — кустарник с белыми цветами и красными горькими ягодами, а также ягоды его. Уменьшительно-ласкательные: *ка-линка, калиночка, калинушка* — дерево и плод его. Производные: *ка-линина* — дерево, кустарник калины; *калинный, калиновый* — относящийся к калине, дереву или плоду, из них сделанный: *Калино-вые побеги пьют от золотухи. Калиновка* — калиновая наливка на ягодах или настойка на листьях, побегах; *калинняк* — калинник, ка-линовая роща; *калинник* — калиновая роща, кустарник; калиновый хворост, батожки на чубуки; калиновый пирог; тесто, которое месит-ся на калине; охотник до калины; *калинники* — отдаленные осенние грозы, зарево, зарница, от имени святого Калинника, 23 и 29 июля; осенние ранние заморозки, отчего и поговорка: *Пронеси Бог калинни-ки мороком, т.е. облачной погодой. Калинка* — рыбка уклейка.

В сказке поминаются *мосты калиновы* — это гать, мощенная хворостом, калиной, дорога по болоту. *Каленая калина* — испеченная в печи в горшке под наглухо замазанной тестом крышкою. *Черная калина* — гордовина, гордина. *Ой, калина моя, ой, малина моя; Не бы-вать калине малиной.*

Калинку ломать — свадебный обычай: на столе у молодых окорок и штоф вина, заткнутый пучком калины с алою лентой; молодых поднимают, и идет потчеванье, обходят по домам родителей невест-ты, родичей поезжан, а воротясь, дружка рушит окорок и, расщипав калину, разносит вино [Даль, II, с. 78].

Нас поражает многозначность слова *калина*: гранатовое дере-во, рябина, пион, гранат (дерево и плод); слеза, кустарник калины, жимолость пушистая. В топонимических названиях: *Калина* — на-звание ручья; название рек; в составе фразеологизма: *разжечь в ка-лину* «довести до раскаленного состояния» [ЭССЯ, IX, с. 120].

Этимология. Этимологи считают *калину* производным с помо-щью суф. *-ин-* от *кал-*, т.е. первоначальное обозначение сырого мес-та, а уже по нему — влаголюбивого растения. Определенную само-стоятельность мотивировки обнаруживают случаи вроде др.-рус. *ка-лина* «раскаленное состояние, каление» — непосредственно от гла-гола *калить* в значении «накалять, раскалять» [ЭССЯ, IX, с. 121].

Видимо, *калина* получила название по цвету ягод: раскаленная, красная.

В русской поэзии образ калины представлен достаточно ши-роко. Преданья наделяют ее мягким характером, ей приписывают способность успокоить страдающих, впитать в себя боль одиноких женщин. Об этом поется в народной песне «Калина красная, кали-на вызрела...». Калина — предвестник весенней любви:

Ой, цветет калина в поле у ручья,
Парня молодого полюбила я.

Как видно, девичья любовь находит параллели с образами рябины, калины, черемухи, а также ивы:

Ах, эта красная рябина
Среди осенней желтизны.
Я на тебя смотрю, любимый,
Теперь уже со стороны.

А. Софронов

Ивушка зеленая,
Над рекой склоненная <...>.
Были с милым встречи
У твоих ветвей <...>.

В. Алферов

Под окном черемуха колышется,
Распуская лепестки свои. <...>
Жди меня, мой радостный...

Русская народная песня

Стану я черемухой,
Тихо зацвету,
Подарю кому-нибудь
Девичью мечту.

В. Быков

В народной поэзии часто используется такой прием, как образный параллелизм. В его основе лежит уподобление действий людей, их состояния процессам, происходящим в природе.

В приведенных русских народных песнях и авторских стихах параллелизм проявляется в том, что в первых строках речь идет о дереве, а далее о жизни человека, его радостях и горестях, мечтах, любви и ненависти. Отрицательный параллелизм близко стоит к отрицательному сравнению, когда особая форма образного сравнения дает не сопоставление, а противопоставление одного предмета другому. Отрицательное сравнение — любимый стилистический прием в чувашской народной поэзии. Яркий такой характерный пример находим в следующем отрывке:

*Ан яр утна пахчана: чечек тӑрне ан таттӑр,
Калӑрсамӑр каччӑна: хӑр ёмӑрне ан таттӑр.*

«Не пускай коня в огород: пусть не губит он цветы,
Скажите же молодцу: пусть не губит жизнь девичью».

Сравнения:

— *красивый как калина* — о красивом человеке;

— *миновалась красота как калина* — о быстро увядающей девичьей красоте;

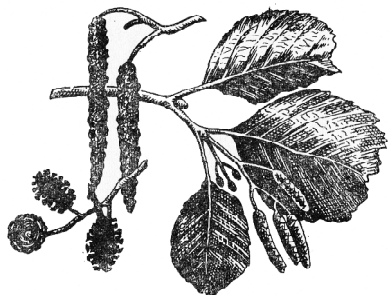
— *калина как каленая* — о темно-красном, огненном цвете калины. В диалектном контексте раскрывается ассоциативность образного (сравнения) значения оборота, говорящий намеренно выбирает слова для точного описания слова «калина»: «Калина, она же как каленая стоит, красная вся, раскалилась. Тоже красиво, осенью, когда

ее посмотришь, она как горит, раскаленная как» [Мокиенко, Никитина, 2008, с. 240].

ЛИТЕРАТУРА

- Ахметьянов Р.Г.* Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Тат. кн. изд-во, 2001. 272 с. На тат. яз.
- Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка = Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. Вып. 1—17. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928—1950.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М.: Русский язык, 1978—1980.
- Дмитриева Л.В.* Названия растений в тюркских и других алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 151—223.
- Дмитриева Ю.* Чувашские народные названия дикорастущих растений. Деврен, 2001. 211 с.
- Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.
- Корнилов Г.Е.* Евразийские лексические параллели. Чебоксары, 1973.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь народных сравнений. М.: Олма Медиа групп, 2008. 799 с.
- Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974.
- Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2007. 1239 с.
- Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Чебоксары, 1996. Т. 1. 470 с. Т. 2. 509 с.
- Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1—34. М.: Наука, 1974—2002.

СИРЁК ОЛЬХА

Сирёк «ольха» — лиственное дерево или кустарник семейства березовых.

Фонетические варианты: *сирёп* (в сочетании: *сирёп тӓрри*); *сирёх* (ср. *сирёх тӓрри*) — название птички, чечетка; *сирёк* (в сочетании *сирёклё сёр*; *Сирёклё ялё*), *Сирётлӓ* — название речки (приток Булы); [Ашмарин, XII, с. 169—171]; *серёк* (Там же. С. 87); *сырак* (Там же. С. 117).

Дериваты: *сирёкай* — название рыбы (на вкус мясо горьковато; то же, что и *сирёк пулли*); *сирёклӓх* «ольховник», «ольшаник»: *Сакӓ ял* — *сирёклӓх*, *тӓла хоратма пит лайӓх* «Эта деревня — ольховник, очень хорошо красить сукно» (корою ольхи красили сукно).

Этимология: По В.Г. Егорову: *сирёк* «ольха», тат. *зирек*, тат. тюрм. *йӓрек агац*, узб. *зирк*, казах. *жирек*, карач. *джерк*, башк. *ерек*, якут. *сихик*, *сисик* «ольха» [Егоров, 1964, с. 214].

По М.Р. Федотову: тюркские соответствия чаг., казах. *зирӓк* «ольха», каз.-тат. *зирӓклӓк* «ольховая роща», башк. *ерек* «ольха», *кара ерек* «ольха черная», *ак ерек* «ольха белая», *ереклек* «ольховник», якут. *сйӓик* «ольха».

Х. Эрен к татарскому *зирек* приводит синоним *йӓрек* и отмечает близость последнего с чувашским *сирӓк* (ссылка М.Р. Федотова на: *Eren H. Remarks on V.G. Egorov's etymological dictionary of Chuvash language // Studies in Chuvash etymology I. Edited by Rona-Tas. Szeged, 1982. Pp. 20—65.*). «Было бы полезным упомянуть о том, — пишет он, — что можно установить связь между венг. *gyürü* (*giren*, *gyrow*) и чув. *сирӓк*. Замечу, что в Диалектологическом словаре татарского языка ((ДСТЯ). Казань: Тат. кн. изд-во, 1969. С. 72.) приводится форма *йӓрек* «ольха», соответствующая литературной форме *зирек*. Ср. морд.Э. *сирть* «ильм», морд.М. *сирек* «ясень», которые Д.Е. Казанцев (*Казанцев Д.Е.* Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбин-

ское время. Йошкар-Ола, 1978. — Ю.И.) относит к финно-пермской общности. Это, на наш взгляд, сомнительно» [Федотов, II, с. 121].

По Ю. Дмитриевой: чув. *şırək* (диал. *şerək, şiräk*); тат. *zirek*, тат. диал. *žirek, yepək, yereç*; башк. *yepək*; к.-балк. *džerk*; туркм. *zirək* «барбарис»; алт. *йүргек, йүрүк* «кедр»; узб. *zirək daraхти*; якут. *sisik* «ольха, вид ивы»; морд. *siräk* «ольха»; венг. *gyürüfa* «клён» или «кизил» [Проблемы исторической лексикологии... , 1980, с. 32—33; Дмитриева Ю., 2001, с. 27]. Из приведенных данных автор заключает, что эти слова предположительно и есть разновременные и разнодиалектные заимствования болгарских и чувашских исходных форм. Татарское, башкирское и мордовское слова А. Рона-Таш считает болгарскими заимствованиями. Итак, тат. *zirek* и морд. *siräk*, судя по их анлаутным звукам, относительно поздние заимствования чув. *şirək*. Исходной формой венг. *gyürü*, тат., башк. *yepək* и к.-балк. *džerk* могло быть булг. **jerik* (*йерик*).

Интересные мысли высказал Г.Е. Корнилов в связи с венгерским *чер* «дуб(овый); *дуб чернильный / или бургундский»; «дубильная кора». Ср. также: *чере* «лес», «кустарник», «дубняк»; *черет* «заросли тростника»; *черёе* «кустарник». Присоединение к радикалсиду *чер* суффикса деминутива *-ё(к)*, *-е(к)* дает реальные для болгаро-чувашских и других тюркских языков пространственно-хронологические алломорфы: *чер(ё)к*, *йер(ё)к*, *(д)жирек*, *şırək* и т.д., каковые мы имеем для большинства алтайских диалектов в значении «ольха», «ольховый». Дубильные вещества, содержащиеся в коре указанных деревьев, с древних пор использовались при выделке кож, а также в качестве красителей [Корнилов, 1973, с. 191].

По Р.Г. Ахметьянову, тат. *zirek* «ольха» — фарсы *zirək, zirik* «барбарис талы сузеннэн» [Ахметьянов, 2001, с. 75], т.е. автор считает, что *zirek* «ольха» от перс. *zirik* «барбарис».

По мнению Л.С. Левитской, чув. *şırək* «ольха» может быть источником тат. *zirek*, могло проникнуть через мишарский зекающий говор. В татарском и чувашском языках одинаково обозначаются виды ольхи: чув. *шорă şırək* «белая ольха» — тат. *ак зирік* «тж»; чув. *хора şırək* «черная ольха» — тат. *кара зирік* «тж» — и встречается фразеологизм *şırək турта ~ зирік тэртэ* «вспыльчивый, обидчивый».

На основе татарской и чувашской форм может быть реконструирован более ранний фонетический вариант **йерик*, **жерик*, который получил отражение в венгерском диалектном *gyürü* «клен» или «кизил». Венгерские этимологи восстанавливают в качестве первоисточника *gyürü* др.-тюрк. **~žirey < ~žiräk* [Севортян, 1989, с. 206].

Л.В. Дмитриева приводит многочисленные тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские параллели: тат. *зирек* < иран. *зирк* «барбарис»; диал. *иерек* ~ *жирек*; башк. *йерек*; чув. *сирёк*; якут. *сисик*; узб. *зирк дарахти* < иран. *зирк* «барбарис + *дарахти* < иран. *дерехт* «дерево» [Дмитриева Л., 1972, с. 199].

Исследователи не обратили должного внимания на якут. *сисик* «ольха», в тунгусо-маньчжурских языках ему соответствуют: эвенк. *сирикта* «ива» (большая, старая); *сириктэ* «ясень», «тополь»; уд. *сйктэ* [**сијиктэ* < **сириктэ*] «ива»; нан. *сириктэ* «ива, тальник» [ТМС, II, 1977, 95]; ср.: *сијэгдэ* «название кустарника». Чув. *сирёк* сопоставимо с эвенк. *сирикта* «ива»; в эвенк. *сириктэ* наблюдается деривация значения: «ива ↔ ясень ↔ тополь». Деривация значения лексем со значением «ольха» наблюдается и в пределах тюркских языков: кирг., туркм. *зирк* «барбарис»; якут. *сисик* < *сирик?* (*р* ~ *с*) «ольха» ↔ «вид ивы» [Сергеев, 2001, с. 63].

Небезынтересно сопоставить чув. *сирёкай*, *сирёк пулли* «форель, пеструшка» с маньчжурским *сири* «язь», «карп» (молодой) [ТМС, II, 1977, с. 95].

Словосочетания: *хура сирёк* «ольха черная»; *шуря сирёк* «ольха серая, белая»; *сирёк сұлси* «ольховый лист»; *сирёк хуппи* «ольховая кора».

Устойчивые словосочетания: *сирёк пулли* — форель, пеструшка; *сирёк тәрри* — чиж; *сирёк турта* — вспльчивый человек (букв. «ольховая оглобля»). *Сирёк пит час хуҗалать*, *сирёке кайт хайяр-сассайнах хуҗалса каять*. Ср.: *кёске турта*, *турти кёске* — у него крутой характер.

Топонимические названия: *Сирёклё*, *Сирёклё Шәхаль* — названия деревень; *Сакә та Сирёклё яләнче үсеҗсё сәмрәкрән ыр хёрсем*. *Сирёклё ялё* (варринче) *вырәнёнче сирёк нумай пуллә*; *Сирёклёх* — название урочища. *Сирёккасси*, *Сирёккасси Туҗа* — название ряда селений в Чувашии: *унта ёлёк сирёклёх пуллә*. *Сирётлө* — название реки, приток Булы, *Сирёкле* — название оврага.

Названия божеств: *Сирёклёхри ырасем*; *Сирёклё* ~ *Сирётлө* — название божества [Ашмарин, XII, с. 169].

Фольклор: *Лапә айёнчи сирёкё каснә чухне хёп-хёрлех, касса пәрахсан шуп-шурах*. *Сирёк тейё* — сырла шыв. *Тытәп терём сирёкрен*, *хурама туя хуҗалчө*. *Сирёк юпа пултәм та уй юпине юрарәм* [Ашмарин, XII, с. 169].

Сирёк курякё — название растения с красным корнем. *Сирёк куряк* — *хёрлө майя*, *ку куряка вильяхсене нумай ситерме юрамасть*, *вал вёлерет*.

Сирёк тӑрри — название птички. *Сирёк тӑрри юр сӑвсанах сирёк сине ларса сирёк кӑчкине юр сине тӑкать. Сирёк тӑррине юр купаламӑ сине серепе лартса, кӑл сапса тытаççӑ.*

Сирёк тӑрри — чечетка. *Тимӑр решеткелӗ чӳрече тулашӗнче сирёк тӑрри (юрлакан кайӑк) ларнӑ.*

Имеется интересная фиксация ритуального обряда, где *сырӑк* (*сирёк*) выступает в роли магического оберега.

Тепӑр кун каçхине, хайхи мимӑре пӑсернӑ чух, хун сырӑк вуттин кӑльне сурт тавра сапса саврӑнчӑ: хӑсан пиçнӑ сӑмартана чӑх пусма ларса чӑп кӑларӑ, савӑн чухне сак кӑл карта урлӑ каçса сурта-йӑре пӑсӑ, тьфу! — тет (пӑсташ тасатни). Сырӑк, тӗнчере санран хӑватлӑ йӑвӑç пулмӑ, шуйттан ытти йӑвӑçӑн чӑлхине пӑлсен те санӑнне пӑлес сук, — терӑ тет. Сав халлап тӑрӑх, сӑнӑ нурт пураттарнӑ чухне алӑк сине юри, пӑсташ ан кӑтӑр тесе, пӑр пӑрене сырӑк хурса хӑвараççӑ. Тата ытти сӑрте те имлӑ теççӑ [Ашмарин, XII, с. 117—118].

В названии обряда *пӑсташ тасатни* «очистка от порчи» есть слово *пӑс* «портить, испортить». *Пӑс* в данном примере означает «производить порчу, вредить колдовством или знахарством». При обряде *пӑсташ тасатни* [Ашмарин, X, с. 146—147] есть речение, в котором называются деревья: *шур хурӑн* («шур хурӑнтан хӑсан та хӑсан чечек тухтӑр та...»); *чӑрӑш* («сав чӑрӑш хӑсан та хӑсан...»). В вышеупомянутом тексте есть название дерева *сырӑк* (*сирёк*) «ольха и зола ольхового дерева (*сирёк вуттин кӑлӑ*), которые используются при изгнании порчи».

Данный феномен связан с мифологическими сюжетами и отражен в традиционных верованиях. По представлениям чувашей, верховный Бог наделил ольху благодатью. Считалось, что блюда, приготовленные на ольховых дровах, обладают сакральной чистотой и приобретают особый аромат. Ольховое бревно рекомендовалось класть в венец над дверью. Оно должно защитить жилище от проникновения злых духов, беречь сруб от гниения [Матвеев, с. 50; Чувашская энциклопедия. Т. 3. С. 320].

Ольха — лиственное дерево или кустарник средней и северной климатических полос из семейства березовых [Ушаков, 2007, с. 599].

Фонетические (диалектные) варианты: *ёлха, елоха, ольшина, ельшина, ольшина, вольха.*

Дериваты: 1) *ольховник, ольшняк, олешиник, ольшаник, елошник, елшаник, елишник, ольховинник, олӑх* «лес, роща; ольховые бревешки, дрова»; *На ольшняке бобышки (почки) — урожай на овес*; 2) *ольховик, ольшаник* «гриб подолешник»; *олешье* «ольховый лес или дрова»; *ольховина, ольшанина, олешина, елишина* «одно ольховое дерево»; *ольховый*

лес; елховый, ельшаный, ольшаный лист — ольшаный, цвета ольхи, желто-бурый, особенно о птицах; ольшняковые (заросли); *ольшанка* — 1) пташка (птица); 2) разная мелкая рыбка, более овсянка; *ольховка* — местная северная куропатка; *ольшаный* (ястреб) — весь бурый, без белизны и без мелкой ряби: мыться ястреба по возрасту меняют перо; молодые бывают ольшаные, принимая исподволь более ряби и голубизны; старые чисторябые. Возможно, производным словом можно считать *олядия* (стар.) «ладья, лодья» [Даль, II, с. 672].

Этимология. Ольха — общеславянское, имеющее соответствия в балтийских языках. Является суффиксальным производным от того же корня, что и *олово* (ср.: лат. *alrus*, др.-в.-нем. *elira*). Дерево названо по цвету [Шанский, Иванов, Шанская, 1971, с. 308].

Славянские соответствия: укр. *вільха*, серб. *jeljha*, болг. *елха*, сербохорв. *joha, jova* (из *jeoha*), словен. *jelsa*, диал. *olša, jolša*, чеш. *olše*, словац. *jelša*, польск. *olcha, olsza*, в.-луж. *wolša*.

Праславянское **jeljha* наряду с **olъha*; родственно лит. *alksnis, alksnỹs, aliksnis* «ольха»; латыш. *ālksnis, ēlksnis*; д.-в.-нем. *elira, erila*, нов.-в.-нем. *Erle* «ольха», сближают с др.-в.-нем. *ēlo* «желтый, рыжеватый». Колебание **elis-*: **olis-* носит уже индоевропейский характер. От *ёлха* образована фам. *Ёлиин* [Фасмер, III, с. 137—138].

Словосочетания: *ольховый лес; ольховый, ельшаный лист; ольшаный стол: Толкуй про ольховые, а дубовые крепче; черная ольха, каменная ольха — ольховый ерник «подольшаник»; ольховая ложка, ольховая жердь.*

Пословицы, поговорки, загадки: *Исподволь и ольху согнешь, а вкруть и вяз переломишь. Коли береза перед ольхой лист распустит, то лето будет сухое, а если ольха наперед, то мокрое. На ольхе много сережек — к урожаю овса, а много шишек — к урожаю ячменя.* [Мокиенко, Никитина, 2008, с. 259].

Ольха была оберегом от порчи, непогоды и болезни [Библиотека... , 1988, с. 53].

Сравнения:

— *картошка дробная (мелкая) як яблочки ольховые* — об очень мелкой картошке;

— *сидит як ольховый клин: ни туды ни сюды* — о чьем-л. безвыходном положении.

ЛИТЕРАТУРА

Ахметьянов Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Тат. кн. изд-во, 2001. 272 с. На тат. яз.

- Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка = Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. Вып. 1—17. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928—1950.
Библиотека русского фольклора. Былины. М., 1988. 548 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М.: Русский язык, 1978—1980.
- Дмитриева Л.В.* Названия растений в тюркских и других алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 151—223.
- Дмитриева Ю.* Чувашские народные названия дикорастущих растений. Деврен, 2001. 211 с.
- Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.
- Корнилов Г.Е.* Евразийские лексические параллели. Чебоксары, 1973.
- Матвеев Г.Б.* Чувашское народное зодчество. Чебоксары, 2005.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь народных сравнений. М.: Олма Медиа групп, 2008. 799 с.
- Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1980. 159 с.
- Севортян Э.В., Левитская Л.С.* Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы «С», «Ж», «Й». М., 1989.
- Сергеев В.И.* Чувашско-тунгусо-маньчжурские лексико-семантические параллели. Чебоксары, 2001. 263 с.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: в 2 т. Т. 1. Л.: Наука, 1975. Т. 2. Л.: Наука, 1977.
- Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2007. 1239 с.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964—1973.
- Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Чебоксары, 1996. Т. 1. 470 с. Т. 2. 509 с.
- Чувашская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. Чебоксары, 2009.
- Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

ЏЎСЕ ИВА, ТАЛЬНИК, РАКИТА

Џўсе «ива, тальник, ракета» — дерево или кустарник с узкими листьями и гибкими ветвями.

Топонимические названия: *Џўселлĕ вар*; *Џўселлĕ сырма* — названия урочищ [Ашмарин, XII, с. 308]. *Џўселлĕ вар*, *Џўсе варĕ* — названия местности, оврага.

Дериват: *сўселĕх* «лозняк, ивняк, заросли тальника, раkitник».

Этимология. Чувашское *сўсе* кроме значения «ива, тальник, ракета» известно и в значении «бахрома, кисточка», они являются омонимами. То же самое можно сказать о диалектном *сўсе* «сухожилие»; ср.: *сўс питти*, *сўс витти* «сухожилие». В тюркских языках нами параллелей не выявлено.

В.Г. Егоров дает параллели слова *сўсе* лишь в значении «бахрома, кисточка»: тат. *чачак*, башк. *сасак*, азерб. *сачак*, туркм. *сечек*, тур. *сачак*, уйг. *чучи* «бахрома», кирг. *чачос*, казах., ног. *шашак* «кисточка, бахрома» — и вопрошает: «Может быть, от *сўс*?» [Егоров, 1964, с. 224].

М.Р. Федотов не приводит сведений об этимологии *сўсе* «ива».

Ю. Дмитриева допускает, что в чувашском языке это слово имеет метафорическую природу: ива могла получить название благодаря сходству ее свисающих ветвей с кистями, бахромой. С семантической стороны такая гипотеза возможна, однако возникают фонетические трудности: если чув. *sűse* возводить к праформе **čačak*, то трудно объяснить произношение *ű* вместо *a*. Можно допустить, что *-aq* — аффикс уменьшительности, а в основе слова лежало тюрк. *čač* < *šač* ~ чув. *sűś* «волосы» [Проблемы исторической лексикологии ..., с. 30; Дмитриева Ю., с. 43].

Говорить, что чувашское *сўсе* «ива» не имеет в других тюркских языках параллелей, будет не вполне верно, ибо якут. *сисик* «вид ивы»

напоминает чув. *сўсе*. Видимо, якут. *сисик* имеет тунгусо-маньчжурское происхождение: ороч. *сиси* «ива», *сисиктэ* «ива» (старое дерево). Возможно, ороч. *сирикте* «ива» < *сирикта*, удм. *сиктэ* < *сијиктэ* < *сирикта* «ива» [Дмитриева Л., 1972, с. 188].

Словосочетания: *кахър сўсе* «плакучая ива», *хёрлэ сўсе* «краснотал», *шурй сўсе* «ива»; *сўсе тёмё* «раkitовый куст»; *тип сўсе* «бредина»; *сўсе хулли* «ивовый побег» (или прутья); *сўсе хуппи* «кора ивы»; *сўсе шанки* «гальник» (срубленный, без коры); *сўсе сулси* «лист ивы»; *сўсе шулчи* (диал.) — название растения [Ашмарин, XII, с. 308].

Фольклор: *Шыв хёрринче сўсе ўсет-ске, сўсе айёиче сырла та пишет-ске* «Как у речки растёт ракита, а под ракитой зреют ягоды». *Куккук а́ста авятать? Върман сумёиче сўсере (сўселёхре е сўсе синче?)* «Кукушка где кукует? Около леса на раkitке (или в ивняке?). *Эпёр кайсал сўсенни — сўсе йвэйс йатас сук* [Ашмарин, XII, с. 308—309].

ЛИТЕРАТУРА

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка = Чăваш сăмахёсен кёнеки. Вып. 1—17. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928—1950.

Дмитриева Л.В. Названия растений в тюркских и других алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 151—223.

Дмитриева Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений. Дребрен, 2001. 211 с.

Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.

Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1980. 159 с.

ТУПА́ЛХА ТАВОЛГА

Тупа́лха «таволга» — луговое многолетнее растение из семейства розовых с крепким стеблем и соцветиями белых душистых цветов [Ушаков, 2007, с. 1029].

Фонетические варианты: *тупа́лка, тупа́лта, та́пала́* [Ашмарин, XIV, с. 145, 285].

Дериваты: *тупа́лхала́х* «заросли таволги»; *тупа́лха* — название дерева; таволга, жимолость, таволжанка; кустарник, из корней его вяжут черенья для плетей, отличается своею гибкостью. *Ту, ту та́ра́х тупа́лха, турта тума юрать-ши? Лаши епле — тур лаша, турти епле — хурама, пёкки епле — тупа́лха. Шыва́н леш аяккинче юн пек хёрлэ тупа́лха. Тупа́лха теҫсё тата, пёкё аваҫсё унтан. Качча́на хёр хушшине тупа́лха шатса тухинччё. Тупа́лха та турта, тура́ лаша. Саря́-саря́ тупа́лха, сакяр ҫёртен хуҫалчё. Сирён алла́рти туйа́рсем тупа́лха-и, ҫёмёрт-и? Ва́л ку тупа́лхаран ша́хлинчё та́ват, ша́хартма ты́танат.*

Тупа́лха — дерево, красное, как кровь, твердое, не режет нож (нухайкка аври); Ушкя́н кяна ушкя́н ай тупа́лха, хёрлисене суйласа касра́-ма́р. Туртисене тупа́лхаран тутартя́м. Вилнё ҫынна ҫуса тупа́ка ырттарсан ун сулахай аллине тупа́лха (тупа́ла́ха) ты́ттарасҫё; тупа́лха пулмасан — йёплё хула́... Ва́л патака ак мёниён ты́ттарасҫё: ҫынна пытарсан ун патне шуйттансем пырса сыра́наҫсё, вилнё сын вара шуйттансене хай патёнчен ҫав тупа́лха патакёне хаваласа ярат тет. У каждого будто бы есть «тупа́лха»; оно сильнее всех других растений для изгнания злых духов.

Тупа́лха — род ивняка, очень жесткое дерево, даже, говорят, будто оно в воде тонет. Кора совершенно красная. На базарах бывают плетеные кнутики из «тупа́лха» [Ашмарин, XIV, с. 145].

Тупа́лка — название дерева. Унтан вара а́на ҫуня́ чухне тупа́лка хуллине виҫё хут ҫура́мёнчен са́та́раҫсё, унтан калаҫсё: ҫак тупа́лка епле пит кирлэ, ҫавя́н некех тура́ а́ста́мака (ҫа́тмаха) ку́рттёр теҫсё. Унтан вара тупа́ка ырттарасҫё [Ашмарин, XIV, с. 144—145].

По данным словаря Н.И. Ашмарина, *тупълха* «таволга» пригодна для изготовления плетей (в виде череньев), оглоблей, дуг (для упряжки), тросточек, свистулек, кнутовищ и т.д.

Этимология. В.Г. Егоров и М.Р. Федотов ограничились приведением лексических параллелей: чаг. *табулгу*, хак. *табылгы*, алт.В. *табылгы*, *табылка*, узб. *тобулги*, казах. *табылга*, кумык. *тобургу*, тат. *тубылга*, азерб. *топулга*, тур. *тобулга*, *тавулга*, *таволожник*; ср. монг. *тавилга* «таволга» и указали, что в русский язык слово проникло из тюркских языков [Егоров, 1964, с. 258—259]. М.Р. Федотов дополнительно привел башк. *тубылгы* бот. «чилига» [Федотов, II, с. 250].

Ю. Дмитриева добавила данные из якут. *tamaltan*, *tamalɣan*, *tamilɣan* «таволга», растение из семейства лютиковых; узб. *tobulgi* «таволга зверобойнолистная»; кирг. *tabilgi* «спирея»; соответствия из монгольских языков; ср. х.-монг. *tavilga* «таволга иволистная», *tavilgana* «таволга средняя»; калм. *täwɫɣa* «ein Strauch (mit roten Früchten und sehr hartem Holz); Spierstrauch» [Рамстедт, 1952—1957, с. 388], и указала, что русское *таволга* М. Фасмер считает заимствованием из тюркских языков [Дмитриева Ю., 2001, с. 27—28].

Названный фитоним был описан рядом исследователей (В.Г. Егоров, М. Рясянен, Х. Шернер, Ю. Дмитриева, И. Добродомов, Х. Жаримбетов, Х. Цинциус и др.), однако большинство из них соотносит его только с данными разных языков и не берется за их этимологию. Л.В. Дмитриева предлагает две возможные этимологии: 1) основу **таб* ~ **тав-ыл* со значением «бегать», «прыгать» соотносит с финно-угорской основой **tule* «ветер», в связи с чем представляется ей следующее развитие: «таволга» ← «ветер» (← «бежать, скакать»), т.е. «таволга» — то, что от ветра (защищает?). По ее мнению, «с этим перекликалось бы использование засухоустойчивой и зимостойкой таволги (по аналогии с ней — обладающего теми же качествами тамариска) для изгородей». Во втором случае автор рассматривает ностратическую основу **taph(a)* «бить», т.к. «таволга издавна используется, как и тальник, ива, в связи с гибкостью ее прутьев для хозяйственных поделок, и перед употреблением их обычно бьют, мочат». Тогда тюркское словообразование следует объяснить следующим образом: **tapı* «бить» + аф. *-l-qu* / *-l-qa*. Ю. Дмитриева пишет, что «второй вариант кажется более убедительным» (Там же).

Соглашаясь с мнением И.Г. Добродомова, считающего татарское и башкирское *табылгы* чувашизмами при формах *tibilqu*, *tavilqu*, *tavilquç* в памятниках древнетюркской письменности, из-за гетерогенности акцентологического варианта *таволга*, *тавллага* это слово

Ю. Дмитриева склонна относить к болгаризмам русского языка. Русское *таволга* и чувашское *тупӑлха*, по ее мнению, восходят к разным болгарским диалектам [Дмитриева Ю., 2001, с. 28].

По Р.Г. Ахметьянову: *тубылгы* «таволга» — тат. диал. *тубырхан*, *тубылдык*, удм. *тубылгы*, мар. *товылго* «таволга», «рукоятка нагайки»; тат. диал. *тубалгы*; др.-тюрк. *табылку*, алт. *табалгы*, саг. *табылкат*, чув. *тӑпӑлхӑ*, вернее: *тӑпӑлха* [Ашмарин, XIV, с. 285]; киргиз. *табылга*, кумык. *тобургу*, якут. *тобулуоскай*; от корня: монг. *топул*, др.-тюрк. *тамал* «пройти через», «продырявить».

Далее автор пишет: «Тубылгының кайбер төрләрә йомшак үзәк-ле, туры ботаклы була. Үзәген тишәп, аннан шүрә һ.б. ясала; кара фарсы *тубурлан* «чыбыркы сабы». Икенче яктан, тубылгыны чәчәкләрә шарсыман була» [Ахметьянов, 2001, с. 209].

По М. Фасмеру: *таволга́* — растение *Spirala*, *та́волга*, *тавлaга*, прил. *таволиновый*; др.-рус. *туволжан* «из таволги». Название заимствовано из тюркских языков: ср.: тат., башк. *tubilyu* «таволга, жимолость». Шахматов предполагает исконно слав. **тавьлга*. От *таволга́* образована *таволжанка*, откуда под влиянием названия реки Волга по народной этимологии — *волжанка* «таволга» [Фасмер, IV, с. 8].

Словосочетания: *тупӑлха туя* «тросточка из таволги», *тупӑлха сьрли* «ягода таволги».

Имеется образец рекрутской песни, записанной в 1969 г. в с. Мачкино Шитонского района Куйбышевской области от М.Н. Архиповой (1919 г.р.), где поется о красной таволге [Кондратьев, 1982, с. 137—138]:

*Хёрлӗ-хёрлӗ тупӑлха
Хамӑр хирте ой пулинчӗ,
Хамӑр хирте пулинчӗ,
Турта явма ой юринчӗ,
Турта явма юринчӗ.
Сут тур утне ой кӳлмешкӗн,
Сут тур утне кӳлмешкӗн.
Кӳлнӗ тӑратнӑ тур утне,*

*Кӳлнӗ тӑратнӑ тур утне
Аста каймашкӑн ой кӳлнӗ-ши?
Аста каймашкӑн ой кӳлнӗ-ши?
Туя кайма ой кӳлнӗ-ши?
Туя кайма ой кӳлнӗ-ши?
Пӑрех те туя кайма мар,
Пӑрех те туя кайма мар,
Прием умне ой каймашкӑн.*

«Красным-красна таволга
На нашем поле, ой, была бы,
На нашем поле была бы,
Постромки вить, ой, пригодилась,
Постромки вить пригодилась бы.
Светло-гнедого коня, ой, чтоб запрячь,
Светло-гнедого коня чтоб запрячь.
Запряжен, приготовлен,
ой, гнедой конь,

Запряжен, приготовлен гнедой конь.
Куда же ехать, ой, запряжен?
Куда же ехать запряжен?
На свадьбу ехать запряжен, ой, может?
На свадьбу ехать запряжен, может?
Совсем не на свадьбу, ой, ехать,
Совсем не на свадьбу ехать,
В рекрутский приемник, ой, ехать».

В этой песне, по нашему мнению, метафорически изложен жизненный путь, полный лишений и тягот жизни. Не зря в тексте песни упоминается *турта* (постромки). С одной стороны, у постромок, если можно так выразиться, незавидная судьба, с другой же стороны, они изготавливаются из дерева, которое способно выдерживать большие нагрузки.

ЛИТЕРАТУРА

Ахметьянов Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Тат. кн. изд-во, 2001. 272 с. На тат. яз.

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка = Чăваш сĕмахĕсен кĕнеки. Вып. 1—17. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928—1950.

Дмитриева Л.В. Названия растений в тюркских и других алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 151—223.

Дмитриева Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений. Дебрецен, 2001. 211 с.

Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.

Кондратьев М.Г. Песни низовых чувашей. Чебоксары: Изд-во НИИ, 1982. 176 с.

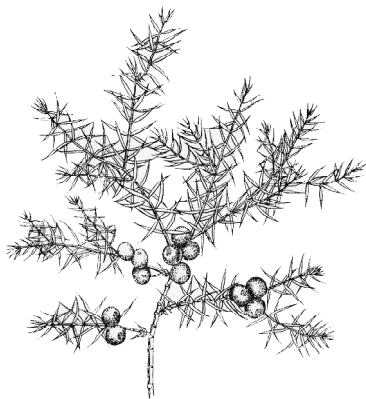
Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2007. 1239 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964—1973.

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Чебоксары, 1996. Т. 1. 470 с. Т. 2. 509 с.

Ramstedt G.J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft: 2 Volumes. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1952—1957.

УРТАШ МОЖЖЕВЕЛЬНИК

Урташ «можжевельник» — хвойное дерево или кустарник из семейства кипарисовых.

Фонетические варианты: *ортайш, урттайш, урча, орча, орчай йўс, орчуш, орча, орчай, уртмайш* [Ашмарин, V, с. 401]; *урттуш, орча, увттайш, орчуш* [Ашмарин, III, с. 195, 291]; *уртмайш, отчай* [Ашмарин, V, с. 401—402]; *урт (урт йывайсци)* — «можжевельник» [Сергеев, 2001, с. 75]; ср. *урт ~ орт йывайс(ци)*; *орча йывайсци* [Ашмарин, III, с. 289—291]; *уртмайш* — название дерева «можжевельник».

Этимология. По данным В.Г. Егорова: *уртайш* «можжевельник», МК. *артуч*, Замахш., кирг., туркм. *арча*, узб. *караарча*, казах., к. калп. *арша*, уйг. *арча ардаш*, азерб., тур. *ардыч*, тат., башк. *артыш* «можжевельник»; ср. перс. *ардадж* «можжевельник» [Егоров, 1964, с. 276].

По М.Р. Федотову [Федотов, II, с. 288]: *уртайш/урттайш/ортайш/орайш*: *уртайш йывайсё; орайш йўс* «можжевельник». Башк. *артыш* и якут. *арчы* этногр. религ. окуривание; береста, лучинки для окуривания (из дерева, разбитого молнией); ср. чув. *увттайш*, какое-то душистое дерево. М.б. искаженное *урттайш?* [Ашмарин, III, с. 195]. У Н.И. Ашмарина в дополнениях упоминается *уртмайш* — название дерева, можжевельник. *Ёлэк чываисем этем мурё (холера, чума) килет тенине илтсен уй хапхи патёнче вут хурса сунтарса лараччёс; вутне хапхаран тул енне икё айккине те хуратчёс; унта уртмайш йывайсене анчах хурса сунтараччёс: унан тётёмёнчен мур хайраса тарать тесе ёненеччёс.* [Ашмарин, V, с. 401] Ср. еще: *Урттайш* — усал-тёселтен кирлё япала [Ашмарин, III, с. 290].

Далее М.Р. Федотов приводит параллели — монг. яз.: п.-монг. *арча*, монг. *арц*, бурят. *арса* «можжевельник»; тунг.-маньчж.: эвенк. *арча*, нег. *атчимка* (< **арчимка*) «можжевельник»; «багульник», нан. *арча* — название хвойного кустарника; вид тальника; маньчж. *арча*

бурга, *арчилан бурга*, *аршан бурга* «ивняк» — используется для поделок [Федотов, II, 288]. У М.Р. Федотова дана ссылка на «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» [ТМС, I, 1975, с. 52], где сказано, что источником тунгусо-маньчжурских слов считаются монгольские и древнетюркские параллели; среди них бурят. *арса* «можжевельник»; *арсада* «окуривать можжевельником»; якут. *арчыла* ~ *аччыла* «окуривать».

Л.В. Дмитриева в словарной статье «можжевельник» приводит чув. *нăхăт йывăçси* < [нхт < иран. *нохуд* «горох»] [Дмитриева Л., 1972, с. 197].

В действительности, в чувашском языке есть *нăхăт* (*нухăт*, *нăкăт*), *нăхăт йывăçĕ* «можжевельник». Н.И. Ашмарин *нухăт* дает в следующем значении: первоначально «ворожба» (от араб. *нутыг* «ворожба»), но это значение современным чувашам уже не вполне ясно. Известно употребление его в сочетаниях: *нухăт йывăçси*, *нухăт хулли* — кустарниковое растение, растущее по склонам гористых мест и употребляемое при ворожбе. В некоторых местах чувашаи само растение называют *нухăт*, иногда его ягоды. *Нухăт хулли* — название кустарника, употребляется при ворожбе, гадании [Ашмарин, IX, с. 44]. Отсюда: *Нохатнар* ~ *нохăтнар* — неизв. слово, см. *нухăт*; *Нохатнар киремечĕ* — название киремети; *Нохатнар сырми* — название оврага (Там же).

Столь широкое распространение названий этого вида растения в алтайских языках (*ардыш*, *ардыч*, *урча*, *арча*) должно было предостеречь этимологов от прямолинейного возведения *ардыч* и *арча* к пратюркскому отглагольному имени *арыт* «чистить»; *ары* «быть чистым». Естественно, можжевельник (*уртăш*) широко использовался чувашами в обрядах очищения. Но следует обратить внимание на то, что можжевельник (*Juniperus*) использовался также в обрядах очищения у разных народов Евразии. У русских и финно-угров, многих тюркских народов окуривание можжевельником получило значение религиозного обряда, соответствующего каждению ладаном у христиан. Если исходить из этого, то во всех языках евразийских народов можжевельник должен был быть производным от глагола со значением «быть чистым» или от прилагательного «чистый». Но этого нет, значит, поиски этимологизации этого слова нужно вести по другому руслу. Следует обратить внимание на разнозначимость слова *ардыч* — *арча* в разных языках; ср.: *ардыч* — *ардуч* «разновидность кипариса», азерб. диал. *ардыш* «ель, ёлка»; тур. диал. *ardi* «горное растение», «туя, кипарис»; зафиксированы также значения: «сосна, пихта, вереск, ива, тальник», «багульник» и т.д. Этот перечень на-

званий настораживает и призывает искать другие пути этимологии слова *уртӑш/орӑш/урча/орча/орчча*. На наш взгляд, у этого слова сохранился корень (*ор/ур*) со значением «дерево», как и в слове *орман (урман/вӑрман)*, на что указывал Э.В. Севортян. По нашим исследованиям, чув. *урча* — *орча* и тюрк. *арча* «можжевелик» относятся к «р» группе слов тюркских языков со значением «дерево» [Исаев, 2010, с. 61]. Это значит, что первоначально оформились слова *арча/урча/орча*, а затем под воздействием народной этимологии появилось слово *ардыч/артыч*, чув. *уртӑш*, где *д (т)* представлен как деривационный элемент под влиянием слова *ард* «разновидность кипариса» [Севортян, 1974, с. 182] или под влиянием глагола *артыш* «очистить, чистить».

Фитоним *уртӑш* (в различных фонетических вариантах) часто выступает с компонентом *йывӑс, йывӑсӗ, йывӑсци*.

Уртӑш йывӑс «можжевелик»: *Хура вӑрман витӗр тухрӑм (sic!) чуне уртӑш йывӑс сине уртӑнтӑм* «Когда проходил через дремучий лес, я опирался на можжевелик» (букв. «на можжевелевое дерево»). *Вӗссе пыран ӑмӑрт кайӑк та уртӑш йывӑс сине ларса канать* «Даже орел, пролетая, садится отдыхать на можжевелевое дерево». *Уртӑш йывӑсци пӗкечи, хурама хуппи шӑнарши* (сӑпка) «Дужка люльки (зыбки) из можжевелика, колыбель из коры вяза». *Уртӑш йывӑсци... хурӑн евӗрлӗрех хуппи* «Можжевелевое дерево, его кора похожа на березовую» [Ашмарин, III, с. 290—291].

Уртӑш имеет вторичное значение — «павлин»; *урттӑш кайӑк* — название птицы (то же, что *шаланкӑш?*). *Сав улма йӑвӑсци тӑрринче уртӑш кайӑк пур, чӗлхипе кӗвӗ калать, суначӗпе сунать, урине ташлат* «На той яблоне есть птица (глухарь?), языком мелодию играет, крылышками хлопает, ногами пляшет». *Уртӑш кайӑкӗ* «глухарь» (птица) [Ашмарин, III, с. 290].

Словосочетания: *уртӑш йывӑсӗ* «можжевелевое дерево, можжевелик»; *уртӑш туя* «можжевелевая палка»: *уртӑш (орчча) сырли* «ягоды можжевелика», *уртӑш кайӑкӗ* 1) «павлин»; 2) «глухарь».

В словаре Н.И. Ашмарина *уртти* — неизвестное слово, по-видимому, «оцеп» [Ашмарин, III, с. 290]. При этом приведено изречение: *Ылтӑн сӑпкине ырттарчӗс, кӗмӗл урттинпе сиктерчӗс*. Если учесть, что в колыбельных песнях *уртӑш йывӑс сиктӗрми* — «можжевелевый оцеп» (или «оцеп из можжевелика»), то перевод будет таков: «Положили в золотую колыбель, качали серебряным оцепом (из можжевелика)».

Народная колыбельная песня:

*Пилеш йывăç пёкечи,
Уртăш йывăç сиктёрми.*

«Дужка колыбели из рябины,
Шест из можжевельника».

Варианты:

*Улма йывăç пёкечи,
Уртăш йывăç сиктёрми.*

«Дужка люльки из яблони,
Оцеп из можжевельника».

*Уртăш йывăç пёкечи,
Пилеш йывăç — сиктёрми.*

«Дужка люльки — можжевельник,
А оцеп из рябины».

Еще один вариант колыбельной песни записал М.Г. Кондратьев в 1975 г. со слов А.В. Родионовой, 1920 г.р., жительницы д. Новая Шемурша Шемуршинского района Чувашской АССР [Кондратьев, 1982, с. 97]:

*Уртăш йывăç пёкечи,
х/урама хупти сӑпки.
Сывӑр, хёрём, сывӑр,
сывӑр канлӗ ыйхана.*

«Из можжевелевого прутика дужка,
из вязовой коры колыбелька.
Спи, доченька, спи,
спи спокойным сном».

Тюркоязычные народы, в том числе и чувашаи, издревле верили в сверхъестественные свойства кустарника *уртăш* (*артыш*) «можжевельник». Дымом его отпугивали злых духов от жилища, скота и людей. Духи, по поверьям, боятся колючих растений. Синонимом слова *уртăш* можно считать *нӑкӑт* — название кустарника. *Нӑкӑт* (*йывăç*). Название ягоды. *Нӑкӑт тесе сырлине калаççӗ* [Ашмарин, IX, с. 53]; *нӑхӑт йывăçси* «можжевельник» [Федотов, I, с. 371].

Такое отношение к можжевельнику подтверждает его использование в поминальных обрядах. Так, например, у башкир на доски, на которых лежит покойник, расстилают траву *артыш*, иногда обмахивают его (покойника) горячей веткой, очищая тем самым дом от скверны. Также клали можжевельник под голову покойника, в могилу [Башкирское народное творчество ... , 2010, с. 308, 318]. При обмывании покойника у татар вокруг жгли можжевельник — *артыш*. Иногда это делали и после выноса покойника [Уразманова, 1924, с. 119].

У тувинцев существовал необычный обряд, который использовался в тех случаях, когда в доме часто умирали дети. Ребенка тайно отдавали другому человеку, который клал его за пазуху и уносил. После его ухода жгли можжевельник, чтобы духи не погнались за ребенком [Алексеев, 1980, с. 161]. Одежду умершего ребенка окуривали дымом можжевельника, после чего она считалась пригодной для ношения (Там же. С. 213).

Чуваши в древности активно использовали целебные свойства *уртăш*. Когда появлялись слухи о приближении какой-нибудь

эпидемии (холеры или чумы), они разжигали возле внешних ворот костер и жгли там только ветки можжевельника, верили, что болезнь боится его дыма [Пилсемпе кёлёсем, 2005, с. 337]. «Ягоды можжевельника используются также как мочегонное средство при водянках, кровотечениях у женщин, отеках, при угаре и головной боли» [НА ЧГИГН. Фонд Н.В. Никольского. Инв. № 6052. С. 13].

Свойство отпугивать злых духов приписывали можжевельнику и финно-угорские народы. В частности, предки удмуртов вешали ветки можжевельника над дверью и окнами, считая, что он обладает охранительными свойствами [Садиков, 2010, с. 70].

Р.Г. Ахметьянов приводит тат. *ногыт* «бобы», уйг. диал. *нокут*, тур. (осм.) *нохуд*, др.-чаг. *нохуд* «бобы»; перс. *нохуд* «горох, бобы»; ср. др.-рус. *нохоть* «горох», чув. *нухът* «гадание, ворожба», коми, мар. *ногун* [Ахметьянов, 2001, с. 152].

В тюркских языках имеются разные наименования можжевельника: к.-балк. *шкилди* ~ *шхылды*; тув. *шаанақ* «можжевельник (сибирский)», «багульник», якут. *кытыан* «можжевельник», «вереск».

Подробная этимологическая справка о чувашском *уртйш*, диалектном *урча* дана Ю. Дмитриевой: «Для обозначения можжевельника в чувашском языке употребляются три слова: общечувашское *уртйш*, диалектные *урча* и *ломихоши*. Первые два слова имеют множество структурно-фонетических вариантов обоих компонентов. По происхождению их можно отнести к тюркскому. Диалектное *ломихоши* зафиксировано в словаре Н.И. Ашмарина, можно отнести к марийскому этимону *лымегож*».

Тат. *артыш* «можжевельник» Р.Г. Ахметьянов связывает с др.-тюрк., др.-монг. *артича* «чистый», «свежий» и корнем считает **ar* [Ахметьянов, 2001, с. 19].

Э.В. Севортян слово *arĉa* (*артыш*, *ардыч*, *арчын*) считает производным с уподобительно-уменьшительным аф. *-ча* от *ард* «разновидность кипариса» (*арча* < *ард* + *-ча*) и отмечает, что в «Сокровенном сказании» *arĉa* означает «туя», «кипарис» [Севортян, I, 1974, с. 173—174, 182—183]. Кстати, отметим, что в тюркских языках *arĉa* не только «можжевельник», но и «сосна», «пихта», «елка», «туя», «вереск»; а в монгольских *arĉa* — «тальник», в тунгусо-маньчжурских — «багульник». Это наталкивает на мысль о том, что архаический корень в слове *arĉa* < **ar* со значением «дерево» с вариантами **or* ~ **ur* (ср.: чув. *уртйш* ~ *ортйш* ~ *орчча*; ср. тофаларское *or* «дерево» в *орман* ~ *урман* «лес», где *ор* ~ *ур* + суф. *-ман* [Севортян, I, 1974, с. 472—473]).

Можжевельник — хвойный кустарник из подсемейства кипарисовых с душистыми ягодами.

Можжевельник (можжевельник, можжевель) — хвойный кустарник *Juniperus communis*, верес (не вереск), которым посыпают путь при похоронах, а ягодами его окуривают; *мозжуха, арса, яловец, бруждевельник, еленец, арча, каменный верес, кедровый верес, испанский, красный = кедр казачий, казацкий можжевель, артыш, арца, арха* или *ардыш*.

Мозжуха — михунка — растение *мозжуха, мошнуха*, песьи вишни [Даль, II, с. 330].

Можжевельник зацветает — пора сеять ячмень.

Производные: *можжевельный, можжевельный* — к можжевелу относящийся. *Можжевелина, можжевелинка* — можжевельная ветка или ягода.

Можжевельник — большой, серый, пестрогрудый дрозд.

Можжевелька — водка, настоянная или перегнанная на можжевельных ягодах.

Мозжуха ~ мозжуха — можжевель; сушеная можжевельная ягода.

Мозжушник — кустарник можжевель. *Мозжушный, можжевельный* [Даль, II, с. 338].

Арса — можжевельник. Народ в разных местах путает названия растений, а ученые наши, не менее того, и пишут, не дослышав: *верес, верест* вместо *вереск*; *арс* вместо *арса*; *ардыш* вместо *артыш* [Даль, I, с. 24];

арца, артыш, арса — растение, казачий можжевельник [Даль, I, с. 25];

верес, вересок или *боровый вереск* — растение, которое глушит лесные поляны. Производные: *вересник, вересняк* — вересковая заросль; ошибочно зовут так и можжевель, а иной раз и багульник; а как *вереск* называется *ёрником*, так местно *березовый ерник* зовут *вереском*; *вересовый, вересковый* — к нему относящийся;

вересной — хвойный, смолистый, вообще удушливо пахучий;

вересить — курить, дымить, чадить; пахнуть хвоей, смольем;

вересовик — 1) можжевельный квас; 2) гриб или губа, губка, нарастающая на можжевельных пнях [Даль, I, с. 180].

Этимология. *Можжевель, мож(ж)евельник*; диал. *можжуха*; др.-рус. *можжевельник*. Вероятно, связано с *мозг* «ядренная, крепкая древесина», по-видимому, расширение **mozgъ*, основа на *-ju-*; некоторые сближают это слово с лит. *māzgas* «узел» и считают исходным значением «узловатое дерево». Явно ошибочно производное из **межеельник* «растущий между ельником» [Фасмер, II, с. 637].

Русские также приписывали можжевельнику сверхъестественные способности. Чтобы сливки получались хорошими, в Чистый четверг парили кринки можжевельником, а если кто-то видит мож-

жевательник во сне, то это является знаком о покойнике [Грушко, 1995, с. 273].

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 315 с.

Ахметьянов Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Тат. кн. изд-во, 2001. 272 с. На тат. яз.

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка = Чӑваш сӑмахӑсен кӑнеки. Вып. 1—17. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928—1950.

Башкирское народное творчество (обрядовый фольклор). Т. 12. Уфа, 2010.

Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. Н. Новгород: Русский купец, Братья славяне, 1995. 560 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М.: Русский язык, 1978—1980.

Дмитриева Л.В. Названия растений в тюркских и других алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 151—223.

Дмитриева Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений. Дебrecен, 2001. 211 с.

Дмитриева Ю. К этимологии некоторых чувашских фитонимов // Проблемы составления этимологического словаря отдельного языка. Чебоксары, 1986. С. 143—151.

Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.

Исаев Ю.Н. Словообразовательный и семантический анализ флористической терминологии языков различных систем. Чебоксары: Изд-во Чуваш. унта, 2010. 255 с.

Кондратьев М.Г. Песни низовых чувашей. Чебоксары: Изд-во НИИ, 1982. 176 с.

Народная медицина у чуваш. НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 284.

Чӑваш халӑх пултаруӑхӑ: пилсемпе кӑлӑсем. Шупашкар: Чӑваш кӑнеке изд-ви, 2005.

Садиков Р.Р. Религиозные верования и обряды удмуртов Пермской и Уфимской губерний в начале XX века (экспедиционные материалы Уно Хольмберга). Уфа: Институт этнологических исследований УНЦ РАН, 2010. 100 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и мезтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974.

Сергеев В.И. Чувашско-тунгусо-маньчжурские лексико-семантические параллели. Чебоксары, 2001. 263 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. В 2 т. Л.: Наука. Т. 1. 1975. Т. 2. 1977.

Уразманова Р.И. Современные обряды татарских народов. Казань, 1924.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964—1973.

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Чебоксары, 1996. Т. 1. 470 с. Т. 2. 509 с.

ХА́ВА ИВА

Х́ава «ива, тальник, куст» — кустарник или дерево с гибкими ветвями и узкими листьями.

Фонетический вариант: *хуа*: *ола хуа*, *ахаль хуа* «тальник»; *хёрлё хуа* «верба»; *хуа сўлчи* — название рыбы [Ашмарин, XVI, с. 140—141]; *хува* [Ашмарин, XVI, с. 144].

Х́ава «ива / ивовый».

Дериват: *х́авалӑх* «ивняк, лозняк, тальник»; *х́авалӑх вӑрман* «ивовые заросли»; *х́авалӑ* «заросший ивами, ивняком, тальником», *х́авалӑ сыран* «берег, заросший ивняком».

Этимология. По В.Г. Егорову: *х́ава* 1) ива; 2) куст; тат. *куак*, башк. *кыуак*, ног. *кувак* «куст»; тув. *хаак* «ива»; тур. *кавак*, азерб. *говаг* «тополь». Также упоминается гольдское *хевагда* «яшень»; тур. *ковалык* «род тростника» [Егоров, 1964, с. 288].

По Ю. Дмитриевой: *х́ава*, диал. *хуа* «ива, тал, раки́тник». «Слово общетюркское по происхождению и распространению. Его первоначальным значением мог быть «куст», отмечаемый в кыпчакских языках. Однако в тувинском, тофаларском и чувашском языках оно обозначает иву. Чувашский язык единственный, где это слово употребляется в обоих значениях. Общераспространенное в тюркских языках название ивы *тал* в чувашском языке отсутствует. В древних памятниках письменности и в большинстве современных тюркских языков первоначальное значение слова *тал* «ветвь, ветка» существует параллельно со значением «ива», только в турецком и гагаузском оно обозначает «ветвь». Слово *тал* заимствовано русскими диалектами в значении «ива», а аффиксальное образование *тальник* перешло и в лексику общенародного языка» [Проблемы исторической лексикологии ... 1980, с. 30—31].

Соответствия чувашского *х́ава* имеются начиная с чагатайской эпохи в большинстве тюркских языков. На основе этого Ю. Дмитриева рассматривает его в качестве пратюркизма.

Наблюдается разность значений этого слова, в огузских языках *кавак* и его соответствия означают только «тополь», а в языках кыпчакской группы — «куст, кустарник». К огузским же данным примыкает и караимское *каваклык* «тополь» (с аффиксом собирательности *-лык*. Ср.: в огузских языках *тополь* — *кавак*, а в кыпчакских — *аусак*).

Кыпчакские соответствия огузского *кавак* — *куак* стали означать не конкретное растение, а лишь куст, кустарник. И только в двух языках, чувашском и тувинском, а также в диалекте последнего — тофаларском — *хаак* и *хява* означают «ива».

Тюркские *kavak* — *kuak* — *хява* были заимствованы и языками других семей; ср.: перс. *qavah* < азерб. диал. *gavaх*; удм. *куак* «кустарник» < тат., мар.Г. *иа* «ива, тальник»; *йе* «ветла» < чув. [Дмитриева Ю., 2001, с. 22—23].

Диал. *хува* «верба, ветла, ива, лоза, ракитник, тал, тальник» [Ашмарин, XVI, с. 144]. Этот диалектизм находит место в композите тунгусо-маньчжурского *сайхува* «лозняк» (растение с круглыми листьями и красноватыми концами ветвей, из которого плетут корзины и разные плетушки); *сайсаха* ~ *сајехан* «корзина» (овальная с дужкой для надевания на руку); маньчж. *сајхува* «лозняк» приведен в словарной статье *сёкта* «ива» [ТМС, II, 1977, с. 70]. Первая часть композита *сај* встречается в тунгусо-маньчжурских языках в лексемах *сајба* (*саива, сајва*) «склад, амбарчик, лабаз (на сваях); *сајри* «шест» (для нанизывания распластанной рыбы для просушки) [ТМС, II, 1977, с. 55]; ср.: чув. *сай* «настил или подпорка из палок на дровнях»; *сайхах* ~ *сайхак* «жердь, слега, настил из жердей»; *сайхалӑх* «жердь, слега»: *Хяваран арпалӑх автартӑм, автартӑм, урайне сайхалӑх ай сартартӑм* [Ашмарин, XI, с. 6—7].

Общераспространенное название дерева (ивы) в тюркских языках *тал* присутствует и в чувашском языке. В словаре Н.И. Ашмарина *тал* приведено как неизвестное слово; *Сӱллӗ пӗр ту синчен анӗ чухне таянайса тӑтӑм тал сине* [Ашмарин, XIII, с. 164] «Когда спускался с ледяной горы, опирался на *тал* (иву или тополь)».

Слово *тал* «ива» в чувашском языке, безусловно, заимствованное, на это указано в словаре косвенно — «Самар.», т.е. слово зафиксировано у чувашей Самарской губернии, значит, оно может быть заимствовано из татарского. Ср. тат. *тал* «ива, верба», «ивовый, вербный»: *тал бӑбкӑсе* «ивовая (вербная) почка»; *тал гол(е)* бот. «олеандр»; *тал кисмӑне* зоол. «скрипун»; *тал куагы* «тальник»; *тал чыбыгы* «ивовый прут, лоза»; *тал чыбыгы ашату* «дать березовой каши» (т.е. пороть ивовыми прутьями).

Компонент *тал* присутствует в названии колючего травянистого растения *тал пицен*. *Тал пицен, онпала ачасене тётёреччѣс* «Им окуривают детей» (от сглаза) [Ашмарин, XIII, с. 144].

Компонент *талах* как неизвестное слово присутствует в сочетании *талах каска* (?); топонимы *Талъ џѣр* — название поля, *Талуи* — название селения; сочетание *тал пицен* имеет варианты: *таллӓ пицен, талнӓ пицен* «чертополох курчавый» [Ашмарин, XIII, с. 166—169].

Словосочетания: *сарӓ хӓва* «1) ива прутовидная; 2) ива пурпурная»; *тѣклѣ хӓва* «ива лохматая»; *тѣмлѣ хӓва* «тальник, тал»; *хѣрлѣ хӓва* «краснотал», «верба красная»; *шурай хӓва* «белый тал»; *хӓва кати* «заросли ив, раkitник»; *хӓва тѣми* «ивовый куст»; *йѣре хӓва* «плакучая ива» (*Йѣре хӓва турачѣсем шыва перѣнес нек лансӓркка усӓнса тӓраџѣ* «Ветви плакучей ивы обвисают над водой»); *хӓва кати* «ивовая заросль (молодая)» (*џаран варѣнче хӓва кати, кам касса та савнѣши, џакӓ ялӓн хѣрѣсене кам илсе те савнѣши?* «В середине луга ивовая заросль, кому посчастливится вырубить ее, кто же тот счастливчик, который берет в жены девушек этой деревни?») [Ашмарин, XVI, с. 308].

Фольклор: *Кайӓк каять кушланса, хӓви юлать хурланса. Аял ту, аял туран вӓта ту, вӓта туран џӓллѣ ту, џӓллѣ туран вак хӓва, вак хӓваран вак кайӓк* «Низкая гора, за низкой горой средняя гора, за средней горой высокая гора, за высокой горой мелкий тальник, в мелком тальнике мелкая дичь» (загадка). *Олӓх тӓрӓх тил юртать, хӓва тѣми џывхарать* «По лугам рысит лисица, приближается ивовый куст». *Хуран-хуран курнакан хура хурлӓхан хӓвисем* «То, что виднеется черным-черно, это смородиновые кусты». *Шаннӓ хӓвара кайӓк џук теџѣ* (ср.: *Шаннӓ йӓвара кайӓк џук теџѣ*) «В тальнике, где ожидали встретить птицу, ее не оказалось» (В гнезде, где ожидали увидеть птицу, ее не оказалось).

Топонимы: *Вӓрӓмхӓва* — название деревни Новое Байдеряково (Яльчикский район); *Хӓва џырми* — название оврага (Там же).

Синонимами слова *хӓва* могут быть: *хулӓ* в сочетании *хѣрлѣ хӓва* — *хѣрлѣ хулӓ* «верба»; *џӓџе: хѣрлѣ џӓџе* «краснотал»; чув. диал. *йенкке, йенккѣ* «ива», «верба»; ср.: тат. *ӓянке*, башк. *ӓйӓнке* «ива», казах. *йӓенки* «клен». Название образовано от основы *ӓй-* «собирать в одну кучу», следовательно, первоначальное его значение «то, что собрано в кучу, куча, груда». Таким названием ива обязана форме своих ветвей, образующих ниспадающие кисти. Слово зафиксировано только в некоторых чувашских говорах, контактирующих с татарским языком [Проблемы исторической лексикологии ... , с. 31].

Yenkkë — этот по-своему распространенный чисто кыпчакский фитоним, вероятно, проник в чувашский язык из башкирского языка, тем более он зафиксирован только в некоторых чувашских говорах, контактировавших с башкирским языком. Тат. *öyänke* заимствовано удмуртами, ср. удм. *iyanki* «ветла». Первоначальное название образовано от древнетюркского корня *öy* < *üg* (<*ük* to hear up, accumulate «собирать в одну кучу») и аффикса *-inki/-yenke*, образующего от глагольных основ качественные прилагательные. Таким образом, слово прошло следующее развитие: др.-тюрк. *ük-* + *inki* > *üginki* > ср.: кыпч. *iyinki* → ср.: булг. *eyinki* > *yinki* > *yenki* → чув. *yenkkë*. *Öyänke* означает дерево, для которого характерна форма ветвей, образующих ниспадающие кисти [Дмитриева Ю., 2001, с. 32].

Укажем, в тат. *öyänke* не «ива», а в основном «ветла», а только потом — «плакучая ива», и в чувашском *йенккë* не только «ива», но и «ветла» [Ашмарин, IV, с. 275].

Р.Г. Ахметьянов в словарной статье *өянке* «ива» дает следующее: тат. диал. *үйәнке, эвенке, бәнке* ~ чув. *эвенкë* ~ башк. *өйәнке* «ива», к. калп. *үйәнки* «клен»; тат. диал. *үек* «клен». Происхождение неясно. Возможно, слово возникло в Волжско-Уральском регионе [Ахметьянов, 2001, с. 160]. В чувашском языке слово *эвенке* в значении «ива» мы не обнаружили. Возможно, оно узкодиалектное.

В тюркских языках название ивы представлено следующими лексемами: в большинстве тюркских языков: 1) *тал* (*дал, тол*), якут. *талах*; 2) тур. *söqüt*, азерб. *сбйўq*, туркм. *сөвўт*, гаг. *сўт*, якут. *ўот*, ср. п.-монг. *уда* «ива»; 3) тат. *өйәнке*, башк. *өйәнкә*, тат. бараб. *йөнкә* «тополь, ветла», казах. *ййенки* «клен», чув. *хява*, диал. *хуа*;

в монгольских языках: 1) монг. *бургаас(ан)*; 2) монг. *уд* «ива, ветла, тальник»; 3) бурят. *үшөөһэ(н)* «ива, верба, ветла, тальник»;

в тунгусо-маньчжурских: 1) эвенк. *секта* (*һёкта, шекта, һет, сат*); маньчж. *сајхува*; 2) эвенк. *сиракта*; 3) нан. *туңдэ*; 4) нег. *чојомка*; 5) маньчж. *фодохо**; 6) ульч. *заланта*; нан. *датала* «вид ивы»; ороч. *сиси, сисиктэ* [Дмитриева Л., 1972, с. 189].

Ива — общее или родовое название деревьев рода *Salix*: талина, лоза, ракитник, бредина, верба, ветла.

Ивяной — из ивы сделанный: *ивяной кошель, ивяное корье, ивовый* — к иве относящийся, принадлежащий, из нее сделанный: *ивовая кора, ивовая дуга, ивовая роцца; ивяниковый* — к ивянку относящийся, из него состоящий.

Дериваты (однословные): *ивняк* «срубленный ивовый лес и дрова»; *ветельник, вербняк; ивина* — ивовая жердь, плаха, сук, прут; *ивица* — сиб., малорослая ветла, ветловый ерник.

Этимология. *Ива* — общеславянское слово, имеющее соответствия в балтийских и германских языках (ср. лит. *ieva* «черемуха»; др.-в.-нем. *iwā* «тис», нем. *Eibe* «тис») Различия в значениях слов, обозначающих разные деревья, связаны с тем, что названия даны по общему красноватому их оттенку [Шанский, Иванов, Шанская, 1971, с. 168].

По мнению этимологов, *ива* восходит к индоевропейскому **(e)i-wo*, представляющему суффиксальное «расширение» **ei* «красноватый». Индоевропейское **(e)i-wo* обозначало растение с бросающимися в глаза ягодами; кажется более вероятным, что индоевропейское слово было названием растения, связанного с красным цветом либо окраской ягод, откуда в ряде индоевропейских языков данное слово выступает в значении «виноград» (арм. *aiqi* «виноград(ник)»; гр. *óa* «рябина»), либо с окраской древесины (латыш. *iēva* «черемуха»). У ивы и черемухи красноватая древесина [Фасмер, II, с. 113].

Составители «Этимологического словаря славянских языков», как бы опровергая вышесказанное («обозначаемые деревья имеют красноватую древесину»), пишут: «...для ивы прежде всего характерна гибкость ветвей. При этом обращает на себя внимание такое название ивы, как нем. *Weide*, др.-в.-нем. *wida*, бесспорно, объяснимое от индоевроп. **wi-* / **wei* «вить» [ЭССЯ, VIII, с. 249].

Характерно, что от этого индоевропейского корня в значении «вить», «плести» образуются в индоевропейских диалектах многочисленные архаичные производные, обозначающие вьющиеся гибкие растения, ветви, прутья, виноградную лозу, лат. *uitis* «виноградная лоза», авест. *uaēiti* «ива, ивовые прутья»; слав. *viti* «витая работа» [Гамкрелидзе, Иванов, II, с. 449—450].

Этимология. Слово *тал* (кустарниковая ива) заимствовано в XVIII в. из тюркских языков [Шанский, Иванов, Шанская, 1971, с. 435].

Тал (талины, тальник) < тюрк. *тал* «ива, ивняк», «молодое деревце», «прут». Не смешивать с церковнославянским *талия* «молодой побег». Неприемлемо предположение об исконно славянском происхождении *тал* и родстве с лит. *atolas* «отава»; ср.: др.-инд. *tāli* — название определенного дерева; *talas* — винная пальма; лат. *tālea* «саженец» [Фасмер, IV, с. 13—14].

Древнеиндийское *tar* «дерево (пальма)» и *tāli* — названия дерева, могут быть словами одного корня через *r ~ l* ступень чередования.

Фольклор: *Когда с ивы и лозы пух летит, сей поздний овес. Коли ива рано по осени покрылась инеем, то будет протяжная весна* [Даль, II, с. 5]; *как плакучая ива* — о печально склонившей голову женщине [Мокиенко, Никитина, 2008, с. 228].

Сравнение: *Тал, тальник* — кустарная ива: стрелы и решетки киргизской кибитки *таловые, тальниковые*. *Таловая сторона* — берега луговой низменной местности. *Таловка* — белая куропатка; ср.: *талызина* «толстая дубинка», «дрягалка»; возможно, сюда же относится *тальян* — сеть, опускаемая на дно моря и поднимаемая с четырех шестов, когда надойдет рыба [Даль, IV, с. 388—389].

Дрожать как таловый куст — о сильно дрожащем человеке (*таловый* — прил. от *тал* — *тальник*). *Пряма (ровна) как талька* — о стройной, тонкой, изящной девушке [Мокиенко, Никитина, 2008, с. 330, 672]; ср.: чув. *хáva пек яштака* — о стройном стане девушки.

Верба — родовое название дерев множества видов, *Salix*; *ива, лоза, бредина, ракутник, молокитник, вербина*. В астраханских говорах *верба, вербочка* вместо дерева вообще, в Питере *березка* и *елка*, а в других местах *дубок, верболоз, шелюга, шелюжина, краснотал (тал, тальник* вообще), *мелкая верба, хворост; белотал, краснотал, тальник, ломашник, вербовник, синетал, желтолозник, ницелоз* (сочиненное учеными), *лозка, белолоз, нетала?, таловый ерник, малый тальник, бредник (брединник?), вербовник, ломашник, песчаная лозка, талашаник, корзиночник, кузовница, вязинник, верболоз; верба иерусалимская, агновы ветви, лох, лоховина, масличная ива*.

Дериваты: *вербняк* — ивняк; *вербешки* — вербные сережки, цветы и семя; *вербовник* — трава плакун; *вербок, вербовник, вербич* — лещ, который мечет икру в пору *вербоцвета*, когда верба в пушистых сережках.

Фольклор: *Не верба бьет, старый грех. Он сказывает на вербе грушу* (врет). *Дождешься от вербы яблока. Где вода, там верба, где верба, там и вода. Кто вербу посадит, сам на себя заступ готовит* (умрет, когда из вербы можно будет вытесать лопату). *Немец что верба: куда ни ткни, тут и принялся*.

Религиозные мотивы: *Накануне Вербного воскресенья Святой Лазарь за вербой лазил. Лазарь, Лазарь, приди нашего киселя есть* (говорят в Лазарево воскресенье). *Скотину выгоняют в поле в первый раз вербой с Вербного воскресенья. Если вербная неделя ведренная, с утренниками, то яри хороши будут. На вербной мороз — яровые хлеба хороши будут. Плотва трется в первый раз на вербной, в другой, — когда распутится береза, в третий — на Вознесенье* [Даль, I, с. 178].

Верба символизировала быстрый рост и здоровье [Библиотека ..., 1988, с. 53].

Сравнения, пословицы и поговорки:

— *будь здоров как верба* — вербный приговор, пожелание здоровья;

— *верба вербой* — о высоком, нескладном человеке;

— *как верба, красива как верба, прямо вербинка* — о статной, стройной, красивой, приятной женщине, девушке. *Верба* — частый в свадебной поэзии символ невесты, имеет и ярко выраженную семантику святости;

— *красивый (хороший) как верба* — о красивом и стройном парне; *что вербина* — о красивом, высоком и стройном молодом человеке;

— *вербный приговор* — пожелание быстрого роста и здоровья;

— *такая правда как на вербе груши* — чушь, нелепица, ерунда, абсолютная неправда;

— *дождаться как от вербы яблок(а)* — никогда не дождаться кому-л. от кого-л., чего-л.;

— *как вербочка растет, так ты расти* — вербный приговор: пожелание быстрого роста и здоровья.

Ракита — название некоторых растений и кустарников, преимущественно ивовых [Ушаков, 2007, с. 869]. *В чистом поле под ракитой богатырь лежит убитый* (Пушкин).

Ракита — вид ивы, разные виды ивы: *ветла, верба, бредина, тальник, шелюга*; местами: *тополь, осокорь, ракатник*;

ракитовые заросли — ивняк, тальник по берегам; *ракатник* — названия некоторых ивовых кустарников. *По берегам в ракатнике коростели скрипели* (Некрасов);

ракатник — ивовое, ветловое корье, взамен дубового, для дубления кож; *И ракатовый куст за правду стоит* — от были, где куст был поводом улики убийцы;

ракатина — одно ракатовое дерево, один прут [Даль, IV, с. 56]. *Влюбиться как черт в сухую ракиту* — о сильно влюбившемся в кого-л. человеке [Мокиенко, Никитина, 2008, с. 562, 741].

Этимология. *Ракита* восходит к древнерусскому *рокита*, изменившемуся в произношении и написании под влиянием аканья и закрепления его на письме, развившемуся из общеславянского **orkyta*, образованного с помощью суффикса *-yta* от основы, вероятно, индоевропейского характера (ср.: др.-инд. *arkas* «вид растения», гр. *arkeythas* «можжевельник»); сочетание *or* изменилось в древнерусском языке в *ro* [Шанский, Иванов, Шанская, 1971, с. 382].

Ракита видоизменилась в результате аканья; ср.: с.-в.-рус. *рокіта*, укр. *рокіта* «вид ивы», болг. *ракита*.

Праславянское **orkyta* сравнивают с латышским *ērcis* «можжевельник», *eraškis* «терновник», *erkuls* «веретено» [Фасмер, III, с. 438].

Бредина — дерево *ива, верба, ветла, ракита, молокитник, лоза, тал, тальник, Salix*. Виды этого рода в русских названиях шатки: *шелюга, краснотал, верба красная, белотал, верболоз, лозняк, чернолоз, белолоз, брединник, ницелоз, талашиник, синетал, вязинник*;

— *бредняк, брединник* — собир. *ивняк, ракутник, вербовник* // корье брединное на лапти, на дубленку, на выделку кож;

бредовый — из бредины или корья ее сделанный: *бредовая дуга, бредовые лапти*;

бредюк, бредняк — хворост, который рыбаки валят в воду для приманки рыбы;

бредовник — бредовые лапти;

бред — собир., древесный лист и ветки, срезанные для корма скота по недостатку сена [Даль, I, с. 126].

Этимология. *Бредина* — русское диалектное, *дерево ива, верба, ветла, ракита, ракутник, молокитник, лоза, тал, тальник*.

Производное с суффиксом *-ина-* от *бред*. Возраст самого производного определить проблематично, не исключено позднее местное образование. Что касается основы, то она скорее всего этимологически тождественна **bredь, *bredo, *bresti*; реальное основание для этого объяснения видят в том, что ива растет на сырых местах, стоит в воде, якобы «бредет», «бродит». Менее удачны сложные индоевропейские этимологии, как то родственная связь с др.-инд. *vrđh-*, с алб. *breth, bredni* «ель» [ЭССЯ, III, с. 11—12]. Видимо, не учли одно обстоятельство, что сочетание **br < *bor* и **ber* со значением «дерево»; ср. *береза, бор, бревно (бервно, бервено, берно)* [ЭССЯ, III, с. 11—12, 73].

Лоза — тонкий, длинный и гибкий стебель некоторых кустарников, преимущественно винограда и так называемой корзиночной ивы; тонкий и гибкий прут какого-нибудь дерева или кустарника, как орудие наказания; розга [Ушаков, 2007, с. 413—414];

Лоза — 1) *дерево ветла, ива, верба*; более употребительны собирательные *лозник, лозняк, лозовник, лозинник* — мелкий ивняк; 2) прут, розга, хворостина, хлыст;

лоза — ствол кустового деревянного растения, особенно винограда;

песчаная лозка; лозха — кора ивы, лыко; *лозга* — вид ивы.

Фольклор. *Нелюбимого сына лозюю, а любимого жезлом. Вовремя грозой да лозой, а невпору колом да дубиной. Не все лозюю, ино (иною) и грозюю*;

— *лозье* — прутья, хворост; *лозный* — виноградный; *лозовый* — ивовый, вербовый, ветловый [Даль, II, с. 264].

Сравнения, пословицы и поговорки:

— *гибкий как лоза, стройный (тонкий) как лоза* — о стройном, рослом и гибком молодом человеке или (чаще) девушке; ср.: укр. *стрункий как лоза*;

— лозина; гибкий как лозина; стройный (тонкий) как лозина — то же, что и *гибкий (стройный) как лоза*;

— *лежать в лозу* — лежать, не имея сил пошевелиться; болеть;

— *лезть как коза на лозу* — об упрямящемся, несговорчивом, неуступчивом человеке;

— *лежать лозгом; лозгом лежать* — о сраженном наповал человеке; о лежащем в полной неподвижности (особенно при тяжелой болезни) человеке;

— *качаться (шататься) как лозинка (на ветру)* — об очень слабом, едва держащемся на ногах (от усталости, болезни, голода) человеке [Мокиенко, Никитина, 2008, с. 267, с. 352—353].

Этимология. *Лоза* — общеславянское, несомненных соответствий в других индоевропейских языках не имеющее. Некоторые ученые связывают это слово с *лезть, лазить*. В таком случае *лоза* (ср. болг.: *лоза* «виноградный побег», словац. *loza* — «виноградный черенок» и т.д.) названа по своему «цепляющемуся, карабкающемуся» характеру [Шанский, Иванов, Шанская, 1971, с. 244].

Лоза, укр. *лоза*, болг. *лоза*... Возможно, родственно лит. *lazda* «палка, орешник», латыш. *laqzda* «орешник», др.-прус. *laxde* «тж», арм. *last* «плот, челн», хотя фонетические отношения неясны. С другой стороны, следует поставить вопрос о связи *лоза* с *лаз, лезу*, т.е. «ползучее, вьющееся дерево» [Фасмер, II, с. 512].

На наш взгляд, слово *лоза* родственно с *ложина* < **ložina* «лес, кустарник, заросли»; рус. диал. *лужина* «низкое сырое место». *Лужина* производное с суф. *-ин-* от *лог (logъ)* «низина, луг»; «роща, лес» [ЭССЯ, с. 152—153; 137—140].

Тем не менее даже некоторые новые этимологические словари вообще не приводят сближения **лоза* — *лезть* [ЭССЯ, XVI, с. 118 и далее].

Лоза имеет особую символическую нагрузку в христианской культуре. Христос говорил о себе: «Я лоза», а ученики были как бы ее ветвями.

Лозоискательство — отыскивание с помощью специального индикатора — раздвоенной палочки, сделанной из прутика ивы (лещины, ясеня, рябины), из металла, китового уса или пластика.

Лозоискательство было известно в Китае и Египте. Моисей, как известно из библейских рассказов, проявил способности лозоискателя, когда ударил железом в скалу и напоил израильтян забившей из камня водой. Одно из самых известных описаний поиска металлов с помощью волшебной лозы встречается в трактате о горнорудном деле «О металле», написанном в XVI столетии немецким знатоком минералов Георгом Агриколой. Француженка баронесса де Босоей писала в 1640 г., что ей удавалось таким же образом обнаружить залежи золота, серебра, меди, свинца и железа.

Лозоискатели стремятся поставить свое ремесло на научную основу. В 1981 г. Пол Севиньи, президент Американского общества лозоискателей, пошел навстречу скептикам, предложившим ему провести эксперимент. Результаты не выходили за пределы случайных совпадений, но Севиньи настаивал, что, если бы ему надо было найти воду в действительно серьезной обстановке, он бы это сделал.

Неизвестно, обладают ли лозоискатели природной способностью улавливать радиацию, излучаемую различными субстанциями, но они, безусловно, с успехом проявляли свое умение в реальных ситуациях, и сегодня их ремесло пользуется уважением [Альманах непознанного ..., 2000, с. 237].

ЛИТЕРАТУРА

Альманах непознанного: Сквозь века в поисках загадочных явлений / пер. с англ. М., 2000.

Ахметьянов Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Тат. кн. изд-во, 2001. 272 с. На тат. яз.

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка = Чăваш сăмахăсен кĕнеки. Вып. 1—17. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928—1950.

Библиотека русского фольклора. Былины. М., 1988. 548 с.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. 2. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. 1328 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М.: Русский язык, 1978—1980.

Дмитриева Л.В. Названия растений в тюркских и других алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 151—223.

Дмитриева Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений. Дебrecен, 2001. 211 с.

Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь народных сравнений. М.: Олма Медиа групп, 2008. 799 с.

Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1980. 159 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: в 2 т. Т. 1. Л.: Наука, 1975. Т. 2. Л.: Наука, 1977.

Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2007. 1239 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964—1973.

Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1—34. М.: Наука, 1974—2002.

ШАЛАН ШИПОВНИК

Шалан «шиповник» — дикая роза с простыми, не махровыми цветками [Ожегов, Шведова, 1994, с. 880].

Шалан диал. «терновник»; «дикая роза».

Фонетические варианты: *шилан* [Ашмарин, XVII, с. 198], *шйкан* [Ашмарин, XVII, с. 271]; *шйхан* [Ашмарин, XVII, с. 359].

Словосочетания: *шалан йывйсси* «шиповник», *шалан курйкё* «болотный хвощ», *шалан сырли* «ягоды шиповника», *шалан сырли аври* «шиповник», *шалан сырли йывйсси* «шиповник», *шалан йёпписем* «шипы, колючки шиповника», *шалан каййкё* «сорокопут».

Шалан «шиповник», «шуплина, шуплица». *Шалан* — *йёплё хулй*. Дерево с розами и шипами; терновник, дикая роза. *Шалан ўсет тата вйрманта*. *Шалан чечекё*; ягоды шиповника; болотный хвощ. *Шалан* — *вйрманта ўсекен курйк, хумйш (хймйш) евёрлёскер, хьтй пулать, варри пушй, урайсем сума татащё, сётелсем шйлащё* «Шалан, вроде камыша, растет в болотистых местах, употребляется вместо судомойки, для вытирания столов» [Ашмарин, XVII, с. 286].

Шйхан «шиповник». ...*Ку ачана сивле тет, кайса касйр-ха шйхан, вара ачу сывйрсан уна шйханна вётёр, вара савйнтан хйраса сивле тащ-таллах тарать тет. Шйхан качки. Аллисене хйшё-хйшё саламат илчёс, хйшё-хйшё шйхан хулли саяйсем тытрёс (Хёр сухи). Шйхан хулли йёппипе, мухтанать-ске хёрлё сырлипе* [Ашмарин, XVII, с. 359].

Этимология. М.Р. Федотов приводит следующие соответствия: ср. к. кирг. *долоно* «дерево с шипами и желтыми плодами» [Радлов, III, с. 1720];

монгольские формы: п.-монг. *dolucyana* ~ *dolunu* «боярышник» монг. *долоогоно*, бурят. *дологоно* «боярышник»;

мар. *шулан*, *шуан*: *шуанвондо* (*шуан* + *вондо* «тростинка», «стебель») «шиповник» / удм. *шилан* «болотный хвощ» (< чув.) [Федотов, II, с. 441].

Ю. Дмитриева к чувашскому диалектному *šăkan*, *šăxan* приводит татарское диалектное *šigan agač*, *šogan* «шиповник». *Šălan* этимологизируется только на чувашской почве, поэтому есть основание полагать, что тат. диал. *šilan* «хвощ иловатый», *šilan agač* «шиповник», башк. диал. (южн.) *šilan* «хвощ» являются заимствованиями из чувашского языка. Татарские диалектные слова с интервокальным *g*: *šigay*, *šigan agač*, *šigan čiyäse*, *šogan* «шиповник», как полагает автор, не входят в число фонетических вариантов *šilan*, а являются самостоятельными лексическими единицами, первоначальным значением которых можно считать «высокое, прямое дерево», вторичное значение «шиповник», возможно, возникло в результате контаминации двух слов: *silan* и *šigan*.

В татарских диалектных данных отражается полисемантическая рассматриваемого фитонима, который употребляется как в отношении шиповника и хвоща болотного, так и в отношении терновника, см. *šilan* «терновник», «хвощ». В этом нет ничего удивительного, так как все эти растения имеют характерные для них шипы, колючки, в какой-то мере напоминающие зубы. Они есть и у хвощей, верхние влагалища которых обнаруживают 6—7 ланцетных черных зубцов. Эта объединяющая их черта лежит, видимо, в основе названия *šălan*, что впервые было замечено Г. Рамstedтом. Чувашское *šălan* «колючее растение» он возводил к *šilgan*, так как *šäl*, по его мнению, восходит к *šil* «зуб, зубец». По мнению Ю. Дмитриевой, такое объяснение вполне соответствует мотивации названий трех упомянутых растений.

Семантическая модель «зубчатое растение» (*šălan*) поддерживается тождественной моделью из башкирских диалектов, ср.: башк. вост. *teštekäy* «шиповник» — *teš* «зуб», *tešte* «зубчатый», *-käy* — либо аффикс уменьшительности, либо аффикс, образующий в ряде языков фитонимы; ср.: башк. диал. *kelänkäy* «дудник лесной», чув. диал. *šătak-kay* «дягиль».

Чувашская семантическая модель калькируется и в марийском названии шиповника, ср. мар. *šuanvondo* < мар. *šu* «колючки, шипы», «щетина», *šuan* «щетинистый» + *vondo* «стебель», букв. «колючий стебель» или «стебель с шипами».

Значит, *šălan*, вопреки мнению Шернера, выводившего чувашское слово из новоперсидского, — фитоним собственно чувашского образования.

Относительно происхождения удм. *šilan* «болотный хвощ», мар. *šuanvondo*, *sulan-vondo* «шиповник», *šilan*, *šilan-udo* «болотное растение, употребляемое для мытья полов», и тат. *šilan* «хвощ болот-

ный» мнения исследователей расходятся. М. Ряснен марийские и удмуртские фитонимы рассматривает в качестве заимствований из чувашского языка. Совсем противоположное мнение на этот счет у М.Р. Федотова и И.В. Тараканова. Они считают, что *šălan* из марийского перешло в чувашский язык. В качестве языка-источника тат. *šilan* Л.Ш. Арсланов и Н.И. Исанбаев выдвигают марийский язык [Дмитриева Ю., 2001, с. 29—30].

Г.Е. Корнилов не соглашается с мнением Гомбоца, который для чувашского *шӑлан* «терновник, хвощ, шиповник» древнюю прарформу восстанавливает в виде **чалахан* «крапива», к которой возводит венгерские *чалаан*, *чилаан*, *чиллаан*, *шилаань* «крапива», и полагает, что здесь мы имеем дело с корнем со значением «нечто колючее», ср.: чув. *шӑл* «клык, зуб, бивень». От этого корня кетское *сыл* «мамонт», чув. *сӑлан* «слон», *шӑла* «судак», *шӑлан* «шиповник» [Корнилов, 1973, с. 165].

В книге «Имитативы в чувашском языке» (Чебоксары, 1984) Г.Е. Корнилов подробно описал этимологию чув. *шӑлан* / *сӑлан* / *йӑлӑ* *хулӑ* «шиповник, терновник, дикая роза», *шӑлан* «болотный хвощ».

Автор пишет: «Восприятие **зубов** в качестве **ростков** связано с тем, что человек рождается без них, они прорастают и вырастают позже, точно так же, как и ростки растений из семян и почек; подобно росткам они обновляются (молочные выпадают, вырастают постоянные) или стертые обрастают вновь (у белок, других грызунов и некоторых иных видов животных); более того, есть животные (акулы, некоторые рыбы и т.д.), у которых зубы растут вне пасти, прямо на теле (на манер почек и шипов деревьев и кустарников), аналогично зубам растут также бивни слонов, моржей и т.д., рога (особенно — у легендарного носорога); по кольцам в основании клыков, бивней, зубов, рогов и т.п., точно так же, как и по годовым кольцам растений, судят о возрасте «хозяина-владельца».

<...> На базе чувашского *шӑл* / *сӑл* «зуб, клык, бивень, колючка, шип» было образовано не только *шӑлан* / *сӑлан* «терновник, шиповник» и т.п., но и *сӑлан*, *сӑлон* «мамонт, слон» (ср.: рус. *елень* / *олень* «рогатое животное» и диалектное *еленец* «можжевельник; колючее растение», *еленец* «большой рогатый жук», рус. *зубр* «животное» или нен. *тивтей* «морж», букв. «клыкан» от *тибья* «зуб, клык» [Корнилов, 1973, с. 168—169].

В словаре В.И. Даля слово **шиповник** не содержит отдельной словарной статьи, а есть отсылка на *шип*, которое объясняется как ость, колючка, игла растения. *Но колючка вырастает как сучок, а*

шип будто насажен и прирос подошвой. Шипы розы, колючки терна. Нет розы без шипов. Хорош бы цветок, да остер шипок.

Лексические диалектные варианты: *шипичник*, *шипичняк*, *шипняк*, *шипшина*, *шипец*, *шипица*, *шипичка* — дикая, не махровая роза, *Rosa canina*, чипорась (шипороз).

Синонимы (диал.) *толокняник*, *шуплина*, *петушьи ягоды*, *черба-линник*.

Словосочетания: *шиповничьи заросли*; *шипичный цвет*.

Дериваты: *шипичник* (*чапыжник*) — растение красная крушина; *шиповина* — мясо рыбы шипа [Даль, IV, с. 633].

Этимология. М. Фасмер считает, что *шиповник* от *шип*, и приводит лексические параллели: *шипец* «дикая роза», укр. *шипок* «розовый куст», др.-рус. *шипок* «роза, цветок, розовый куст, гранат», болг. *шип* «игла, колючка, стрела»; *шипка* «шиповник, дикая роза», сербохорв. *шип* «гвоздь», *шипок* «шиповник, гранат». Праславянское **šipъ* до сих пор не получило удовлетворительной этимологии [Фасмер, IV, с. 440].

Возможно, праславянское *шип* в древности имело аналогичное значение «зуб» («шип», «колючка»), как и в чувашском языке; это значение легло в основу названий рыб: ср. чув. *шӑла* «судак», рус. диал. *шип* «осетр»; *шпы* «крупная чешуя, жучки, щитки, островерхие или с гребнем, отчего и рыба *шип* — из хрящевиков или красных; *осетрий шип*, *шип белужий* [Даль, IV, с. 633].

Сравнения:

— *краснеть, покраснеть как шиповник* — о густо, пунцово покрасневшем (от смущения, стыда, неловкости) человеке (особенно девушке);

— *колючий как шипушник (шиповник)* — о чем-л. очень колючем, колком;

— *колоть как шип* — 1) о чем-л. больно колющем; 2) о чьих-л. колких, резких замечаниях, упреках и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка = Чӑваш сӑмахӑсен кӑнеки. Вып. 1—17. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928—1950.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М.: Русский язык, 1978—1980.

Дмитриева Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений. Деврен, 2001. 211 с.

Корнилов Г.Е. Евразийские лексические параллели. Чебоксары, 1973. 297 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1994. 907 с.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. СПб., 1893—1911.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964—1973.

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Чебоксары, 1996. Т. 1. 470 с. Т. 2. 509 с.

ШЁШКЁ ОРЕШНИК

Шёшкё «орешник, лещина» — кустарник со съедобными плодами — орехами, а также заросль таких кустарников. Лесной кустарник, дающий орехи со съедобными семенами.

Фонетические варианты: *шешкú, шешкё* «орешник»; *Шешкё айён сул турám* «Проложил дорогу под орешником»; *шешкотти* (от шёшкё отти, звук *к* мягкий) «орешник», *шёшкутти* «тж» < *шёшкё утти* «орешник».

Словосочетания: *шёшкё тёмё* «куст орешника»; *шёшкё кáчки, шёшкё пурçанё* — «сережки орешника (орешниковые сережки)»; *шёшкё кáмпи, шёшкё айё* «подорешник» (гриб); *шёшкё çатраки* «сухой орешник, хворост орешника»; *шёшкё мáйри* «орех».

Дериват: *шёшкёлёх* — место, изобилующее орешником, заросли орешника; ореховый лес; *шёшкё шанё* «чан из орехового дерева»; *Шёшкё шанёне сáра турám* «Использовал большую орешниковую кадку при пивоварении».

Фольклор: *Шёшкё йывáç хумханать сар мáйáрне тáкасáйñ* «Орешник-дерево колыхнется, собираясь скинуть спелые (желтые) орешки». *Тилли каялла çаврáнса пырать те шёшкё туй хуçса илсе тытáнать кашкáра áшалама* «А лиса возвратилась обратно, отломил орешник, взяла волка за хвост и ну стегать его по спине».

Пирён те ялáн хурáнлáх, тáрринчен шáппáр çыхатпáр, тёйне хыльáх тататпáр. Пирён те ялáн юманлáх: тáрринчен икел (йёкел) тататпáр, тёйне тупан аватпáр. Пирён те ялáн шёшкёлёх, тáрринчен мáйáр тататпáр, тёйне çатан аватпáр. Пирён те ялáн çёмёртлёх, тáрринчен çёмёрт тататпáр, тёйне кáшáл аватпáр. Вёт вáрманта шёшкёлёх, çинчен мáйáр суйлар-и те тёйне тенкел тáвар-и [Ашмарин, XVII, с. 380—381]. «Около нашей деревни березовая роща, вершки идут на метелки, а корешки на лучину. Около нашего села дуб-

рава, с вершков собираем желуди, а комель идет на гнутье полозьев. Около нашего села орешниковые заросли, с вершков собираем орешки, а корешки идут на плетень. Около нашего села черемушник, с вершков собираем ягоды (черемухи), а корешки идут на обручи. В мелколесье орешник, не собирать ли нам с верхушки орешков, а не сделать ли нам сиденье с корешков?»

В чувашской народной поэзии *шёшкё* «орешник» употребляется часто, например, песня «Ан авӑн, шёшкё» (известна в обработке С. Максимова):

*Ан авӑн, шёшкё, ан авӑн та,
Ан авӑн, шёшкё, ан авӑн
Кӑштах сӑлӗ вӑрнине те,
Кӑштах сӑлӗ вӑрнине.*

«Не гнись, орешник, не гнись же,
Не гнись, орешник, не изгибайся
При легком дуновении ветерка,
При легком дуновении ветерка».

Одноименное прозаическое произведение А. Артемьева «Ан авӑн, шёшкё» знакомо всем почитателям таланта писателя.

Детский фольклор. В сборнике «Сӑпка юрисем (сӑпкавсем)» (Колыбельные песни), подготовленном Н.В. Васильевым (Ыдарай), есть такие строки:

*Сав-сав енче, сав енче,
Савра вӑрман варринче,
Лутра кӑна шёшкё пур.
Лутра шёшкё тӑрринче
Тулса ситнӗ мӑйӑр пур...*

«Далеко-далеко на той стороне,
Среди круглого леса,
Есть орешник низкий.
На верхушке низкорослого орешника
Есть спелые орешки...»

В книге Г.И. Воронцова и В.И. Воронцовой «Ачасемпе сӑмрӑксен вӑййисем» (Детские и молодежные игры) есть описание игры «Йӑмра (ветла), чӑрӑш (ель), шёшкё (орешник)». Дети разбиваются по трое на группы и встают в круг. Одни — «ветлы», вторые — «ели», третьи — «орешники». Участники групп перемешиваются — теперь не узнать, кто ветла, ель и орешник. Ведущий называет одно из трех деревьев, например орешник, и члены группы должны соединиться, а затем игра продолжается...

Есть игра «Шёшкёлле» (досл.: по-орешниковски), там есть песенные строки:

*Шёшкёлӗх, шёшкёлӗх,
Шёшкёлӗхре — мӑйӑрӑх,
Мӑйӑр катас — тӗшиши сук...*

«Орешник, орешник,
А в орешнике уйма орешков,
Шелкать бы орехи — ядрышек нет...»

Почти те же строки приведены в разделе «Шут хайлавӑсемпе шӑпа ямалли сӑвӑсем»:

*Шёшкёлёх, шёшкёлёх,
Шёшкёлёхре сáкалáх,
Сáкалáхра мáйáрлáх,
Мáйáр татас — тёшиши сук...*

«Орешник, орешник,
А в орешнике липняк,
В липняке лещина,
Собирать бы орешки, но ядрышек нет...»

Этимология. В этимологические словари чувашского языка В.Г. Егорова и М.Р. Федотова слово *шёшкё* в реестр не включено. Ю. Дмитриева по этому поводу пишет: «Ни в одном из тюркских языков соответствие чув. *шёшкё* «орешник, лещина» не встречается, его происхождение в чувашском до сих пор неизвестно». Автор приводит высказывание Л.В. Дмитриевой, которая возводит *шёшкё* к русскому *шишка*, однако из-за фонетических и семантических несоответствий такое происхождение представляется маловероятным.

Ю. Дмитриева выдвинула версию сближения *шёшкё* с тюркским глаголом *šiš / šis / šes* «опухать, распухать» и т.п. (~ чув. *šis*), в частности, с тат. *šes* «опухоль», «нарыв», «шишка». В чувашском языке *šěškě* могло образоваться от тат. *šes* — 1) «воспалиться», 2) «пухнуть» — с помощью аффикса, образующего имена от глагольных основ. Итак, *šěškě* может означать «нечто набухшее, опухлое, круглое», т.е. «орешки» [Дмитриева Ю., 2001, с. 43].

Ранее Ю. Дмитриева указала, что «в некоторых кыпчакских языках орешник называется словом *чиклэвек*, отсутствующим в чувашском языке. В татарских и башкирских говорах встречаются варианты этого слова с гласными и переднего, и заднего ряда, *чиклэвек* — производное слово от основы с неизвестным значением и малопродуктивным ныне аффиксом. Из кыпчакских языков это слово проникло в калмыцкий» [Проблемы исторической лексикологии ... , 1980, с. 32].

Действительно, в тат. *чиклэвек* «орех» в диалектах выступает в двух-трех вариантах: *читлэуек*, *чатлауык*, крым.-тат. *чэтлэуек*, башк. *сэтлэуек* — общетюркское *чэртлэ-у*, *чартла-у* «чырт итеп ярыу» сүземнэн (*чиклэуек* < *читлэуек* ~ *чэтлэуек* < *чэртлэ-у-ек* «чертли, чыртлый торган»); чаг. *исе эд чатлауык* «чиклэвек ваткыч», алт. *чэрт* — «чиклэвек ашау, чыгт. (чагатайский) *чэкирдэж* «жимешнең каты төше» [Ахметьянов, 2001, с. 234].

Изучая чувашско-тунгусо-маньчжурские лексико-семантические параллели, В.И. Сергеев зафиксировал следующее:

— маньчж. *жисиха* «орешник» ~ чув. *шёшкё* «орешник» (с. 103);

— эвенк. *кочикта* «орешник» < монг. *хуш* «кедр», *хушга* «орех грецкий» ~ чув. *шёшкё* «орешник» (с. 115);

— сол. *ш'иш'икта* «орех кедровый» (ср.: нан. *сисикта* «орех лесной», маньчж. *сисири* «тж») ~ чув. *шёшкё* «орешник» [Сергеев, 2001];

— эвенк. *кочикта* «орех» (дерево); ороц. *кочокто* «кустарник» (сухостойный); удм. *кусикта* (*кучикта) «орех» (маньчж., разновидность дикого грецкого ореха); монг. *хуш* «кедр» [ТМС, I, 1975, с. 419].

На наш взгляд, чув. *шёшкё* находит свои параллели в тунгусо-маньчжурских языках: маньчж. *жисиха* «орешник», который является однокоренным с нег. *жисиктэ* «тальник» (молодой, низкорослый), *жик-тэ* «прут» (тонкий тальниковый, идущий для плетения корзин) [ТМС, I, 1975, с. 260].

В фонетическом и семантическом отношениях чувашскому *шёшкё* созвучными являются сол. *ш'иш'икта* «орех кедровый», нан. *сисикта* «орех лесной»; ср. ороц. *сисиктэ* «ива» (старое дерево) [ТМС, II, 1977, с. 426]. Как видно, наблюдается семантическая дифференциация, если учесть, что в тюркских языках переход значения «кедр → орешник» является регулярным, ср.: якут. *болбукта* «лещина», «кедровый стланик»; тат. бараб. *кузук агачы* «лещина», «кедровый стланик» [Дмитриева Л., 1972, с. 194], то чув. *шёшкё* фонетически и семантически может быть сопоставимо с сол. *ш'иш'икта* «орех кедровый», маньчж. *жисиха* «орешник».

Приведем данные из статьи Л.В. Дмитриевой «Названия растений в тюркских и других алтайских языках»:

Лещина (орешник; *Corylus* L):

I. тюрк.: др.-тюрк. *јаҗаqliq* [*јаҗаq* «орех» + аф. *-liq*], уйг. *йоаңалик*, узб. *йонғоқ дарахти* «лещина» [*йонғоқ* «орех» + *дарахти* «дерево его» < ир. *дерехт* «дерево его»], каз. *жаңғақ ағашы* «лещина» [*жаңғақ* «орех» + *ағашы* «дерево его»]; ср. калм. *јаҗхад* «грецкий орех»; узб. XVI в. *ёуз* < [ир. *джоуз* «грецкий орех»]; башк. *сәтләүеклек* < [*сәтләүек* «орех» + аф. *-лек*]; далее: все словосочетания содержат компонент «дерево», а первый компонент — «орех, грецкий орех»;

II. монг.: бурят. *һамарай эшэ* < [*һамарай* «орех» + *эшэ* «стебель»]; калм. *јаҗхад тодп* «орех + дерево»];

III. тунг.-маньчж.: эвенк. *кочикта*, уд. *кусикта*, маньчж. *хусиха моо* «орех + дерево», *жисиха* «лещина», *училэн* «орешник с гибкими прутьями» [Дмитриева Л., 1972, с. 194].

Орешник < *орех* + *-ник* (*х~ш*). Само слово *орех* не имеет удовлетворительной этимологии; ср.: общеслав. родственное ему лит. *rieašutas*, алб. *aře* и другие говорят о его первоначально суффиксальном характере. Современная форма возникла на базе др.-рус. *орѣхъ* после

выпадения редуцированных и изменения *ʔ* в *e* [Шанский, Иванов, Шанская, 1971, с. 313];

орех, укр. *gorix*, др.-рус., ц.-слав. *орѣхъ*, болг. *орех*, сербохорв. *орах*, в.-луж. *worjech*; алб. *arrë* «орех». Это слово неоднократно пытались объяснить как не индоевропейское. Неубедительно сближение с *rěšiti* «легко срываемый плод» [Фасмер, III, с. 151—152].

Более доказательным представляется сближение *орех* с *орман* «лес», «дерево», а корнем целесообразно считать *ор* < **ar* (ср. тохарское *or* «дерево» («древесина, дрова») [Севортян, I, 1974, с. 473], т.е. первоначально могло означать «лесной (плод)» > «орех». Компонент **op* ~ **ap* означал «дерево», «лес», «гора»; ср.: др.-прусс. *qarian* «дерево», лат. *ornus* «горный ясень», *farnus* «ясень», др.-инд. *daru*, хет. *taru* «дерево»; ср.: укр. *gorix* «орех».

В исторических индоевропейских диалектах выделяются две различные основы в качестве названия ореха: алб. *arrë* «орех», «ореховое дерево», др.-рус. *орѣхъ* «орех», *орѣшие* «ореховое дерево». Исходная основа со значением «орех», «ореховое дерево» восстанавливается в форме *q^har* с диалектным отражением # *k*- #~ *q*- начальной поствелярной фонемы **q^h*-. Формы с начальным # *k*- в ряде индоевропейских языков... соотносятся с нулем: гр. *χαρουον* «орех», пандж. *karuā* < **karuk* при ст.-слав. *orěchŭ* «орех» [Гамкрелидзе, Иванов, I, с. 131]. Возможно, к этим же формам относится хет. *ḫaraṭ-* «тополь», с особым семантическим развитием и отражением индоевроп. **q^h* в виде хетт. *ḫ-*.

Вторая основа **k[h]neṭ*: лат. *nux*, род. п. *nucis* «орех», нем. *Nuss* «орех». Сюда же относятся: лат. *corulus* «ореховый куст», *colurnus* (из **korulinos* «ореховое дерево»).

Фонетическая архаичность основы **q^har* в значении «орех», «ореховое дерево» свидетельствует о древности этой основы. Наблюдается употребление слова *орех* в значении «ореховое дерево».

Специфика древнеевропейских названий ореха и орешника проявляется в том, что они относились первоначально к мелкому лесному (ср.: тоф. **op* «лес») ореху и ореховым кустам, орешнику. Плоды орешника — мелкие лесные орехи — с древнейших времен широко использовались в пищу, как и желуди дуба. Названия мелкого лесного ореха, орешника в древнеевропейских диалектах не означали первоначально «грецкий орех» и «ореховое дерево»; ср.: др.-англ. *wealhhnutu*, англ. *walnut* «лесной орех», а названия грецкого ореха образуются из словосложения со значением «галльский» или «иностранный орех» (ср.: лат. *nux gallica* «греческий орех»).

Другая древняя индоевропейская основа **q^hlar* означала, по-видимому, преимущественно «грецкий орех», что отражено в греческом и албанском в значениях соответствующих слов [Гамкрелидзе, Иванов, II, с. 635—637].

Сравнения, пословицы и поговорки, в составе которых имеются слова *орех* или *орешек*:

— *крепкий (или плотный) как орешек* — о плотном, коренастом и здоровом человеке; ср.: чув. *майёр хурчё нек* «как червь ореховый» (о плотном, здоровом малолетнем ребенке);

— *расколоться как орешек* — сознаться, признаться во всем (обычно — в совершенных проступках, преступлениях);

— *вывернуться как из орешка ядрышко* — о человеке, который может вывернуться из самой сложной ситуации, выйти сухим из воды;

— *как орехи щелкать* — о быстром, правильном и легком решении каких-л. задач кем-л.;

— *как орехи щелкать* — делать что-л. со знанием дела;

— *буйный как орех* — об очень крупном горохе;

— *грех не орех, не раскусишь* — о непоправимости грехов;

— *грех с орех* — о небольшом и невинном грехе;

— *грех что орех: раскуси да брось* — о том, что от грехов надо быстрее избавиться и забывать их;

— *друг неиспытанный что орех нерасколотый* — о том, что, не испытав друзей, их не узнаешь;

— *жопа как орех, так и просится на грех* — о чьем-л. крепком, ядреном заде, наводящем на грешные помыслы;

— *гусли — потеха, а хуже ореха* — о гусях как инструменте для пустого развлечения;

— *козьи кругляши не орехи, мышиный сор не перчик* — о малоценности каких-л. отходов [Мокиенко, Никитина, 2008, с. 467—468].

Майёр, майёр йываҫси.

В чувашском языке *майёр* (*майёрё, мыйёр, мыйра, майра, муйаря, мурья, мурё, мырийя*) «орех» и *шёшкё* «орешник» не являются однокоренными и *майёр* «орех» не употребляется вместо *шёшкё* «орешник».

Видовые различия *майёр* «орех» в чувашском языке конкретизируются словосочетаниями:

— *Аҫтәркан (Аҫтәрхан) майёрё* — грецкий орех (букв. астраханский орех);

— *ик тёшёллё* (у Н.И. Ашмарина: *чёшёллё*), *виҫ тёшёллё майёр* — китайский орех;

— *вёт майёр* — кедровый орех, волоцкий орех;

- *вёт майър йываьсси* — кедр;
- *пахча майри* — волоцкий орех;
- *хёр майри* — грецкий орех;
- *шолтра майър* — грецкий орех;

Словосочетания: *кача (ка́ча) майри* ~ *мыри* — рожок, стручок *ceretonia siligua* [Ашмарин, VIII, 1935, с. 290—291].

Фольклор. *Пысак ханкарма, чугу́н майър, сасси ситтёр чун сине. Йёкёр майър нек ўсрёмёр, майър хуппи нек уйра́лтма́р* «Росли как орехи-сростки, а расстались как скорлупы ореха» [Ашмарин, VIII, с. 290]. *Сар майър нек сáнám порч (пурчё), сарáмсáр сая каясран йма́к похса хоринччё* «Был у меня вид как желтый (спелый) орех: чтоб попусту не терять, берегла бы младшая сестра» (Там же).

Пословицы и поговорки. *Май́ара кайсан сы́рла татма́сщё* «Во время сборов орехов ягоды не рвут». *Авмасáр майър татаймáн* «Не согнувши орешник, ореха не сорвешь». *Сар майър та шáтáклá пулать* «И спелый, ядреный орех бывает червивым». *Сар май́ара хурт сине́* «Спелый орех источен червяком». *Шултра май́ара катма лайáх* «Крупный орех хорошо колется». *Шикём-шикём шиклентём, шёшкё кутне куклентём* «Тайком от страха к орешнику пробрался».

Май́ра́ «орех»: *упа майри* «медвежий орех», *шёшкё майри* «орех орешника»;

шáрши (~ *шáши*?) *майри* — встречается в тексте игровой песенки: *Шáрши майри — шáтáклá, ори ми́се?* «Мышиный орех — дырявый: лапок сколько?» [Ашмарин, VIII, с. 293].

Май́ра́лáх — место, богатое орехами. *Шёшкё́лэхре май́ра́лáх* «В орешнике обилие орехов».

Му́рьá «орех»: *Вёт шёшкё́ре вёт му́рьá* «В мелком орешнике мелкие орехи». *Кёртём карáм вáрманá, му́рь (мур) корланки са́пáнчё, мури алла кёмерё* [Ашмарин, VIII, с. 275] «Зашел в лесок, ударила (в лицо) гранка орехов, но орехи в руки не попадали».

Загадка: *Чипер инки ў́нне вы́ртса астарать (му́рьá)* «Красивая невестушка ничком лежа привлекает к себе» (орех) [Ашмарин, VIII, с. 235].

Айше́ мимёр, ту́лэ тимёр «Внутри кисельный, снаружи железный». *Пёчёк хуранáн пáтти тутлá* «В маленьком котле каша вкусна». *Хусан турнас — сар турнас, ў́нне вы́ртса астарать* (майър хуппи) «Казанская щепка — желтая щепка, соблазняет, лежа ничком». *Сак-сакáлта, сакáлта, сакáр вунá сакáлта* «Морщинистый, во семьдесят морщин». *Пёр сар ачан сичё хáлха (майър курланки)* «У одного русого парня семь ушей» (гранка орехов) [Ваттисен са́махёсем ... , 1960].

Этимология. В.Г. Егоров считает *майёр* словом неизвестного происхождения. Соответствующее слово он находит в венгерском языке — *могуро* (*moqoró*) «лесной орех» — заимствованное в древнее время от болгар (предков чуваш). Ср.: башк. К. *муйыл*, казах. *мойыл* «черемуха» [Егоров, 1964, с. 129—130].

М.Р. Федотов тоже указывает на венгерский корень чув. *майёр*: *могуро* «лесной орех» < чув. *майёр*. Существует мнение, что чув. *майёр* древневенгерского происхождения, поскольку в тюркских языках генетических соответствий нет (при этом ссылка сделана на З.Гомбоца) [Федотов, I, с. 346].

В венгерском языке *могуро* означает дерево (кустарник) в значении «орешник», а также «плод орешника», «лесной орех».

Как видно, во многих языках *орех* выступает с определением *лесной*. В русском языке существует словосочетание *лесковый орех* — обыкновенный орех. М. Фасмер допускает возможность, что **леска* от *лес*, *лесá*; ср.: укр. *ліска*, *ліщина* «орешник» [Фасмер, II, с. 486].

Возможно, чув. *мурья*, *мурё* < **мур* ~ **мур* со значением «лес, лесной (плод)».

Р.Г. Ахметьянов в словарной статье *муел* «черемуха» приводит башк. *муйыл*, к. калп. *мойыл* «черемуха», якут. *мойниозон*, *мойногон* «шилохвост (вид утки)»; «смородина»; бурят. *мойнон* «черемуха», «смородина». Ср.: чув., тат. диал. *мыйыр*, карач.-балк. *маяр* «орех» [Ахметьянов, 2001, с. 147].

Лещина — лесной кустарник, дающий орехи со съедобными семенами, орешник; лесной орешник.

Этимология. *Лещина* «орешник» — производное от **леска*, см. *лесковый орех* [Фасмер, II, с. 491]. Одного корня слова: *леший* «лесной»; «лесной дух», т.е. от *лес*; возможно, и *лещина* «ольха» < **олешина* от *олах* — вариант слова *ольха* [Фасмер, II, с. 490].

Лещина праслав. **lěsьkъ* — производное с суф. -*ьk(ъ)* от *les* «лес»; сербохорв. *lijesak* «орешник», «ореховое дерево», зоол. «птица дубонос» [ЭССЯ, XIV, с. 253]. От слова *lěšь* > **lěšьje*, сербохорв. *лешје* «орешник, ореховый куст», рус. диал. *лѣша* «лесной орешник» **lěšьka*, рус. диал. *лешка* «наш лесной орешник, орешник, залещина, деревянные орехи, лязга, лязговина», *лешка* «лесной орешник»; производное с суф. -*ьk(a)* от основы прил. **lěšьjь* или же с деминутивным суф. -*ьk(a)* от *lěša* «орешник»; **lěšča*: болг. диал. *лещи* «ореховые кусты, орехи»; словен. *lěšča* = *leska* «орешник»; рус. *леща* «орешник», «лещина, лесной орешник»; **lěščakъ*: болг. *лещак* «орешник»; **lěščanъ*: болг. *лещани* «лещинные орехи»; **lěščarъ*: сербохорв. *лештар* «орехо-

вые кусты»; **lěšče-vika*: полаб. «кустарник, орешник»; **lěščina* «орешник, лещина»; **lěščъje* «ореховый кустарник» [ЭССЯ, XIV, с. 259—264].

ЛИТЕРАТУРА

Ахметьянов Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Тат. кн. изд-во, 2001. 272 с. На тат. яз.

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка = Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. Вып. 1—17. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928—1950.

Ваттисен сăмахĕсем, каларăшсем, сугмалли юмахсем / Н.Р. Романов пухса хатĕрленĕ. Шупашкар, 1960. С. 1—178.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. 2. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. 1328 с.

Дмитриева Л.В. Названия растений в тюркских и других алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. С. 151—223.

Дмитриева Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений. Дребнен, 2001. 211 с.

Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь народных сравнений. М.: Олма Медиа групп, 2008. 799 с.

Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1980. 159 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974.

Сергеев В.И. Чувашско-тунгусо-маньчжурские лексико-семантические параллели. Чебоксары, 2001. 263 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: в 2 т. Т. 1. Л.: Наука, 1975. Т. 2. Л.: Наука, 1977.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964—1973.

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Чебоксары, 1996. Т. 1. 470 с. Т. 2. 509 с.

Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1—34. М.: Наука, 1974—2002.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концептосфера — совокупность концептов, из которых складывается картина миропонимания человека, языковая картина мира. Концепт — мысленный образ материального и идеального мира, объект, непосредственно связанный в сознании носителя языка с соответствующим языковым знаком, является результатом сложного взаимодействия семантики слова с личностным опытом и опытом народа, с его культурологическим фоном.

Самые важные концепты кодируются в языке, в лексике. Концептуализация происходит прежде всего через лексико-семантическую систему языка.

Концептуализация — исключительно важный процесс познавательной деятельности человека, заключается в осмыслении поступающей к человеку информации и приводит к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в психике человека.

Человек воспринимает мир через концепты и выделяет в них актуальные для него элементы, членит их на части и использует для восприятия действительности. Концепт является важнейшим объектом исследования в когнитивной лингвистике.

Гипероним *растение*, заключающий в себе согипероним *дерево* и в то же время концепт *дерево* и образующие его гипонимы, или синонимический ряд: *дуб, береза, вяз, калина* и другие — стали объектом данного исследования. Под термином *фитонимы* мы понимаем названия растений, но для описания мы выбрали не весь перечень видов растений, а только деревья и кустарники.

Дерево (как концепт и согипоним) является природным символом, во многих культурах знаменует динамический рост, природное умирание и регенерацию. В картине мира большинства наро-

дов дерева обладают сверхъестественной силой (у чувашей *хурама* «вяз»; *пилеш* «рябина» и др.), целительной силой (*юман* «дуб»; *хурӑн* «береза», *шӑлан* «шиповник» и др.).

С деревом у чувашей связаны мотив приобщения к миру предков (*киремет йывӑҫси*, обычно «вяз», «дерево» на месте жертвоприношения) и мифические представления о мировом древе — древе жизни.

По традиционным языческим канонам, как у чувашей, так и у многих народов плодородное дерево считалось двойником человека; нельзя срубить дерево (*улмуҫси* «яблоня») в саду владельцу этого сада — человек умрет.

Описывая концепт «дерево» *юман* «дуб», *хурӑн* «береза», *хӑва* «верба» и другие, мы сталкиваемся с коллективной мудростью народа, с его обычаями и оберегами.

Образы некоторых деревьев особенно ярко выражены в художественных текстах. Они символизируют человека (*юман* «дуб» — крепкий, здоровый мужчина; *хурӑн* «береза» — невеста, девушка, женщина).

Тексты устного народного творчества позволяют нам судить о том, что природа естественным образом вплетена в жизнь человека любой национальности. У каждого этноса свое представление этого мира. Исходя из этого, этносы формируют готовые концепты для комфортного существования в природе. И было интересно, когда у разных народов концепты совпадают, а иногда отличаются кардинально. В частности, в вопросах сакрального и волшебного. Надо заметить, что дуальность в миропонимании у всех одинакова.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

- авест. — авестийский
азерб. — азербайджанский
азерб. диал. — диалект азербайджанского языка
алб. — албанский
алт. — алтайский
алт. диал. — диалект алтайского языка
англ. — английский
англосак. — англосаксонский
арм. — армянский
балк. — балкарский
балт. — балтийские
башк. — башкирский
башк. вост. — восточный диалект башкирского языка
башк. диал. — диалект башкирского языка
башк. К — башкирский (слово взято из «Башкирско-русского словаря»
Катаринского], 1899
белорус. — белорусский
болг. — болгарский
болг. диал. — диалект болгарского языка
брет. — бретонский
булг. — болгарский
бурят. — бурятский
в.-луж. — верхнелужицкий
венг. — венгерский
венг. диал. — диалект венгерского языка
веп. — вепсский
вод. — водский
вост.-слав. — восточнославянские
гаг. — гагаузский
герм. — германские
гр. — греческий
др.-англ. — древнеанглийский
др.-булг. — древнебулгарский
др.-венг. — древневенгерский

др.-в.-нем. — древневерхненемецкий
др.-инд. — древнеиндийский
др.-ирл. — древнеирландский
др.-исл. — древнеисландский
др.-корн. — древнекорнский
др.-монг. — древнемонгольский
др.-прус. — древнепруссский
др.-рус. — древнерусский
др.-тюрк. — древнетюркский
др.-чаг. — древнечагатайский
др.-чув. — древнечувашский
зап.-фин. — западнофинские
индоевроп. — индоевропейские
инд. — индийские
иран. — иранские
ирл. — ирландский
ит. — итальянский; италийская группа языков
к.-балк. — кабардино-балкарский
каз.-тат. — казанско-татарский
казах. — казахский
калм. — калмыцкий
к. калп. — каракалпакский
к. кирг. — каракиргизский
карач. — карачаевский
карач.-балк. — карачаево-балкарский
карел. — карельский
кар.-тат. — караимско-татарский
кельт. — кельтские
кимр. — кимрский (валлийский)
к.-кирг. — каракиргизский
кирг. — киргизский
кирг. диал. — диалект киргизского языка
крым.-тат. — крымско-татарский
кумык. — кумыкский
лапл. — лапландский
лат. — латинский
латыш. — латышский
леб. — лебединский диалект алтайского языка
лит. — литовский
макед. — македонский
манс. — мансийский
маньчж. — маньчжурский
мар. — марийский
мар.Г. — горное наречие марийского языка
мар.Л. — луговое наречие марийского языка
монг. — монгольский
морд. — мордовские
морд.М. — мокшанско-мордовский

морд.Э. — эрзя-мордовский
нан. — нанайский
нег. — негидальский
нем. — немецкий
нен. — ненецкий
ног. — ногайский
н.-в.-нем. — нижневерхненемецкий
н.-луж. — нижнелужицкий
н.-перс. — новоперсидский
общеслав. — общеславянский
общетюрк. — общетюркский
ойр. — ойротский
ороч. — ороцкий
осет. — осетинский
осм. — османский
п.-монг. — письменно-монгольский
пандж. — панджабский
перс. — персидский
полаб. — полабский
польск. — польский
пракельт. — пракельтский
праслав. — праславянский
прус. — прусский
рус. — русский
рус. диал. — диалект русского языка
саг. — сагайский диалект хакасского языка
сербохорв. — сербохорватский
серб. — сербский
скр. — санскрит
слав. — славянские
словац. — словацкий
словен. — словенский
сол. — солонский
ср.-в.-нем. — средневерхненемецкий
с.-в.-рус. — северновеликорусское наречие русского языка
ср.-иран. — среднеиранский
ср.-ирл. — среднеирландский
ср.-лат. — среднелатинский
ст.-слав. — старославянский
ст.-чув. — старочувашский
тадж. — таджикский
тат. — татарский
тат. бараб. — барабинский диалект татарского языка
тат. диал. — диалект татарского языка
тат. кас. — касимовский диалект татарского языка
тат. пенз. — пензенский диалект татарского языка
тат. том. — томский диалект татарского языка
тат. тюм. — тюменский диалект татарского языка

тел. — телеутский диалект алтайского языка

тоф. — тофаларский

тув. — тувинский

тунг.-маньчж. — тунгусо-маньчжурские

тур. — турецкий

тур. диал. — диалект турецкого языка

туркм. — туркменский

тюрк. — тюркские

уд. — удэйский

удм. — удмуртский

удэг. — удэгейский

узб. — узбекский

уйг. — уйгурский

уйг. диал. — диалект уйгурского языка

укр. — украинский

ульч. — ульчский

урянх. — урянхайский (старотувинский)

фин. — финский

франц. — французский

хак. — хакасский

х.-монг. — халха-монгольский

хант. — хантыйский

хет. — хеттский

ц.-слав. — церковнославянский

чаг. — чагатайский

чер. — черемисский (марийский)

чеш. — чешский

чув. — чувашский

чув. диал. — диалект чувашского языка

шор. — шорский

эвенк. — эвенкийский

эст. — эстонский

якут. — якутский

прил. — прилагательное

тж — тоже

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков

КСКТ

МК — Махмуд Кашгар. Диван лугат ат-турк

Замахш. — Монгольский словарь «Мукаддимат ал-адаб», I—II. М.-Л.

1938—1939

[Замахшари]

ТМС — Тунгусо-маньчжурский словарь

ЛИТЕРАТУРА

Агаркова Н.Э. Деньги // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 2. — Волгоград: Парадигма, 2005. — С. 73—84.

Агиенко М.И. Теологические признаки концептов *истина* и *правда* // Концепт. Образ. Понятие. Символ: коллект. моногр. / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. — Кемерово: ИПК «Графика», 2004. — С. 190—209.

Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири / Н.А. Алексеев. — Новосибирск: Наука, 1980. — 315 с.

Арапова О.А. Дружба / О.А. Арапова, Р.М. Гайсина // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 1. — Волгоград: Парадигма, 2005. — С. 58—80.

Арутюнова Н.Д. Истина: фон и аннотации // Логический анализ языка: Культурные концепты. — М.: Наука, 1991. — С. 21—30.

Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка: Ментальные действия. — М.: Наука, 1993.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. — М.: Языки русской культуры, 1999.

Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: Антология. — М.: Academia, 1997. — С. 267—280.

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. / А.Н. Афанасьев. — М.: Современный писатель, 1994. — Репринт. изд. 1865—1869 гг.

Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья / Р.Г. Ахметьянов. — М., 1981.

Ахметьянов Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка / Р.Г. Ахметьянов. — Казань: Тат. кн. изд-во, 2001. — 272 с. — На тат. яз.

Ахутин А.В. Понятие «природа» в античности и в Новое время / А.В. Ахутин. — М.: Наука, 1988.

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка = Чăваш сăмахĕсен кĕнеки / Н.И. Ашмарин. — Вып. 1—17. — Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928—1950.

Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста: основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов / Л.Г. Бабенко. — М.; Екатеринбург, 2004.

Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. — Воронеж, 2001. — С. 52—58.

Балашова Е.Ю. Концепты «любовь» и «ненависть» в русском и американском языковых сознаниях: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.Ю. Балашова. — Саратов, 2004. — 262 с.

Балашова Е.С. Концепт «бессмертие» в истории и теории культуры: дис. ... канд. филол. наук / Е.С. Балашова. — Н.Новгород, 2005.

Башкирское народное творчество: обрядовый фольклор. — Т. 12. — Уфа, 2010.

Белая Е.Н. Концепт «радость» в представлении русского и французского языков // Язык. Время. Личность: материалы Междунар. науч. конф. (3—5 дек. 2002, Омск, ОмГУ) / под ред. Л.А. Бутаковой. — Омск: Омск. ун-т, 2002. — С. 104—107.

Библиотека русского фольклора. Былины. — М., 1988. — 548 с.

Бочарова Е.Н. Глупость // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 7. — Волгоград: Парадигма, 2009. — С. 164—175.

Бусурина Е.В. Дурак // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 2. — Волгоград: Парадигма, 2005. — С. 121—132.

Бутакова Л.О. Концептуально-смысловой анализ русских пословиц и поговорок о чести / бесчестии // Welt in der Sprache / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. — Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2005. — С. 82—88.

Ваттисен сáмахёсем, каларáшсем, сутмалли юмахсем / Н.Р. Романов пухса хатёрленё. — Шупашкар, 1960. — 178 с.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари.

Воркачев С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. — Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. — Воронеж, 2002. — С. 79—95.

Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. — Вып. 24. — М., 2003. — С. 5—12.

Воркачев С.Г. Эталонность в сопоставительной семантике // Язык, сознание, коммуникация. — Вып. 25. — М., 2003.

Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.

Гамкрелидзе Т.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы / Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов. — Ч. 2. — Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. — 1328 с.

Гольдберг В.Б. Ментальные пространства, отражающие биологическое существование человека // Концепт. Образ. Понятие. Символ: коллект. моногр. — Кемерово: ИПК «Графика», 2004. — С. 6—21.

Григоренко Т.М. Остроумие // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 6. — Волгоград: Парадигма, 2007. — С. 182—206.

Григоренко Н.В. Зависть // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 7. — Волгоград: Парадигма, 2009. — С. 154—164.

Грушко Е.А. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий / Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев. — Н. Новгород: Русский купец: Братья славяне, 1995. — 560 с.

- Грушко Е.А.* Русские легенды и предания / Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев. — М.: Эксмо, 2008. — 208 с.
- Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт; пер. с нем. — М.: Прогресс, 1984.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. Т. 1—4. М.: Русский язык, 1978—1980.
- Данькова Т.Н.* Концепт «любовь» и его словесное воплощение в индивидуальном стиле А. Ахматовой: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.Н. Данькова. — Воронеж, 2000.
- Деева Н.В.* Концепты «жизнь» и «смерть» в русских фольклорных текстах // Концептуальные сферы «мир» и «человек»: Концепт: коллект. моногр. / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. — Кемерово: ИПК «Графика», 2005. — С. 70—87. — (Серия «Концептуальные исследования»; вып. 6).
- Дзюба Е.В.* Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. — 2001. — №1. — С. 35—47.
- Дзюба Е.В.* Концепт «ум» в русской лингвокультуре: моногр. / Е.В. Дзюба; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011. — 224 с.
- Дмитриев Н.К.* Строй тюркских языков / Н.К. Дмитриев. — М., 1962.
- Дмитриева Л.В.* Названия растений в тюркских и других алтайских языках // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. — Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. — С. 151—223.
- Дмитриева О.А.* Лингвокультурные типы России и Франции XIX века. — Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007.
- Дмитриева Ю.* Чувашские народные названия дикорастущих растений / Ю. Дмитриева. — Дзержинск, 2001. — 211 с.
- Дорофеева Н.В.* Реализация эмоционального концепта удивление в православном дискурсе (на материале акафистов) // Актуальные проблемы современной филологии: Языкознание. — Киров, 2003.
- Евтушок Ю.Г.* Преступление // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 2. — Волгоград: Парадигма, 2005. — С. 215—222.
- Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка / В.Г. Егоров. — Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1964. — 355 с.
- Зайкина С.В.* Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах (сопоставительный аспект): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / С.В. Зайкина. — Волгоград, 2004.
- Закиев М.* Введение // Татарская грамматика. — Т. 1. — Казань, 1995.
- Замалетдинов Р.Р.* Татарская культура в языковом отражении / Р.Р. Замалетдинов. — М.: Гуманит. издат. центр «Владос»; Казань: Магариф, 2004. — 239 с.
- Зацепина М.В.* Концептуализация феномена «отчуждение» в русской и немецкой этноконцептосферах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / М.В. Зацепина. — Екатеринбург, 2006. — 238 с.
- Зацепина Е.А.* Вежливость // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 5. Волгоград: Парадигма, 2007. — С. 135—152.
- Зубкова Я.В.* Пунктуальность // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 1. — Волгоград: Парадигма, 2005. — С. 203—229.

- Игнатова Е.М.* Родина // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 7. — Волгоград: Парадигма, 2009. — С. 93—108. Известия РАН. 2001. № 5. — С. 64—74. — (Серия литературы и языка; т. 70).
- Илова Е.В.* Театр // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 6. — Волгоград: Парадигма, 2007. — С. 289—307.
- Ипанова О.А.* Жизнь // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 2. — Волгоград: Парадигма, 2005. — С. 146—166.
- Исаев Ю.Н.* Словообразовательный и семантический анализ флористической терминологии языков различных систем / Ю.Н. Исаев. — Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. — 255 с.
- Историко-этимологический словарь венгерского языка. Benko Lorand. A magyar nyelv történeti-etimológiai szótara. 1—3. Budapest, 1967—1976.
- Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. / ВГПУ, ПМПУ. Волгоград; Архангельск, 1996. — С. 3—16.
- Карасик В.И.* Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, П.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. — Воронеж, 2001. — С. 78—81.
- Карасик В.И.* Языковой круг: Личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. — Волгоград, 2002.
- Карасик В.И.* Иная ментальность / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева. — М.: Гнозис, 2005.
- Карасик В.И.* Категориальный оценочный концепт «подлинность» // Концептуальные сферы «мир» и «человек»: коллект. моногр. / отв. ред. М.В. Пименова. — Кемерово: ИПК «Графика», 2005. — С. 3—14. — (Серия «Концептуальные исследования»; вып. 5).
- Карасик В.И.* Лингвокультурный типаж // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах. — Вып. 5. — Ставрополь; Пятигорск. 2007. — С. 86—89.
- Карасик В.И.* Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Антология концептов. — М., 2007.
- Керимов Р.Д.* Метафорические характеристики концептов «Европа» и «ЕС» в немецкой публицистике // Концепт. Образ. Понятие. Символ: коллект. моногр. / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. — Кемерово: ИПК «Графика», 2004. — С. 222—237.
- Кирияк О.А.* Воровство // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 5. — Волгоград: Парадигма, 2007. — С. 307—328.
- Козина Н.О.* Грех // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 2. — Волгоград: Парадигма, 2005. — С. 59—73.
- Кондратьев М.Г.* Песни низовых чувашей / М.Г. Кондратьев. — Чебоксары: ЧНИИ, 1982. — 176 с.
- Кондратьева О.Н.* Концепты внутреннего мира человека в русских летописях (на примере концептов *душа, сердце, ум*): дис. ... канд. филол. наук / О.Н. Кондратьева. — Кемерово, 2004.
- Кондратьева О.Н.* Особенности языкового воплощения концепта «внутренний человек» в русских летописях // Концепт. Образ. Понятие. Символ:

коллект. моногр. / отв. ред. Е.А. Пименов. — Кемерово: ИПК «Графика», 2005. — С. 177—203. — (Серия «Концептуальные исследования»; вып. 6).

Кондратьева О.Н. Структура концепта «ум» в памятниках литературы Древней Руси // Концептуальные сферы «мир» и «человек»: коллект. моногр. / отв. ред. Е.А. Пименова. — Кемерово: ИПК «Графика», 2005. — С. 177—203. — (Серия «Концептуальные исследования»; вып. 6).

Контримович А.А. Наказание // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 2. — Волгоград: Парадигма, 2005. — С. 183—197.

Кормакова Е.В. Концепт «труд» в немецких и русских пословицах // Языковая личность: вербальное поведение. — Волгоград, 1998. — С. 110—113.

Корнилов Г.Е. Евразийские лексические параллели / Г.Е. Корнилов. — Чебоксары, 1973.

Корнилов Г.Е. Имитативы в чувашском языке / Г.Е. Корнилов. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. — 184 с.

Костин А.В. Способы концептуализации обиходно-бытовых понятий в разножанровых произведениях В.И. Даля (на материале концепта «Вода»): автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Костин. — Иваново, 2002.

Кошелев А.Д. К эксплицитному описанию концепта «свобода» // Логический анализ языка: Культурные концепты. — М.: Наука, 1991. — С. 61—64.

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н.А. Красавский. — Волгоград: Перемена, 2001.

Красных В.В. От концепта к тексту и обратно // Вестник МГУ. — Сер. 9. Филология. — 1990. — № 1.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. — М.: Филол. фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.

Куайн У.О. Слово и объект / У.О. Куайн. — М.: Логос: Праксис, 2000.

Кузьмина Н.А. Индивидуальный стиль сквозь призму концептуальных метафор (категория жизни — движения в творчестве Ф. Сологуба) / Н.А. Кузьмина. — Омск. — Деп. ИНИОН РАН 12.03.96. № 51729.

Кусов Г.В. Оскорбление // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 2. — Волгоград: Парадигма, 2005. — С. 197—215.

Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа / Е.Е. Левкиевская. — М.: Астрель, 2003. — 528 с.

Леонтьева Т.В. Интеллект человека в зеркале русского языка: дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Леонтьева. — Екатеринбург, 2003.

Ligeti Z. A magyar nyelv török Karcsolotai a honfoglalás előtt és az Anpad-Korban. — Budapest, 1986.

Ли Же. Толерантность // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 7. — Волгоград: Парадигма, 2009. — С. 70—79.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: Антология. — М.: Academia, 1997. — С. 280—288.

Лукин В.А. Концепт истины и слово «истина» в русском языке: (Опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) // Вопросы языкознания. — 1993. — № 4. — С. 63—86.

- Ляпин С.Х.* Концептология: к становлению подходов // Концепты. — Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1997.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / В.А. Маслова. — М.: Академия, 2001.
- Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. — М.: Флинта: Наука, 2007.
- Матвеев Г.Б.* Чувашское народное зодчество / Г.Б. Матвеев. — Чебоксары, 2005.
- Медведев Д.И.* Запрет // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 7. — Волгоград: Парадигма, 2009. — С. 124—138.
- Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры / Д. Месарош. — Чебоксары: ЧГИГН, 2000. — 360 с.
- Мешкова Т.С.* Актуальные признаки в структуре концепта «князь» (на материале Новгородской I летописи) // Концептуальные сферы «мир» и «человек»: Концепт: коллект. моногр. / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. — Кемерово: ИПК «Графика», 2005. — С. 293—312. — (Серия «Концептуальные исследования»; вып. 6).
- Мещерякова Ю.В.* Концепт «красота» в английской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2004.
- Мокиенко В.М.* Большой словарь народных сравнений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. — М.: Олма Медиа групп, 2008. — 799 с.
- Молоткова А.И.* Цветок // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 4. — Волгоград: Парадигма, 2006. — С. 343—356.
- Мошков В.А.* Мелодии Волго-Камья / В.А. Мошков. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. — 366 с.
- Мусаев Ю.М.* Лексикология тюркских языков / Ю.М. Мусаев. — М.: Наука, 1984.
- НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н.В. Никольского. Ед. хр. 154. Инв. № 4632—4657; Ед. хр. 284. Инв. № 6052.
- Насипов И.С.* Лексико-тематические группы финно-угорских заимствований в татарском языке // Сравнительно-исторические исследования системы лексико-тематических групп татарского языка. — Уфа: Гилем. 2007. — С. 130—280.
- Неровная Н.А.* Толерантность и терпимость // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 7. — Волгоград: Парадигма, 2009. — С. 79—93.
- Никитина Л.Б.* Образ-концепт «homo sapiens» в русской языковой картине мира как объект антропоцентристской семантики: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Б. Никитина. — Омск, 2006.
- Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — М.: Азъ, 1994. — 907 с.
- Онищенко М.С.* Свободная страна // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 6. — Волгоград: Парадигма, 2007. — С. 36—65.
- Орлова О.Г.* Актуализация концепта RUSSIA (Россия) в американской публицистике (на примере дискурса еженедельника «Newsweek») // Кон-

цептуальные сферы «мир» и «человек»: Концепт: коллект. моногр. / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. — Кемерово: ИПК «Графика», 2005. — С. 247—264. — (Серия «Концептуальные исследования»; вып. 6).

Орлова О.С. Место концепта «язык» в концептосфере И. Бродского и его лексическая интерпретация // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте. — Томск: Изд-во ЦНТИ, 2000. — С. 140—150.

Павиленис Р.И. Понимание речи и философия языка // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 17. — М., 1986. — С. 380—389.

Панченко Н.Н. Обман // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 1. — Волгоград: Парадигма, 2005. — С. 174—192.

Пименова М.В. Концептуализация «рассудок» и способы объективизации его признаков в русской языковой картине мира // Концептуальные сферы «мир» и «человек»: коллект. моногр. / отв. ред. М.В. Пименова. — Кемерово: ИПК «Графика», 2005. — С. 121—143. — (Серия «Концептуальные исследования»; вып. 5).

Пименова М.В. Коды культуры и проблема классификации концептов // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах. — Вып. 5. — Ставрополь; Пятигорск, 2007. — С. 79—86.

Пищальникова В.А. Концептуальный анализ художественного текста: учеб. пособие / В.А. Пищальникова; Алтайский гос. ун-т. — Барнаул, 1991.

Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж, 2001.

Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2006.

Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. — Чебоксары, 1980. — 159 с.

Прохвачева О.Г. Приватность // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 1. — Волгоград: Парадигма, 2005. — С. 192—209.

Радзиевская Т.В. Слово *судьба* в современных контекстах // Логический анализ языка: Культурные концепты. — М.: АН СССР, Ин-т языкознания, 1989. — С. 46—51.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. — СПб., 1893—1911.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkisprachen. — Helsinki, 1969. — 534 s.

Rona-Tas A. Some VolgaBulgarian words in the VolgaKipchakLanguages / Studia Uralo-Altaica 17, 1982. — S. 158—179.

Рябцева Н.К. «Вопрос»: прототипическое значение концепта // Логический анализ языка: Культурные концепты. — М.: Наука, 1991. — С. 72—77.

Саварцева Н.В. Предательство // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 6. — Волгоград: Парадигма, 2007. — С. 224—240.

Савельева У.А. Верность и предательство // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 6. — Волгоград: Парадигма, 2007. — С. 206—224.

Сагдеева Ф.К. Отражение концепта «труд» в лексико-фразеологических средствах // *Ethnohermeneutik und Antopologie* / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. — Landau: Verlag Empirische Pädagogig, 2004. — С. 120—123.

Садиков Р.Р. Религиозные верования и обряды удмуртов Пермской и Уфимской губерний в начале XX века (экспедиционные материалы Уно Хольмберга) / Р.Р. Садиков, К.Х. Хафиз. — Уфа: Институт этнологических исследований УНЦ РАН, 2010. — 100 с.

Садыкова М.А. Свет и тьма // *Антология концептов* / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 7. — Волгоград: Парадигма, 2009. — С. 2—18.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). / Э.В. Севортян, Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин. — М.: Наука, 1974.

Селиверстова О.Н. «Когнитивная» и «концептуальная» лингвистика и их соотношение // *Язык и культура. Факты и ценности*. — М.: Языки русской культуры, 2001.

Семенова-Тян-Шанская А.М. Мир растений и люди / А.М. Семенова-Тян-Шанская. — Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1986. — 173 с.

Сергеев В.И. Чувашско-тунгусо-маньчжурские лексико-семантические параллели / В.И. Сергеев. — Чебоксары: Родная Волга, 2001. — 263 с.

Сергеев Л.П. Диалектологический словарь чувашского языка / Л.П. Сергеев. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1968. — 104 с.

Сергеев С.А. Образные схемы восприятия концепта «мечта» в русской языковой картине мира // *Концептуальные сферы «мир» и «человек»: коллект. моногр.* / отв. ред. Е.А. Пименова. — Кемерово: ИПК «Графика», 2005. — С. 219—247. — (Серия «Концептуальные исследования»; вып. 5).

Сергеева Н.М. «Вот разума великолепный пир!» // *Концепт. Образ. Понятие. Символ: коллект. моногр.* / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. — Кемерово: ИПК «Графика», 2004. — С. 174—190.

Сергеева Н.М. Концепты «ум», «разум» в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. — Кемерово, 2004.

Сергеева Н.М. Концепт «мозг»: понятийный и образный компоненты // *Концептуальные сферы «мир» и «человек»: коллект. моногр.* / отв. ред. Е.А. Пименова. — Кемерово: ИПК «Графика», 2005. — С. 203—219. — (Серия «Концептуальные исследования»; вып. 5).

Сергеева Н.М. Ум и разум // *Антология концептов* / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 1. — Волгоград: Парадигма, 2005. — С. 286—305.

Соколовская Л.В. Структура семантического поля СВЕТ // *V Житниковские чтения: Межкультурные коммуникации в когнитивном аспекте: материалы Всерос. науч. конф.* — Челябинск, 2001. — С. 328—333.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: в 2 т. — Т. 1. — Л.: Наука, 1975. — Т. 2. — Л.: Наука, 1977.

ССРЯ — Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. — Л.: Наука, 1970.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: опыт исследования / Ю.С. Степанов. — М., 1997.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. / Ю.С. Степанов. — М.: Академический проект, 2001. — 990 с. 2004. — 982 с.

Стернин И.А. Концепты и невербальность мышления // Филология и культура: материалы Междунар. конф. — Тамбов: Изд-во ТГУ, 1999.

Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. — Воронеж, 2001. — С. 58—65.

Тавдигиридзе Л.А. Концепт «русский язык» в русском языковом сознании: автореф. ... дис. канд. филол. наук / Л.А. Тавдигиридзе. — Воронеж, 2005.

Тарасенко В.В. Концепты «жизнь» и «смерть» в системе языка и сознании разноязычных носителей: на материале фразеологизмов: дис. ... канд. филол. наук / В.В. Тарасенко. — Комсомольск-на-Амуре, 2008.

Тарланов З.К. Язык. Этнос. Время: Очерки по русскому и общему языкознанию / З.К. Тарланов. — Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1993.

Татар теленең диалектологик сۆزلәгә — Диалектологический словарь татарского языка / отв. ред. Рамазанова Д.Б. — Казань, 1993.

Тимощенко С.А. Дом // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 6. — Волгоград: Парадигма, 2007. — С. 269—289.

Тихонова С.А. Зло // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 5. — Волгоград: Парадигма, 2007. — С. 16—30.

Тойдыбекова Л.С. Марийская мифология / Л.С. Тойдыбекова. — Йошкар-Ола, 2007. — 312 с.

Трофимов А.А. Орнамент чувашской народной вышивки / А.А. Трофимов. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1977. — 110 с.

Тухтангулова Е.В. Художественные концепты «жизнь» и «смерть» как репрезентанты словообраза «природа» в идиостиле Н.А. Заболоцкого: дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Тухтангулова. — Ижевск, 2007.

Убийко В.И. Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке: Функционально-когнитивный словарь / В.И. Убийко. — Уфа, 1998.

Убийко В.И. Концептосфера внутреннего мира человека в аспекте когнитивной лингвистики // Виноградовские чтения: тезисы докладов. — М., 1999.

Уразманова Р.И. Современные обряды татарских народов / Р.И. Уразманова. — Казань, 1924.

Урусова О.А. Гендерные признаки концепта «Америка» // Концептуальные сферы «мир» и «человек»: коллект. моногр. / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. — Кемерово: ИПК «Графика», 2005. — С. 283—292. — (Серия «Концептуальные исследования»; вып. 5).

Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. — М.: Альта-Принт, 2007. — 1239 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. — М.: Прогресс, 1964—1973.

- Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. / М.Р. Федотов. — Чебоксары, 1996. — Т. 1. — 470 с. — Т. 2. — 509 с.
- Фуко М.* Слова и вещи / М. Фуко. — М.: Прогресс, 1977.
- Хохлов Д.В.* Народ // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 7. — Волгоград: Парадигма, 2009. — С. 108—124.
- Чăвашла-вырăсла словарь = Чувашско-русский словарь / М.И. Скворцов редакциленĕ. — М.: Русский язык, 1982. — 712 с.
- Чăваш поэзийĕн антологийĕ. — Шупашкар: Чăваш АССР кĕнеке изд-ви, 1962. — 580 с.
- Чăваш халăх пултарулăхĕ: мифсем, легендăсем, халапсем. — Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2004. — 568 с.
- Чăваш халăх пултарулăхĕ: пилсемпе кĕлĕсем. — Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2005.
- Чăваш халăх сăмахлăхĕ: мифсемпе халапсем. — VI т. — Иккĕмĕш пайĕ. — Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1987. — 443 с.
- Шанский Н.М.* Краткий этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. — М.: Просвещение, 1971. — 542 с.
- Шевченко И.С.* Добро / И.С. Шевченко, И.В. Змиева // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 5. — Волгоград: Парадигма, 2007. — С. 4—16.
- Шмелев А.Д.* Русская языковая модель мира: материалы к словарю / А.Д. Шмелев. — М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Шмелев А.Д.* Русский язык и внеязыковая действительность / А.Д. Шмелев. — М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Этимологический словарь русского языка / под ред. Н.М. Шанского. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963.
- Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. — Вып. 1—34. — М.: Наука, 1974—2002.
- Яковлева Е.А.* Этические концепты «правда», «истина» и «ложь», «обман» в макротексте живой речи // Культурные и духовные традиции русских Башкортостана: история и современность. — Уфа, 1998. — Ч. 2. — С. 134—137.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Концепт как лингвокультурный феномен.....	6
Концептосфера «деревья».....	29
Вёрене «клён».....	33
Йа́мра «ветла».....	40
Йёлме «ильм».....	44
Кавра́с «ясень».....	48
Катаркас «боярышник».....	53
Кедр.....	57
Пилеш «рябина».....	60
Пихта.....	68
Џака «липа».....	70
Тирек «тополь».....	78
Хурама «вяз».....	85
Хура́н «берёза».....	89
Хыр «сосна».....	96
Ча́раш «ель».....	104
Юман «дуб».....	111
Концептосфера «кустарники».....	119
А́ваш «клещевина».....	119
Ка́пчанка́ «бересклет».....	122
Палан «калина».....	125
Џирёк «ольха».....	131
Џу́се «ива, тальник, ракита».....	137
Тупа́лха «таволга».....	139
Урта́ш «можжевельник».....	143
Ха́ва «ива».....	150
Ша́лан «шиповник».....	161
Шёшкё «орешник».....	166
Заключение.....	175
Список сокращений названий языков и диалектов.....	177
Литература.....	181

Чувашский государственный институт
гуманитарных наук

Исаев Юрий Николаевич

ФИТОНИМИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТУАРИЙ КАК СЛОВАРЬ НОВОГО ТИПА

Редакторы *Р.К. Игнатьева, Т.Н. Таймасова*

Обложка *А.А. Трофимова*

Художественный редактор *И.Е. Калентьева*

Технический редактор *Л.К. Егорова*

Корректор *Г.И. Алимасова, О.М. Иванова, Н.П. Печникова*

Компьютерная верстка *Н.И. Никифоровой*

Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93 – 95.

Подписано к печати 29.11.2013. Формат 70x100¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная. Уч.-изд. л. ____.

Усл. печ. л. 15,48. Тираж 300 экз. Заказ № __. Изд. № 93.

ГУП Чувашской Республики «Чувашское книжное издательство»

Мининформполитики Чувашии,

428019, Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, 13.

www.chuvbook.ru, e-mail: chuvbook@mail.ru, chuvbook@cap.ru

Тел./факс (8352) 28-85-51.

Отпечатано в ГУП Чувашской Республики «ИПК «Чувашия»

Мининформполитики Чувашии,

428010, Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, 13.